

А. Н. МАТЮШИН

На
земле
Ланки

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

А. Н. МАТЮШИН

НА ЗЕМЛЕ
ЛАНКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

Ответственный редактор
В. В. ВЫХУХОЛЕВ

Фотографии автора

Индекс 2-8-1
207-66

ЖЕМЧУЖИНА В ЗЕЛЕНОМ ОЖЕРЕЛЬЕ ЭКВАТОРА

На карте остров, расположенный у южных берегов Индостана, выглядит как капля. Справочники и путеводители тоже отмечают, что Цейлон напоминает каплю дождя, которую уронили муссоны Индийского океана, но я слышал и другое — у многих очертания его ассоциируются со слезой народа, перенесшего на своих плечах 450 долгих и горьких лет унижения и рабства.

В проспектах и буклетах для туристов название острова непременно дополняется красочными и лестными эпитетами: «земной рай», «обетованная земля», «остров вечного спокойствия», «жемчужина в зеленом ожерелье экватора». Цейлон, или Ланка (так именуют его местные жители), в самом деле удивительно красив. Изумрудной каймой охватывают его берега кокосовые рощи, в голубых водах лагуны отражаются кроны пальм, сивевой дымкой подернуты горные вершины, белым кружевом низвергаются из-за облачных высот водопады.

Таким и только таким представляется остров многочисленным туристам. Но иными глазами увидишь его, если проведешь тут несколько лет.

Цейлон богат: он занимает одно из первых мест в мире по производству чая, каучука, продуктов кокосовой пальмы. В его лесах растут эбен, тик, розовое, сабиновое и атласное дерево. На острове обнаружены залежи высококачественного графита и с давних пор добываются драгоценные камни — топазы, рубины, лунные камни, аметисты, александриты, наконец, знаменитые цейлонские сапфиры. Недаром в старину его называли «Ратнадви́па» («Остров самоцветов»).

И Цейлон вместе с тем беден: у него нет собственной индустрии. Ежегодно здесь собирают около ста тысяч тонн натурального каучука, а перерабатывается

на полукустарных заводиках не более тысячи тонн. Государство выплачивает значительные суммы в иностранной валюте за автопокрышки и камеры, изготовленные нередко из местного каучука.

Колонизаторы, господствовавшие на острове не одну сотню лет, старались поставить его в полную экономическую зависимость от себя. И сейчас еще из шестнадцати крупнейших банков страны четырнадцать принадлежат финансовым трестам или финансистам иностранных держав. Более сорока процентов земель под чайными плантациями (причем лучших и самых плодородных) принадлежит англичанам.

О результатах деятельности колонизаторов говорит статистика — годовой доход на душу населения здесь примерно в одиннадцать раз ниже, чем в Англии. Цейлонец потребляет молока в двенадцать раз, сахара — в десять и жиров — в пять раз меньше, чем англичанин.

Вопреки утверждениям путеводителей для туристов Цейлон никогда не был «островом вечного спокойствия». Почти во всех прибрежных городах сохранились португальские, голландские и английские форты и крепости, за стенами которых иностранные поработители укрывались от восставших островитян. В центральной части страны, неподалеку от города Канди, вам и сегодня покажут место, носящее название «Красный песок». Там когда-то произошло жесточайшее сражение между вооруженными до зубов английскими карателями и свободолюбивыми цейлонцами.

После второй мировой войны мощный подъем национально-освободительного движения в странах Азии и распад всей колониальной системы империализма вынудили колонизаторов предоставить независимость многим своим колониям. Статус независимого государства — доминиона в рамках Британского содружества наций — получил и Цейлон. 4 февраля 1948 года (эта дата отмечается как национальный праздник) над страной был торжественно поднят государственный флаг с изображением льва, держащего меч.

* * *

В конце XV века товары с Цейлона — перец и корица, павлиньи перья и драгоценные камни, изделия из

золота, серебра и дерева — пользовались большим спросом на Востоке. Купцы многих стран торговали с островом. Называли они его по-разному: индийцы — «Синхаладвипа», арабы — «Серендиб», греки — «Тапробан».

Был наслышан о богатствах Цейлона и Запад, но здесь не знали, где находится «остров чудес». Этого не знал даже Ф. Д'Алмейда — вице-король португальских владений в Индии, хотя от Индии до Цейлона через Полкский пролив менее ста километров. Индийские купцы умели, видно, хранить свои «торговые» тайны.

Не только богатства острова привлекали к нему внимание правителей западных государств, в частности Португалии, могущественнейшей по тому времени морской державы. После того как стали известны приблизительные координаты Цейлона, европейцы быстро поняли выгодность его местоположения. Не вызывало сомнения, что тот, кто завладеет островом, сможет, имея достаточный флот, контролировать все коммуникации Индийского океана.

Мысль о завоевании Цейлона показалась португальскому королю Мануэлу весьма заманчивой, а ее осуществление — делом легким. Не надо снаряжать дорогостоящую экспедицию: туземцы, по донесениям осведомителей, плохо вооружены, и Д'Алмейда, следовательно, не потребуются помощи из метрополии.

Вскоре специальный гонец доставил вице-королю Гоа в Индию именной указ, в котором тому предлагалось подойти к Цейлону, построить там крепость и оставить людей и суда для ее защиты. Выполнить этот приказ, однако, довелось не Ф. Д'Алмейда, а его сыну Лоренсо Д'Алмейда, «джентльмену удачи». В один из дней он был послан отцом на перехват парусников, перевозивших товары мавританских торговцев с Молуккских островов к берегам Персидского залива. Обычно по пути парусники заходили на Мальдивские острова, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Здесь-то и устраивали им засаду португальцы.

В этот раз затянувшиеся муссоны отнесли каравеллы из района Мальдив куда-то в сторону. Команды начали роптать. Вместо обещанной добычи — осточертевшая солонина, заплесневевшие сухари, затхлая вода и, что хуже всего, неизвестность.

Но вот громкий голос впередсмотрящего сообщил: «Видю землю». Осторожно лавируя между рифами, флотилия вошла в неведомый порт. У пирсов стояли парусные суда. Дон Лоренсо Д'Алмейда сошел на берег. Он был первым европейцем, ступившим на землю Цейлона. Это случилось 15 ноября 1505 года.

Местные торговцы довольно настороженно встретили непрошенных гостей. По совету своих заморских коллег — арабских и китайских купцов, тоже не слишком обрадовавшихся появлению португальцев, — они, не вступая в переговоры о возможных торговых связях, порекомендовали прибывшим отправиться в Котте. Сейчас об этом городе напоминает только название одного из районов Коломбо. Тогда же он был столицей наиболее сильного и развитого из цейлонских государств — Котте. Коломбо же, находившийся в девяти километрах от столицы, представлял собой более чем скромный порт с несколькими складскими помещениями.

Д'Алмейда послал гонца к правителю Котте с просьбой об аудиенции, а сам приступил к инструктажу своих подчиненных. Всем морякам и солдатам под страхом смертной казни запрещалось обижать местное население, канонирам же приказано было произвести несколько «случайных» выстрелов ядрами.

В средневековой цейлонской хронике «Раджавалия» приводится текст донесения правителю королевства о прибытии португальцев. В нем сообщалось: «Здесь, в гавани Коломбо, появились люди с белой кожей... Они носят одежды и шляпы из железа, едят камни и пьют кровь*... Дают две, а то и три золотые или серебряные монеты за одну рыбину или лимон. Грохот выстрелов их орудий громче раскатов грома в горах. Их пушки стреляют ядрами, от которых содрогаются каменные крепости...».

В Котте это донесение вызвало беспокойство и заставило созвать Большой совет. Было ясно, что португальцы предложат установить торговые связи. С одной стороны, это сулило выгоды: иноземцы щедро расплачи-

---

* Под «каменьями» и «кровью» сингалы несомненно подразумевали хлеб и вино, о которых до прихода португальцев они не имели никакого представления.

вались золотом и серебром за рыбу и фрукты, которые в изобилии были на острове, следовательно, они не пожалеют денег за товары, составившие славу Цейлону во многих странах; с другой — слишком уж хорошо вооружены европейцы.

Что, если сингалы будут слышать звон португальских мечей чаще, чем звон золота?

Совет заседал несколько дней, а единого мнения достигнуто не было. Д'Алмейда между тем слал все новых гонцов, и с каждым разом просьбы его об аудиенции становились настойчивее. Совет согласился, что тянуть дольше нельзя.

Придворный уже покинул дворец в Котте и направился в Коломбо, чтобы вручить португальцу официальное приглашение на королевскую аудиенцию, когда запыхавшийся гонец передал ему срочный приказ немедленно возвратиться. Правитель приказал придворному... Более 450 лет прошло со дня высадки европейцев на Цейлоне, но до сих пор, когда сингалы хотят сказать, что кого-то водили за нос или морочили, они говорят: «Его вели тем же путем, что и португальцев из Коломбо в Котте». Дело в том, что от Коломбо до Котте (всего девять километров) их вели ровно три дня.

Во время аудиенции Д'Алмейда заверил сингалов, что португальцы не имеют никаких враждебных намерений, что они хотят только честно торговать с Цейлоном и потому просят разрешения на постройку в Коломбо нескольких складов и небольшой крепости для охраны своих товаров от мавритан, коварство которых известно всему миру.

Правитель Котте долго не раздумывал. Он заключил с португальцами соглашение, рассчитывая, что их золото, а в случае необходимости и оружие помогут ему удержаться на троне и оградят от притязаний мелких феодалов и вождей племен, давно уже не признававших его власть.

В 1517 году к Коломбо подошел целый португальский флот из девятнадцати кораблей под командованием Лопес-Суарес Альваренго. И сразу же началось строительство фактории и земляной крепости. Первое время все было спокойно. Сингалов смущало, пожалуй, лишь то обстоятельство, что прибывали одни только вооруженные до зубов солдаты, мастера, знакомые со

строительством крепостей, да францисканские монахи в черных рясах; купцов же и обещанных товаров что-то не было видно.

Сомнения усилились, когда португальцы приступили к сооружению в Коломбо форта с глубокими рвами, подъемными мостами и крутыми каменными стенами, причем не «небольшого», как было договорено, а невиданных для сингалов размеров.

Отдельные советники правителя Котте пытались убедить его в необходимости, пока не поздно, положить конец строительству форта. Однако другие придворные и вожди племен, с которыми Альваренго успел наладить «дружеские связи», доказывали, что португальцы возводят крепость не столько ради своей безопасности, сколько ради безопасности государства.

Пока обсуждались все эти вопросы, на берегу Индийского океана вырос построенный по последнему слову военного искусства внушительный форт с высокими бастионами, амбразурами и сторожевыми башнями, на которых разместились дозорные в блестящих панцирях и шлемах.

Утвердившись на цейлонской земле, португальцы перестали играть роль мирных торговцев и защитников правителя Котте. Когда их требования о бесплатном предоставлении продовольствия для гарнизона крепости и товаров для отправки в Португалию не удовлетворялись, начинали действовать карательные отряды. Они жгли деревни, убивали мужчин, насиловали женщин.

Негодование народа достигло предела, и вскоре двадцатитысячная сингальская армия осадила форт в Коломбо. Возможности были неравны — пушки и мушкеты против копий и стрел, кованые панцири против плетенных из прутьев щитов. И все же португальцам пришлось туго. Осада длилась более пяти месяцев. Только подкрепление, прибывшее из индийского порта Кочин, спасло осажденных от гибели, а форт — от уничтожения.

После победы колонизаторы продиктовали правителю Котте условия кабального соглашения. Отныне сингалы обязаны были заготавливать дикорастущую корицу и доставлять ее на корабли, а также корчевать джунгли под коричные плантации.

Со временем португальцы построили укрепления и разместили гарнизоны во многих прибрежных городах Цейлона в частности в Галле — на юге, Джафне — на севере, Негомбо — на западе страны. Для упрочения своего господства на острове они прибегли к помощи церкви. Францисканские миссионеры развили бурную деятельность по обращению местного населения в католичество. Не желавших переходить в христианскую веру крестили насильно, руководствуясь принципом: «Начинай с молитвы, если же она не достигает цели — пусть решает меч».

Владычество чужеземцев, распространение католичества, рост налогового бремени вызывали возмущение народа. Недовольных сумел объединить правитель государства Ситавака Раджасинха I. Недалеко от Коломбо, близ селения Мулериява, он дал бой европейцам и одержал крупную победу. В этом сражении, по словам летописца, участвовало более ста боевых слонов, погибла тысяча португальцев; «кровь, как вода, текла по полям Мулериява».

Затем царь Ситавака захватил Котте и приступил к осаде Коломбо, куда удалось добраться остаткам португальских войск. Пустив в ход шантаж, подкуп, клевету и интриги, колонизаторы натравили на Раджасинху феодалов и с их помощью одолели его. Но еще много раз народ поднимался против чужеземных поработителей.

Португальцы продержались на Цейлоне около 150 лет и все это время контролировали по сути дела только прибрежные районы. Лишь изредка они осмеливались предпринимать карательные экспедиции в глубь страны. У них не было достаточно сил, чтобы закрепиться в центральной части острова и покорить расположенное там крупное государство Канди. После нескольких неудачных попыток они вынуждены были окончательно отказаться от этой мысли.

Правители Канди сыграли большую роль в изгнании португальцев с Цейлона, но они допустили ту же ошибку, которую в свое время совершил царь Котте. Стремясь во что бы то ни стало избавиться от португальцев, они решили опереться на других европейцев.

В начале 1602 года голландский корабль «Бребис» бросил якорь близ портового города Баттикалоа, на

восточном побережье Цейлона. Прибывший на этом корабле адмирал Шпильберг сошел на берег и направил свой путь в Канди. Он легко мог стать пленником португальцев или верных им сингальских солдат, а одиноко стоявший на рейде «Бребис» — добычей моряков. Однако невыполнение личного приказа штатгальтера Голландии и Зеландии принца Морица Оранского грозило еще большими бедами.

Кандийский царь Вимала Дхарма (Сурия I) принял Шпильберга с почетом. Он выразил готовность заключить соглашение о совместных военных действиях против португальцев и дал разрешение на строительство морской крепости неподалеку от Тринкомали. В соглашении имелся еще один пункт, предусматривавший предоставление нидерландской Ост-Индской компании права свободного вывоза с Цейлона корицы и перца. Собственно, это-то и было главной целью экспедиции адмирала.

В дальнейшем голландцам удалось изменить формулировку этого пункта. Речь шла уже не просто о праве, а об «исключительном и монопольном праве» на всю торговлю с Цейлоном. Уточнению подверглись условия и военного союза — голландцы предоставляли войска, а все военные расходы оплачивались кандийским государством. Купцам нидерландской Ост-Индской компании ведение военных операций теперь фактически не стоило ни гроша. Чужеземные солдаты, охранявшие на цейлонской земле интересы компании и сражавшиеся за нее, по существу находились на содержании кандийских правителей. Последние для покрытия военных расходов обложили дополнительными налогами своих подданных, которым приходилось теперь не только выплачивать новые налоги, но и работать на заготовке коричной коры или разбивке плантаций перца.

Такие выгодные во всех отношениях условия соглашения позволили голландцам приступить к ликвидации португальских опорных пунктов на Цейлоне. К 1640 году войска Ост-Индской компании овладели всеми португальскими крепостями на восточном побережье острова, осадили и взяли штурмом Галле. В 1644 году та же участь постигла морскую крепость Негомбо.

В 1656 году двадцатитысячная сингальская армия под командованием кандийского царя Раджасинха II,

действовавшая совместно с голландскими войсками, заняла Коломбо — главный оплот португальских сил на Цейлоне; через два года пала их последняя крепость Джафна. Так закончилась португальская оккупация острова.

Еще до того как португальцы были изгнаны с цейлонской территории, начались разногласия между голландцами и Раджасинхой II. Несмотря на договоренность о том, что взятые у португальцев крепости будут передаваться кандийскому государству, это условие, как и многие другие, игнорировалось. Все чаще разногласия стали переходить в вооруженные столкновения. Особенно глубокое возмущение вызвал отказ голландцев передать форт в Коломбо, при взятии которого сингальские войска сыграли решающую роль и понесли весьма тяжелые потери.

С владычеством португальцев на Цейлоне было покончено, но голландские войска и не думали покидать страну. Наоборот, укрепившись в основных прибрежных городах острова, они начали продвигаться вглубь, строя крепости и оставляя гарнизоны на пути своего следования. Подобно португальцам, они требовали для себя все больших привилегий, подкрепляя эти требования оружием. Теперь Ост-Индская компания уже не удовлетворялась вывозом корицы и перца. Ей нужны были рабочая сила и земли для разбивки плантаций арековой пальмы, орехи которой пользовались большим спросом в странах Азии. Пробовала она разбить и плантации новых культур, в частности кофе. Прибрежные лагуны превращались в бассейны, где из морской воды выпаривалась соль, приносящая немалые прибыли купцам Ост-Индской компании.

В стране часто вспыхивали восстания, жестоко подавляемые колонизаторами. Голландия, союзник кандийских королей в борьбе с португальскими завоевателями, вступила на путь войны против кандийского государства.

В 1763 году десятитысячная армия европейцев двинулась на Канди. Ценой значительных потерь голландцам удалось захватить город и удерживать его в течение почти девяти месяцев. Однако войска сингалов плотным кольцом окружили их, отрезав от прибрежных укреплений. Кончались медикаменты для раненых и больных,

боеприпасы для способных еще носить оружие, продовольствие для тех и других.

Голландское командование приняло решение возвратиться в Коломбо. Путь был нелегкий. Больные и раненые сковывали движение боевых колонн. В обузу превратились тяжелые, ставшие бесполезными из-за отсутствия пороха пушки. В каждом ущелье, на каждой переправе отступавших ожидала засада. В одном из сражений, завязавшемся на пути к Коломбо, пало более четырехсот голландцев.

Дорого обошедшийся Ост-Индской компании поход надолго отбил у колонизаторов охоту к карательным экспедициям. Военные действия приняли стабильный характер. Голландцы теперь чувствовали себя в относительной безопасности только за крепостными стенами. Но такого рода отсиживание совсем не устраивало Ост-Индскую компанию. За содержание войск ей приходилось расплачиваться из собственного кармана. Прибыли падали — каждый поход стоил жизни многим солдатам, а приносил ничтожно мало.

Нужны были войска, но Амстердам нуждался в них больше, чем когда бы то ни было. Голландия почти непрерывно воевала с Испанией, Францией, Англией. Буквально каждый солдат был на счету.

Пытаясь любой ценой удержаться на острове, Компания пошла на уступки, заключив в 1766 году невыгодное для себя соглашение с кандийским правителем. Сингалы могли покупать у голландцев соль по самой дешевой цене в обмен на разрешение добывать корицу на определенных соглашениям плантациях. Но это, разумеется, не могло спасти нидерландскую Ост-Индскую компанию, да и самой Голландии, ослабленной затяжными войнами, было не до далеких заморских владений.

Во второй половине XVIII века борьба между Англией и Голландией за колониальное, торговое и морское господство обострилась. 23 августа 1795 года английский полковник Стюарт, командир десантного отряда, высадившегося близ города Тринкомали, на восточном берегу Цейлона, отдал своим канонирам приказ открыть огонь по голландскому форту Фредерик.

Это было началом военных действий англичан против голландцев, началом борьбы за право грабить богатства острова и эксплуатировать его население. 26 ав-

густа над фортом взвился белый флаг, означавший капитуляцию голландского гарнизона. Потери англичан при взятии форта составили пятнадцать человек убитыми.

Меньше чем через год, 12 февраля 1796 года, английские войска под командованием того же Стюарта без единого выстрела овладели крепостью Негомбо. Спустя три дня был занят Коломбо. Почти одновременно капитулировали голландские крепости в Галле, Калутаре, Матаре и Джафне.

В 1802 году Цейлон перешел под покровительство английской короны и стал колонией Великобритании. Метрополия приступила к планомерному выкачиванию богатств из поработенной страны. Пригодился опыт, накопленный в Индии, значительная часть которой к тому времени была уже завоевана и «освоена» английскими колонизаторами. Прибывшие отсюда чиновники принесли на Цейлон новые законы и положения, коснувшиеся прежде всего системы налогообложения. В отличие от португальцев и голландцев, взимавших поборы с правителей государств или вождей племен (те в свою очередь перекладывали это бремя на своих подданных), англичане облагали непосредственно население. Были увеличены старые налоги и введены новые — на каждую кокосовую пальму, фруктовые деревья, на выращивание табака, ловлю рыбы, добычу соли и драгоценных камней, причем эти налоги должны были выплачиваться в денежной форме.

Вся власть на Цейлоне сосредоточивалась в руках английского генерал-губернатора. На местах ее осуществляли чиновники Ост-Индской компании, смещавшие выборных представителей. Они обирали население острова до нитки, не забывая при этом часть награбленного положить в собственный карман, поощряли взяточничество, не желали считаться с обычаями страны, унижали достоинство ее жителей.

Даже Гарри Уильямс, автор книги «Цейлон — жемчужина Востока», англичанин, не устававший перечислять «благодетения», оказанные его соотечественниками Цейлону, вынужден был написать: «Сингалы с очевидностью поняли, что этот новый тип представителя белой расы был наихудшим из тех, с которыми им когда-либо приходилось встречаться».

В начальный период своего утверждения на Цейлоне англичане контролировали в основном прибрежные районы. Кандийское государство, занимавшее центральную часть острова, все еще сохраняло независимость. Ни португальцам, ни голландцам так и не удалось покорить его. Для англичан же завоевание этого государства становилось главной задачей. Они надеялись либо устранить правителя Канди и, раздробив его земли, навсегда обезопасить себя от возможных враждебных действий, либо превратить царя в послушного исполнителя приказов генерал-губернатора. В этом случае колонизаторы выступали бы в качестве единственных хозяев всей территории острова. Кроме того, они намеревались расширить и укрепить порт Тринкомали, превратить его в свою главную базу на Востоке. Чтобы быстро и оперативно перемещать войска и перебрасывать военные материалы, нужен был кратчайший сухопутный путь, связывающий Тринкомали с Коломбо. Этот кратчайший путь проходил через территорию Канди.

Англичане внимательно следили за положением в этом государстве, ожидая удобного момента для нападения на него. Однажды в резиденцию генерал-губернатора Норса прибыл гонец с тайным посланием. В нем один из приближенных царя Канди сообщал, что он подготовил заговор в целях свержения нынешнего правителя, и предлагал посадить на трон человека, который послушно выполнял бы приказы генерал-губернатора.

Этот план понравился Норсу, тем более что надежд на успех в войне с Канди было не слишком много. Население несомненно поддержало бы правителя и оказало сопротивление захватчикам, решишь они на открытые военные действия.

Своим личным представителем Норс назначил генерала Макдоуэла, и тот в сопровождении сильного отряда войск направился в Канди. Казалось, все шло хорошо. Отряд Макдоуэла благополучно прибыл в столицу, и Норсу оставалось только ждать гонца с сообщением об успешном осуществлении заговора. Но прибывший гонец доставил совершенно неожиданное известие. Автор тайного послания требовал за оказанные услуги кандийский трон и просил помощи «храбрых английских войск». Принятие условий означало бы вой-

ну против кандийского царя. Норс этого не хотел и отдал приказ о немедленном возвращении отряда Макдоуэла в Коломбо.

Дипломатия «плаща и кинжала» потерпела провал. Ничего не дали и неоднократные попытки английского губернатора заключить с кандийцами «мирный, равноправный и взаимовыгодный договор».

Между тем Лондон настаивал на активных действиях. Перед Норсом все чаще ставился вопрос — долго ли за Канди будет признаваться право выступать в качестве «государства в государстве»?

В январе 1803 года английские войска двинулись к Канди и вскоре подошли к столице. Их встретил пустой город: все жители покинули его и укрылись в горах. Оттуда они непрерывно совершали вылазки, истребляя небольшие группы вражеских солдат. Колониальные войска бездействовали, но потери их увеличивались. Положение осложнялось из-за трудностей со снабжением.

В июне 1803 года кандийцы начали штурм своей собственной столицы. Теперь уже англичанам не на что было надеяться. Им ничего не оставалось, как пробиваться к Коломбо. Вернуться удалось, однако, очень немногим: кандийцы упорно преследовали их.

Они тревожили английские гарнизоны и в Матаре, Путталаме, Джафне, Баттикалоа, а 6 сентября осадили Коломбо. Англичанам пришлось начать мирные переговоры.

Колонизаторам понадобилось немало времени, чтобы оправиться от нанесенного кандийскими отрядами удара. Только в январе 1815 года, предварительно вызвав из Индии солидные подкрепления, они рискнули отправиться в новый поход против кандийского государства.

Посланные впереди армии лазутчики распространяли обращение генерал-губернатора, в котором лицемерно заявлялось, что англичане считают своим долгом защитить население от тирании правителя. Крестьянам были обещаны земли, вождям племен — сохранение всех привилегий, духовенству — свобода вероисповедания.

В феврале вооруженные до зубов захватчики вступили в Канди. Царь был низложен и вместе со всеми

своими родственниками по мужской линии сослан в Индию. Представителям кандийской знати зачитали так называемый Закон о правлении, по которому Цейлон провозглашался частью Британской империи.

Таким образом, 2 марта 1815 года суверенные права последнего оплота независимости сингальского народа были переданы английской короне.

В своей экономической политике на Цейлоне колонизаторы руководствовались принципом: развивать только те отрасли хозяйства, которые выгодны им, и строить лишь то, что нужно им.

Как только на мировом рынке упали цены на корицу, основную культуру цейлонского экспорта, и возрос спрос на кофе, местных крестьян заставили вырубать коричные деревья и разбивать плантации кофе. Служившие на острове английские офицеры, миссионеры, судьи, клерки всех рангов, не говоря уже о лицах, власть имущих, бросились скупать землю, благо цены на земельные участки были установлены минимальные — пять шиллингов за акр.

Почти даровая рабочая сила, благодатные климат и почва, благоприятная конъюнктура способствовали быстрому увеличению площади под кофейными плантациями; в 1897 году она достигла 250 тысяч акров.

В 90-х годах неожиданно наступила катастрофа. За короткий промежуток времени почти все кофейные кусты на острове погибли от болезни растений. Но выход был найден: на смену кофе пришла новая культура — чай. Развитие чаеводства здесь по своим темпам было еще более стремительным. Если в 1873 году плантации чая занимали всего лишь 280 акров, то в 1947 году — 550 тысяч.

В конце XIX века начали возникать плантации каучука. Для развивавшейся в то время автомобильной промышленности требовалась авторезина, и склоны цейлонских холмов и возвышенностей покрылись гевеями — деревьями-каучуконосами.

Каждый фунт чая, каучука, кокосового масла превращался у оборотистых англичан в фунты и шиллинги, бережно складываемые в сейфы банковских воротил, и пенсы, небрежно бросаемые в ладонь цейлонцев-поденщиков. Но и эти пенсы затем снова возвращались к английским дельцам. Чайные и каучуковые плантации

не оставляли места для посадок риса — основного продукта питания цейлонца, и его можно было купить только через английских купцов. За одеждой и обувью тоже нужно было обращаться к тем же купцам, спускавшим залежавшиеся товары по высоким ценам.

Для пополнения своей казны колонизаторы облагали население острова все новыми и новыми налогами. Чиновники управления налогов словно соревновались между собой, кто вспомнит, что еще не обложено. Цейлонцы любят носить украшения? Ввести налог на украшения. В городах принято строить дома с верандами? Ввести налог на веранды.

Англичане ставят себе в заслугу строительство на Цейлоне широкой сети дорог, правильнее было бы сказать «широкой сети военно-стратегических коммуникаций». (Примечательно, что первая железная дорога соединила Коломбо и Канди, столицу государства, на покорение которого англичане затратили так много сил). Эти коммуникации были проложены в годы правления генерал-губернатора Барнса, которому нельзя отказать в знании военного дела: он был адъютантом Веллингтона, разбившего Наполеона в сражении при Ватерлоо. Говорят, чуть ли не сразу по прибытии на остров он сказал: «Во-первых — дороги, во-вторых — дороги и в-третьих — дороги». Строительство дорог, дающих возможность перебросить в кратчайший срок войска в «опасные» зоны, Барнс считал более важным и выгодным, чем возведение и содержание крепостей для английских гарнизонов. Против этого не возражали и владельцы плантаций. Ведь под «опасными» подразумевались прежде всего районы плантаций, где нередко вспыхивали восстания рабочих. Кроме того, по тем же дорогам товары с плантаций доставлялись в портовые города, откуда вывозились из страны.

Только ради себя, ради своих выгод колонизаторы строили на Цейлоне железные дороги, морские порты, аэродромы, банки и фешенебельные гостиницы.

Англичане любят говорить о том, что период их правления был «счастливым» временем для цейлонцев. Последние, по утверждению английских историков, питают «благодарность и уважение» к англичанам, приобщившим их к «цивилизации». Однако эта «цивилизаторская» миссия на деле принесла цейлонцам колониаль-

ные порядки, порабощение, национальное унижение. Не проходило и года, чтобы в какой-либо части страны не отмечались выступления против иноземных оккупантов. В народе до сих пор жива память о восстаниях 1803, 1818, 1848 годов, когда все население страны как один человек поднималось против захватчиков. Об этих восстаниях в английской литературе почти не упоминается, а если и упоминается, то ничего, конечно, не говорится о том, как карательные отряды сжигали деревни, вытаптывали поля, разрушали водохранилища, вырубали кокосовые пальмы и фруктовые деревья, обрекая на голодную смерть мирных жителей.

Колонизаторы не «даровали» Цейлону независимость, как это утверждают буржуазные политические деятели. Их заставило уйти с острова растущее демократическое и народно-освободительное движение, экономическая и политическая борьба трудящихся. После второй мировой войны по стране прокатилась волна забастовок портовых рабочих, банковских служащих, плантационных рабочих, в 1947 году под руководством Коммунистической партии Цейлона была проведена всеобщая стачка. Борьба народа увенчалась успехом — 4 февраля 1948 года Цейлон был провозглашен независимым государством.

КОЛОМБО— «ПЕРЕКРЕСТОК АЗИИ»

Февральским вечером 1961 года мы вылетели с Шереметьевского аэродрома на самолете «Суперконстеллейшн» авиакомпании «Эйр Индия» и утром приземлились в делийском порту Палам. Оттуда самолет голландской компании КЛМ перебросил нас на бомбейский аэродром Санта-Круз. Наконец, в Мадрасе мы пересели на «Вайкаунт» компании «Эйр Цейлон». Сейчас ИЛ-18 советского Аэрофлота доставляет пассажиров из Москвы в Коломбо за четырнадцать часов.

Тень нашего самолета, за которой мы гнались от Мадраса, пересекла линию прибоя и заскользила по зеленым кронам пальм. Окончательно мы ее догнали на бетоне посадочной площадки, когда она замерла под крыльями «Вайкаунта», подрулившего к зданию аэропорта Ратмалана.

Первые дни Коломбо — столица тропического Цейлона — буквально ошеломляет приезжего, особенно если он прибыл из стран, расположенных поближе к северным широтам. Поражает все: жаркий, напоенный морской влагой воздух (стоит пройти несколько шагов под отвесно падающими лучами солнца, и тело покрывается испариной), обилие зелени в городе, разнообразие и сочность красок (здесь почти не увидишь тусклых оттенков, только чистые и яркие тона).

Непривычно выглядит и пестрая толпа — мужчины-сингалы в саронгах (длинный кусок ткани, обернутый вокруг пояса наподобие юбки) и мусульманки в шароварах; девушка в короткой модной юбке и рядом женщина, закутанная в спускающееся до земли сари. Чопорный англичанин, не расстающийся даже в полуденную жару с крахмальной сорочкой и галстуком, шествует рядом с бритоголовым буддийским монахом в

оранжевом одеянии, сандалиях и с непременно черным зонтиком в руке (местные жители считают, что от солнечных лучей спасает зонт только черного цвета); здесь же встретишь мавра в красной феске, черном жилете и белых брюках и католическую монашку в причудливом черном капюшоне с четками в руках.

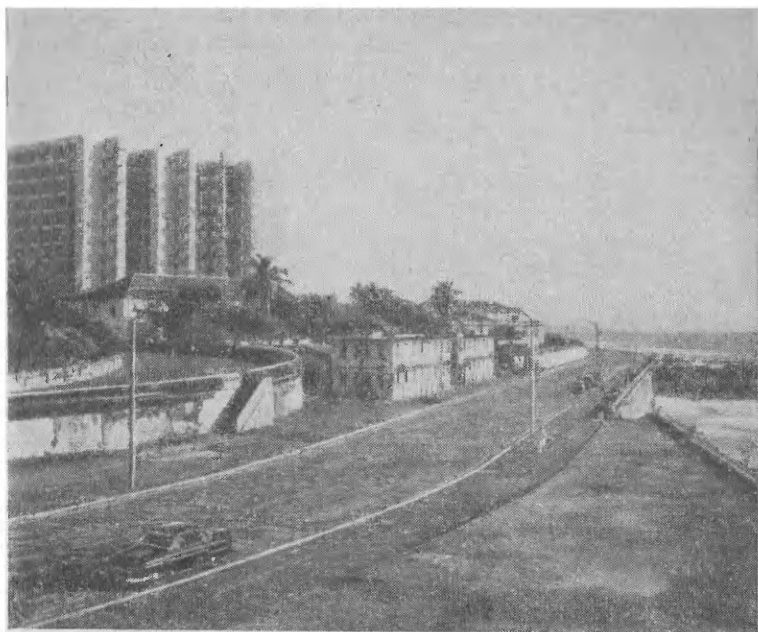
Не сразу привыкаешь к левостороннему движению, то и дело оказываешься перед машиной, которая неведомо откуда появляется в опасной для тебя близости. Поток легковых автомашин и повозок, влекомых под возгласы погонщиков медлительными горбатыми бычками — зебу, огромных двухэтажных красного цвета автобусов и рикш регулирует полицейский в широкополой шляпе, кителе с белыми нарукавниками и шортах цвета хаки.

Между машинами и повозками во всех направлениях снуют велосипедисты, не признающие никаких правил; лихо мчится на мотороллере в белом предохранительном шлеме католический священник, и ветер треплет полы его сутаны.

Прямо на тротуарах лежат пачки газет на сингальском, тамильском и английском языках. На Цейлоне по сравнению с другими странами Юго-Восточной Азии высокий уровень грамотности (более семидесяти процентов). Здесь ежедневно раскупается свыше полумиллиона экземпляров газет.

Коломбо и его морские ворота — порт с полным основанием называют «перекрестком Азии». Это своеобразный обменный пункт, где встречаются суда под всеми флагами мира. Лебедки и портовые краны грузят в трюмы ящики ароматного чая, которым будут наслаждаться любители во многих странах, терпко припахивающие дымком полупрозрачные листы каучука, которые, превратившись в авторезину, прошелестят по дорогам разных континентов, ценные породы древесины и многие, многие другие товары традиционного цейлонского экспорта.

Надежно спрятаны в судовые сейфы самоцветы, которые будут доставлены в ювелирные магазины крупнейших городов мира. Ими можно полюбоваться в витринах и на прилавках Коломбо. На синем бархате горят и переливаются золотистые и дымчатые топазы, рубины и лунные камни, аметисты и аквамарины, кошачьи

Набережная в Коломбо

глаза и александриты, опалы и жемчуг. Удивительно хороши сапфиры, среди которых особенно высоко ценится его редкая разновидность — звездный сапфир. Местные ювелиры не преминут сказать вам, что именно здесь, в Коломбо, американский мультимиллионер Джон Пирпонт Морган приобрел добытый на Цейлоне некогда самый крупный в мире сапфир (вес более пятисот каратов). В октябре 1964 года газеты всех стран опубликовали сенсационное сообщение о дерзкой краже этого драгоценного камня из нью-йоркского Музея естественной истории.

Погрузка окончена. Трудяги-буксиры облепляют со всех сторон осевшее по ватерлинию судно и вытаскивают его на внешний рейд, где у пирсов в ожидании своей очереди на разгрузку стоят другие суда. Те же буксиры осторожно, даже почтительно вводят в порт сверкающий белизной надстроек и стеклами иллюми-

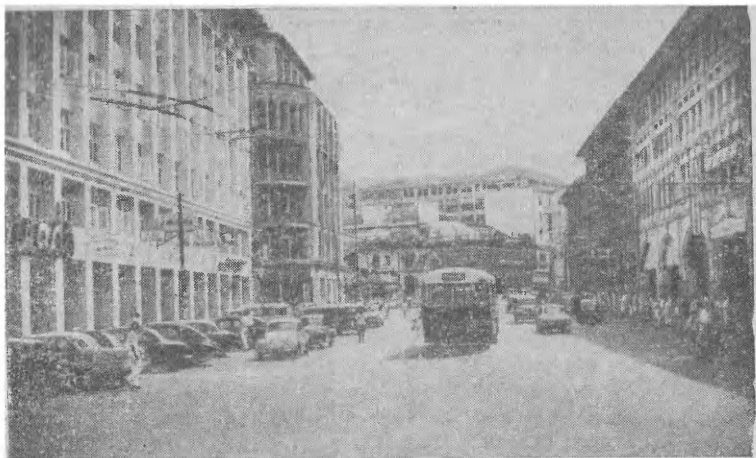
Двухэтажный автобус и бычок-зебу
нередко оказываются рядом

наторов ультрасовременный лайнер типа «Канберра», совершающий регулярные рейсы между Англией и Австралией, и по Коломбо растекаются разноязычные толпы туристов.

Басовито сигнала, входит в порт «трэмп» — океанский бродяга, узнавший, судя по изъеденным солью бортам, почему фунт морского лиха. Огибая волнолом, совсем по-будничному торопится индийская дхони — небольшое суденышко с косым парусом, снастями из волокна кокосовой пальмы и командой темнокожих матросов в набедренных повязках. Она привезла овощи из индийского порта Тутикорин.

Цейлон многое экспортирует, но немало и ввозит: промышленное оборудование и автомашины, ткани и предметы домашнего обихода, рыбу и мясо, муку и рис. Следы хозяйничанья колонизаторов в стране еще далеко не изжиты.

В этом легко убедиться, если пройти в деловую и административную часть города. Когда-то здесь португальские колонизаторы построили свой первый спорный пункт — форт, давший название целому району. На

**Форт — район банков,
отделений фирм и компаний, магазинов**

месте солидных крепостных укреплений выросли еще более солидные здания банков, отделений всемирно известных компаний и фирм, магазинов. Тут же находятся резиденция генерал-губернатора, канцелярия премьер-министра, сенат, здания почты и телеграфа.

На улице Принс-стрит у внушительных подъездов, густо залепленных медными пластинками с названиями учреждений, сплошными рядами выстроились сверкающие лаком и никелем машины самых различных марок — европейские, американские, японские. В тиши кабинетов офисов, овеваемые ветерком электрических фенов, дельцы с европейскими и американскими фамилиями пока еще подсчитывают свои прибыли, переводя в фунты, доллары, марки, гульдены и другую валюту труд цейлонского народа и богатства цейлонской земли. Но уже на соседней улице работают национализированные Банк Цейлона и Народный банк.

В обеденный перерыв в порту замирают краны, повсюду в городе закрываются двери магазинов и учреждений. Расположившиеся в тени пакгауза грузчики разворачивают захваченную из дома и завернутую в банановые листья скромную горсть-другую риса и

молча едят его, запивая тепловатой, согревшейся на солнце водой из бутылки.

Разносчик на велосипеде спешит доставить обед тем, кто может позволить себе «роскошь» заказать его в харчевне. На багажнике возвышается пирамида обвязанных платками тарелок с едой.

Людно в это время в бутиках — нечто среднее между небольшой столовой и лавочкой, — где можно пообедать, выпить стакан чаю или кофе и заодно сделать мелкие покупки.

В час трапезы на обеденном столе цейлонца, и бедного и богатого, появляется отварной рис с традиционным карри, соусом-приправой, составной частью которого непременно служит очень крепкий перец чили и измельченная мякоть кокосового ореха. «Ассортимент» соусов зависит от доходов семьи. Бедняк довольствуется приправой из овощей и «мальдивской рыбы», так называют здесь доставляемого с Мальдивских островов сушеного тунца. На стол богатого цейлонца псдается около десяти, а то и более соусов: мясных, рыбных, из дичи, креветок и зелени.

Карри готовится невероятно острым. Непривычный человек, отведав его, невольно вспоминает об огнетушителе, долго вытирает выступившие слезы и прополаскивает горло содержимым первой попавшейся под руку бутылки. Могу засвидетельствовать, что и кавказская, и индийская, и венгерская, и румынская кухня, в которой перец и острые приправы играют отнюдь не последнюю роль, по сравнению с цейлонским карри кажется просто пресной. Это блюдо, кстати, принято есть без хлеба и руками.

К вечеру, когда закрываются банки и офисы, улицы Форта пустеют: бизнесменов автомашины увозят в особняки, клерки спешат к автобусным остановкам. В предзакатный час приятная свежесть морского ветерка особенно чувствуется на волноломе, протянувшемся от портовой набережной на добрый километр. Эта сооруженная из бетона и камня преграда принимает на себя удары бушующей морской стихии, охраняя от своеволия Индийского океана зашедшие в порт суда. На внутренней стороне ее, на гребешках, окрашенных радужными нефтяными и мазутными пятнами, пляшут обломки каких-то ящиков, обрывки сетей, скорлупа кокосовых

орехов, порожние бутылки — словом, весь сор, который обычно скапливается в океанских портах. На внешней стороне чистые, прозрачные волны разбиваются во влажную солоноватую пыль, встречаясь с крутыми каменными стенами волнолома и набросанными перед ним бетонными пирамидами.

Перед закатом (солнце здесь заходит в течение круглого года около шести часов вечера) на волноломе начинается вечернее гулянье. Энергично вышагивает в шортах глава одной из местных английских фирм, совершающий предписанный врачом моцион. Слуга почтительно несет за ним зонтик и складной стул. Неторопливо движется группа девушек в сари. Верхняя часть их тела закрыта плотно облегающей, короткой, не доходящей до пояса кофточкой. Наряд их дополняют кольца, браслеты, серьги.

Идет по волнолому молодая англичанка. В одной руке шлейка, поддерживающая неуверенно ступающего ребенка, в другой — поводок, на конце которого бодро бежит похожая на сороконожку, с коротенькими кривыми лапками, с лиловым, свисающим до земли языком, длинная и низенькая такса.

Любовь англичан к таксам мне объясняли следующим образом. Когда в Англии налог на собак стали взимать в зависимости от их роста, расчетливые англичане начали обзаводиться таксами: собака «представительная», а налог небольшой. За верность этого объяснения ручаться, конечно, нельзя, но одно бесспорно — уж если здесь встретишь таксу, то ведет ее почти наверняка или англичанин, или слуга англичанина.

Как-то на волноломе я встретил сингала, который вел на цепочке крохотного, чуть побольше кошки, леопарда. Он отчаянно шипел при виде такс, обнажая острые белые зубы.

Опустел Форт, но еще оживленно в районе старого города — Петты, где с незапамятных времен находятся лавки местных торговцев продовольствием, мануфактурой и готовым платьем, обувью, скобяными товарами, кустарными изделиями. От Петты до европеизированного Форта совсем недалеко, однако они резко различны. Петта — азиатский район Коломбо. Улицы здесь уже, магазины меньше, люди в европейской одежде встречаются реже. На вывесках и рекламах почти

нет европейских имен, да и европейская речь раздается нечасто.

Машины с трудом пробираются по лабиринту закоулков, заполненных пестрой толпой. Пешком тут добраться скорее, тем более что на Цейлоне в отличие от других стран мира пешеход пользуется особым уважением. Нередко можно видеть, как колонна автомашин останавливается, чтобы пропустить одинокого пешехода, неторопливо пересекающего улицу.

И без того узкие тротуары Петты загромождены лотками торговцев, шумно расхваливающих свой товар. В лучах солнца переливаются полотнища шелка, сатина, ситца, яркие сари с цветным орнаментом или вышивкой. С ними соперничают желтые и зеленые связки бананов, коричневатые с зелеными листьями ананасы, горы красного и зеленого перца.

Здесь продают не произрастающие в наших краях фрукты. Желтоватая мякоть зеленого, величиной с кулак, продолговатого манго отдает йодом. Одновременно дыню и клубнику напоминают по вкусу плоды дынного дерева папайи. Под скорлупой коричневатокрасного мангустана обнаруживаются полупрозрачные мягкие с косточкой внутри дольки, похожие на клубнику и ананас. Красные, желтые и зеленые колючки скрывают нежно-кисловатый плод рамбутана.

Тут же громоздятся на лотках «старые знакомые» — помидоры, огурцы, капуста, редька, горох. Все эти овощи растут на Цейлоне круглый год. А вот о яблоках, грушах, сливах и винограде придется забыть. Но именно о них почему-то вспоминаешь, глядя на лотки с тропическими фруктами.

С утра до позднего вечера на Петте не смолкает крик зазывал, шумный говор продавцов и покупателей, предлагающих, убеждающих, спорящих на сингальском, тамильском и английском языках.

Другой облик у Мараданы — района мелких ремесленников и оптовых торговцев лесом. Вдоль улиц тянутся мастерские; из дверей и окон их раздается дробный перестук молотков, визг пил и жужжание паяльных ламп. Прямо на тротуар летят стружки из-под резца токарного станка, установленного у порога металлической мастерской. Ветер вращает своеобразную рекламную мельницу — велосипедное колесо, в спицы ко-

того вделаны небольшие лопасти, над дверью свисают автопокрышки и камеры. Здесь вулканизируют авторезину. Веселый перезвон доносится из мастерских жестянщиков, выставивших напоказ свою продукцию: ведра, миски, тазы, жбаны, корыта. Терпким запахом спилок несет от лесных складов.

В стране пока еще нет крупных промышленных предприятий, но недалеко от Коломбо уже строятся металлургический завод полного цикла и завод авторезины — первенцы цейлонской индустрии.

К юго-западу от Форта под кронами пальм и похожих на магнолии «темплтриз» — храмовых деревьев спрятались нарядные особняки местной знати и европейцев. Заботливо ухожены лужайки с коротко подстриженной на английский манер травой и цветочными клумбами. Сюда, в район «Коломбо-7», район шикарных вилл и посольств, городской шум не доносится.

Живописна столица вечером, когда загораются огоньки на небольших уличных рынках и в бутиках. На прилавках, а то и просто на тротуарах, освещенных коптящими плюшками с кокосовым маслом и яркими керосиново-калильными лампами, продавцы разложили всякую всячину: фрукты, рыбу, зажигалки, кокосовые орехи, рубашки, овощи, электрофонари.

Гостеприимно распахнуты двери многочисленных кафе и закусовых. Видны пронизанные светом неоновых ламп батареи прохладительных напитков самых разнообразных оттенков — от ярко-оранжевого до ярко-зеленого. Прямо на обочину дороги выставил свой стол пекарь, на глазах у прохожих лепит он пирожки и жарит их на постреливающей маслом жаровне. Шум толпы перебивает звуки передаваемой по радио музыки.

Начали последний обход улиц торговцы-разносчики. Позванивают укрепленные на щиколотках ног продавца бетеля бубенчики. Зеленые листья этого растения, смешанные с орехами арековой пальмы и гашеной известью, употребляются в качестве острой жвачки, имеющей тонизирующее действие. После долгого жевания эта смесь превращается в ярко-красного цвета кашицу. Ее выплевывают прямо на тротуар. «Бетель — лучшее средство от всех забот, — шутят цейлонцы. — Бедным он помогает забыть о голоде, а у богатых возбуждает аппетит».

«Поль, поль, поль!» — распевает во все горло продавец кокосовых орехов, толкая перед собой тележку с гроздьями ярко-оранжевых плодов. «Малу, малу, малу!» — громко рекламирует свой товар торговец рыбой, несущий на плече бамбуковое коромысло с плетеными корзинками, из которых высовываются рыбы головы и хвосты. Наигрывая на дудочке незатейливый мотив, едет на велосипеде мороженщик.

Ночь в тропиках наступает быстро. Не успевает багровый диск заходящего солнца опуститься в океан, как на небе загораются огромные южные звезды. Колombo постепенно затихает.

Трудовой люд столицы уже отдыхает, набираясь сил для следующего рабочего дня, который начнется рано, с первыми лучами солнца. Лишь в барах фешенебельных отелей и ночных клубах еще продолжается жизнь.

В центре столицы, у дороги, ведущей из Форта к резиденции премьер-министра, на самом берегу океана возвышается серое здание парламента. Раз в год здесь происходит торжественная церемония открытия очередной сессии. К подножию широкой гранитной лестницы, ведущей в расположенный на втором этаже зал приемов, непрерывным потоком прибывают приглашенные. Их встречают служители парламента в белых одеждах с широкими красными перевязями через плечо и при больших медных бляхах.

Поддерживая черные мантии, по лестнице неторопливо поднимаются члены Верховного суда. Из-под белых нейлоновых париков выбиваются иссиня-черные волосы. Сотрудники Министерства иностранных дел в черных глухих сюртуках встречают и провожают на отведенные протоколом места послов и глав дипломатических миссий, аккредитованных на Цейлоне. В зале уже заняли свои места члены палаты представителей и руководители департаментов различных министерств. Отдельно, не смешиваясь с остальными присутствующими, сидят представители высшего буддийского духовенства. Они степенно обмахиваются веерами из листьев талипотовой пальмы.

Широким размашистым шагом, поднимая руки до уровня плеч, к парламентам подходит сводный почетный караул. Солдаты в черных беретах и цвета хаки английского образца форме. Их возглавляет оркестр. Гигант-

ского роста тамбурмажор сверкающей булавой выпивает в воздухе замысловатые параболы. Бравурный марш исполняют темнолицые сингалы-волынщики в клетчатых шотландских юбках, белых гетрах и клетчатых пилотках и барабанщики в накидках из шкур леопарда.

Раздаются слова рапорта начальника почетного караула на сингальском языке (некоторое время назад они еще произносились на английском), и солдаты продельывают какие-то сложные, с многократными притоптываниями и прищелкиваниями каблуками, повороты и перестроения.

Премьер-министру, прибывшему вместе с членами сената — верхней палаты парламента, — особых почестей не воздается. Зато генерал-губернатора, подъехавшего в открытом «ролс-ройсе» в сопровождении кавалеристов в тюрбанах и со штандартами в руках, встречают салютом орудийных залпов.

Генерал-губернатор Цейлона — доминиона в рамках Британского содружества наций — представляет здесь королеву Великобритании — по конституции главу Цейлона. Он обладает весьма широкими правами: поручает формирование правительства лидеру политической партии, одержавшей победу на всеобщих выборах в парламент, и утверждает состав этого правительства. Он называет правительство и премьер-министра соответственно «мое правительство» и «мой премьер-министр». Законопроект, принятый обеими палатами, становится законом только после утверждения его генерал-губернатором. За свои «труды» он получает ежегодно восемь тысяч английских фунтов стерлингов, то есть около трехсот цейлонских рупий в день (месячная заработная плата цейлонского трудящегося не превышает в среднем ста рупий).

На ступенях лестницы парламента генерал-губернатора встречают высшие чины цейлонских вооруженных сил в расшитых, блестящих позументами мундирах, в касках с плюмажами и при шпагах. Солдаты почетного караула замирают по стойке «смирно».

Усевшись на возвышении в зале, генерал-губернатор зачитывает текст тронной речи. Это — программа деятельности правительства на ближайший период. Речи предшествовала короткая дробь барабана и протяжная

мелодия, извлеченная из морской раковины, инструмента продолговатой формы. Исполнитель в национальной одежде кандийца оказался участником Московского фестиваля молодежи 1957 года. За свое мастерство он был награжден там почетной медалью.

Обсуждение тронной речи, как и всех законопроектов, происходит в менее торжественной обстановке. С галереи для прессы, расположенной на втором этаже высокого отделанного светло-коричневым деревом двухсветного зала, удобно наблюдать за работой парламента. Зал поделен широким проходом на две половины. В конце прохода на невысоком постаменте стоит кресло председателя, или, пользуясь английской терминологией, «спикера», палаты представителей. Направо от него места правительственной партии, налево — оппозиционной. По звонку, возвещающему начало заседания, в зал входят депутаты, представляющие политические партии Цейлона. Занимают свои места депутаты-коммунисты. Среди них председатель Коммунистической партии Цейлона С. А. Викрамасинхе и генеральный секретарь Центрального комитета партии Питер Кейнеман.

Раздается традиционный возглас: «Обнажите головы! Дорогу спикеру!» Депутаты встают, когда в зале появляются полицейский, служитель парламента, комендант парламента с массивной посеребренной булавой, украшенной шестьюдесятью голубыми сапфирами, и, наконец, сам спикер в черной мантии при белом галстуке и в белом завитом парике. С булавой связано многое в парламентском ритуале. Заседание и все выступления депутатов считаются действительными только в том случае, если булава находится на подставке. Бывало так, что представители правительственной и оппозиционных партий, желая сорвать рассмотрение того или иного вопроса в парламенте, уносили булаву.

В ходе обсуждения законопроекта депутаты задают вопросы, на которые отвечают сидящие в первом ряду правой стороны министры или их заместители. В зале воцаряется тишина. Слово берет член парламента от Коммунистической партии Цейлона Питер Кейнеман. Его всегда слушают с напряженным вниманием и дружья и враги. Реакционеры ненавидят его, хотя вынуждены считаться с ним; зато глубоким уважением, любовью и авторитетом пользуется Кейнеман у трудящихся.

Вот уже девятнадцать лет подряд они доверяют ему представлять их интересы и защищать их права в парламенте.

Своих избирателей Питер Кейнеман принимает в скромном домике, расположенном в глубине двора на одной из тихих улочек Коломбо. Первое, что бросается в глаза, когда заходишь в скромный кабинет, — это обилие книг. Они на письменном столе, украшенном бюстами К. Маркса и В. И. Ленина, на стеллажах и в шкафах, наконец, просто на полу. Книги на сингальском, английском, французском и немецком языках — всеми этими языками хозяин кабинета владеет в совершенстве. Много произведений классиков марксизма-ленинизма, теоретических журналов и газет компартий разных стран.

Товарищ Кейнеман охотно рассказывает о задачах Коммунистической партии Цейлона. Он подчеркивает, что коммунисты осуществляют свою деятельность в сложной политической обстановке; показательно, что в такой относительно небольшой стране, как Цейлон, существует около двадцати политических партий самых различных направлений и оттенков. Приходится преодолевать сопротивление иностранных монополий и их ставленников, внутренней реакции, а также представителей правых кругов в правительстве.

Коммунисты выступают за провозглашение Цейлона независимой республикой, удаление реакционно настроенных людей с руководящих постов в государственном аппарате, вооруженных силах и полиции; за национализацию банков, плантаций и предприятий, принадлежащих иностранным владельцам, за проведение радикальной аграрной реформы.

Определенные успехи в ряде областей достигнуты. Национализирована, например, система страхования и распределения нефтепродуктов в стране, частные школы переданы государству, и обучение в них ведется теперь бесплатно, расширяются торговые связи Цейлона с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

На веранде домика, где мы беседуем с Кейнеманом, появляются посетители, и я понимаю, что нельзя больше злоупотреблять вниманием и временем человека, чьи добрые советы и помощь очень нужны людям.

Мое знакомство с Коломбо продолжается. Нередко в прогулках по городу мне составляет компанию Сесил Лианаге, цейлонский журналист, умный, приятный собеседник, хорошо знающий историю и обычаи страны. Ему я смело могу задавать свои бесконечные вопросы. Вот первый — о названии столицы. Сесил Лианаге объясняет, что, по одной из версий, правда весьма сомнительной, португальцы дали имя городу в честь Христофора Колумба. Эту версию поддерживают авторы многих путеводителей. Между тем еще до высадки португальцев здесь, в районе Петты, около исчезнувшего сейчас рукава устья реки Келани-ганга, было небольшое селение Коламба, что по-сингальски значит «устье реки», а также «паром».

Некоторые историки утверждают, что своим названием столица обязана сингальскому слову «кола-амба», означающему молодое (без плодов) «манговое дерево». С течением времени «коламба» или «кола-амба» превратилось в Коломбо.

Искажению и «англизации» подверглись и другие коренные сингальские слова в названиях улиц Коломбо. Лианаге обратил мое внимание на табличку с надписью «Бэнк шелл» — по-английски «улица прибрежных раковин».

— Раковины к этой улице не имели и не имеют никакого отношения. «Бэнк шелл» — это искаженное «бангасалы», то есть «торговые склады» сингальских купцов, находившиеся некогда на этой, одной из самых старых улиц города.

Однажды мой добровольный гид привез меня на ничем не примечательную площадь. Расположенная около озера, почти в самом центре столицы, она носит зловещее название «Остров рабов». В период господства нидерландской Ост-Индской компании голландцы, проживавшие в районе Коломбо, так боялись своих рабов, что на ночь отправляли их в тюрьму на острове. Она была окружена глубоким рвом и обнесена высокими стенами, вход в нее закрывали массивные, окованные железом ворота.

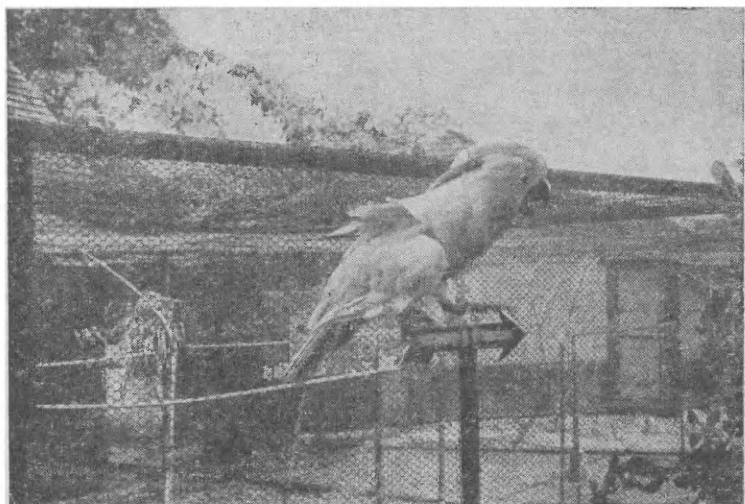
На одной из центральных улиц столицы перед многоэтажным современной архитектуры зданием из бетона и стекла стоит небольшой домик с маленькими забранными решетками окнами и толстыми каменными стена-

У ворот Зоологического сада
посетителей встречает Док

ми. Это невзрачное сооружение трудно заметить. На него мне указал опять-таки Лианаге. Здесь, в темнице, англичане держали в плену последнего кандийского правителя перед отправкой его в пожизненную ссылку в Индию. Позже в редакции одной из местных газет меня познакомили с журналистом Шри Раджа Синхом, который оказался потомком последнего царя Канди.

— От португальцев, — сказал мне как-то Сесил Лиана-

Попугай покажет, куда идти дальше

наге, — осталось название центрального района Коломбо — Форт, от голландцев — целые кварталы, построенные в так называемом голландском колониальном стиле. По проектам английских архитекторов в английском колониальном стиле построена значительная часть города, а Форт превращен ими в некое подобие лондонского Сити. Так что внешний облик столицы, в которой живем мы, цейлонцы, не имеет ничего общего с нашей национальной культурой. Если вы хотите познакомиться с национальной культурой и народом, — поезжайте по стране. Посетите древние столицы острова, побывайте на плантациях, у рыбаков, в кэпах, где добываются драгоценные камни. А в столице непременно посмотрите Зоологический сад.

Зоологический сад в Коломбо, вероятно, одна из самых богатейших коллекций Азии: в ней собраны редкие экземпляры хищников, обезьян, птиц, рыб и пресмыкающихся. Здесь можно встретить нашего бурого «мишку», тапира из Южной Америки и добродушного на вид, но очень опасного хищника — гималайского медведя, гигантских черепах с Галапагосских островов, мирно «пасущихся» на огороженной полянке, птиц-но-

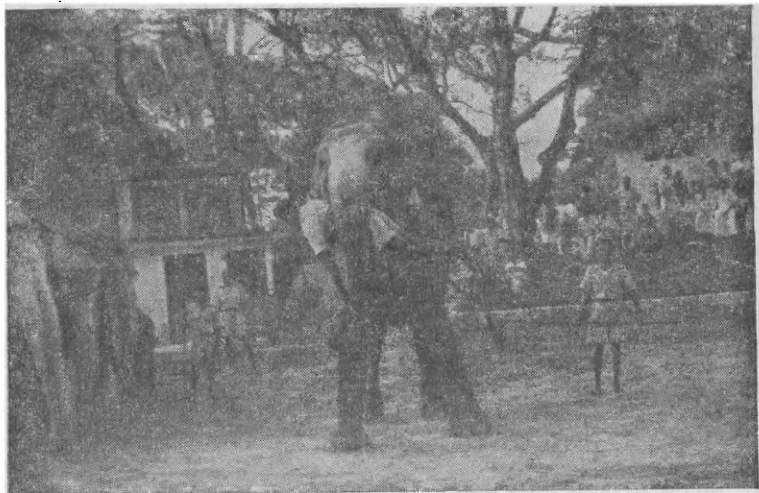
В слоновьем цирке

сорогов, легко расправляющихся при помощи сильного клюва с довольно крупными грызунами и ящерицами, множество попугаев самой фантастической расцветки, наконец, огромное обезьянье семейство: от любимцев посетителей зоосада — шаловливых цейлонских макак — до африканских шимпанзе и огромных орангутангов с острова Калимантан.

Очень широко представлены пресмыкающиеся, которых на острове больше, чем нужно. За стеклом клетки, обтянутой для предосторожности железной сеткой, дремлет свернувшаяся в клубок змея с беловой кожей, покрытой коричневыми пятнами. Над клеткой надпись: «Эта змея ужалила своего владельца, скончавшегося, несмотря на все усилия врачей-специалистов». Это — тик-палонга, которую цейлонцы считают самой опасной змеей, более опасной даже по сравнению с королевской коброй. Местные жители уверяют, что она всегда нападает первой и яд ее действует скорее, чем яд королевской кобры.

Всего не перечислишь, но на слоновьем цирке — гордости зоосада — нельзя не остановиться. Слон, говорят на Цейлоне, воплощение силы и доброты. Действитель-

Слон берет человека поперек туловища
и проносит по арене

но, кто хоть раз видел его за работой, тот не может не согласиться с этим определением. Оказывается, слоны не только помощники людей, они еще и высококвалифицированные «артисты».

На посыпанную песком арену, вокруг которой на склонах холма расположились зрители, выходят, позванивая бубенцами, пять-семь слонов. Сначала они, как принято всюду, танцуют, забавно раскланиваются, садятся друг на друга, кружатся в хороводе. Один из них под аплодисменты зрителей делает довольно легко стойку на голове.

Затем идут «смертельные номера». Дрессировщик ложится на спину, а огромный слон ставит ногу ему на живот и медленно обводит взглядом притихших зрителей. В напряженном ожидании тянется минута... другая... Но вот, встряхнув головой, слон снимает ногу и осторожно, даже с какой-то почтительностью, медленно перешагивает через дрессировщика.

Другой номер еще более рискованный: слон берет человека поперек туловища и проносит его по всей арене. Потом дрессировщик вкладывает свою голову в рот

слона, и тот поднимает его в воздух. Публика замирает, но животное спокойно ставит человека на землю, всем своим видом показывая, что все в порядке и нечего беспокоиться. В заключение четвероногие «артисты» исполняют под собственный аккомпанемент на губных гармошках прощальный вальс и, раскланиваясь, покидают арену цирка.

Провожая взглядом этих необычных «артистов», невольно проникаешься к ним симпатией и желанием встретиться с ними снова. Представление длится всего двадцать-двадцать пять минут, а запоминается надолго.

ПО ГОРОДАМ ДРЕВНЕЙ ЛАНКИ

Если в поездке по городам острова следовать принципу хронологии, то в первую очередь надо было бы посетить Анурадхапуру. Однако нам пришлось несколько изменить маршрут и направиться сначала в Канди. Во-первых, дорога из Коломбо в Анурадхапуру проходит через Канди, тоже одну из древних столиц страны, а во-вторых, в Канди как раз в это время начиналась перахера.

О перахере я слышал еще в Москве. Рассказывали, что это красочное и редкое зрелище можно увидеть только на Цейлоне, что в нем участвуют тысячи танцоров, тысячи певцов, более сотни слонов. Но никто не мог мне объяснить, каково его происхождение, в чем его смысл, где именно и когда отмечается это торжество. Вот почему те же вопросы я задал журналисту Алвису де Силве, моему новому знакомому, с которым мы отправлялись на эту, пока еще таинственную перахеру.

«Перахера» в переводе с сингальского означает «хождение по кругу». Приблизительно две тысячи лет назад один из сингальских королей (имя его затерялось в веках) повелел своим войскам после победы над врагом пройти триумфальным маршем с захваченными трофеями вокруг дворца.

— О королях и королевствах забывают, а обычаи остаются, — заметил философски де Силва.

В Канди, столице кандийского государства, сохранившего свою независимость в течение нескольких сот лет господства португальских, голландских и английских колонизаторов, этот обычай жив.

От Коломбо до Канди около 120 километров. Англичане смогли пройти их только за двенадцать лет. Сингальские правители недаром выбрали это место, окру-

женное тройным оборонительным кольцом - - крутых гор, непроходимых джунглей и разливающихся во время частых дождей рек, — для своей столицы.

У моста через Махавели-ганга было решено сделать остановку и немного поразмяться. Мы спустились в долину реки и присели на берегу в тени кокосовых пальм.

— Знаете, как называют это место в народе? — задумчиво спросил де Силва, пропуская сквозь пальцы золотистый речной песок. — «Кровавый песок». Здесь 160 лет назад кандийские воины в неравном бою одержали победу над вооруженными до зубов английскими карателями. Река смыла кровь, но о ней хорошо помнит каждое поколение цейлонцев. Захваченные в долине военные трофеи пронесут на перахере. Она, кстати, продолжается девять ночей и заканчивается днем. Начало ее определяют астрологи по расположению планет. Остальное увидите сами.

До Канди мы добрались только к вечеру, когда празднество было уже в разгаре.

Процессия проходила по берегу озера, в котором причудливо отражались красноватые блики факелов, фонарей, серебристая пересыпь звезд, и по улицам празднично иллюминированного города. В свете огней мелькали яркие одежды танцоров, инструменты музыкантов, вышитые попоны слонов, покачивающиеся над ними паланкины, развевающиеся знамена.

Слоны шли медленно, осторожно обходя упавшие на землю тлеющие частицы волокна кокосового ореха. Неподалеку от нас один из слонов заупрямился и тронулся с места лишь тогда, когда махаут — погонщик — убрал с его пути искрящиеся остатки факела. Подошедшие к нам полицейские покосились на фотоаппараты и спросили, не собираемся ли мы для съемок использовать блицы, что категорически запрещается во время перахеры.

— В 1959 году, — пояснил полицейский офицер, — взбесившийся слон растоптал и поранил десятки людей, прежде чем его убили пятым выстрелом. Приходится соблюдать меры предосторожности.

Назавтра мы заняли места против главного входа в храм Зуба Будды на шатких помостах, сооруженных из стволов бамбука и досок каким-то предприимчивым человеком. Многотысячная толпа зрителей уже распо-

ложились на белых зубчатых стенах храма, на каменном парапете набережной озера. Вездесущие мальчишки, не пожалев праздничных рубашек, забрались на кокосовые пальмы, деревья, примостились на крышах домов. Все с нетерпением ожидали начала.

О нем возвестило хлесткое, рвущее воздух шелканье многометровых бичей, отгоняющих, как нам объяснили соседи, злых духов. В окружении знаменосцев медленно двигался возглавляющий процессию слон, на спине которого везли свиток из листьев талипотовой пальмы (ола), где перечисляются победы и подвиги кандийских правителей. На следующем за ним слоне восседал главный махаут (в древние времена он назывался начальником царских слоновников), держащий в руках символ власти — серебряный багор.

Блики яркого солнца играли на гранях камней и чеканных бляхах, украшающих затканые золотым и серебряным шитьем попоны слонов. Воздух наполняли пронзительные звуки деревянных флейт и морских раковин, звон тамбуринов, браслетов танцоров и колокольчиков на сбруе слонов, грохот многочисленных и весьма разнообразных барабанов — сдвоенных (в них ударяют деревянными палочками), сужающихся к концам (в них бьют обеими руками), небольших, похожих на грушу (в них бьют одной рукой).

Под аккомпанемент этой музыки и громкого пения шли кандийские танцоры, проделывая замысловатые фигуры; без них перахера немислима, как, впрочем, и любое праздничное событие на Цейлоне. Другая группа танцоров жонглировала лежащими на плечах деревянными резными рамами-кавади, щедро украшенными яркими лентами, цветами и павлиньими перьями. Мальчишки, отбивая такт звонкими металлическими палочками, приплясывали на ходу. Да и сами музыканты не только аккомпанировали, они тоже исполняли сложный, причудливого рисунка танец.

Под зонтами, которые несли полуголые в набедренных повязках слуги, в окружении пышной свиты важно шествовали представители местной власти в богатых, шитых золотом одеждах. Затем снова шли слоны, танцоры и музыканты.

Наконец, на белой матерчатой дорожке появился огромный слон под цветным паланкином в сопровожде-

Барабанщики на ходу исполняют сложный, причудливого рисунка танец

нии двух слонов поменьше. На нем особенно дорогие попоны, усыпанные драгоценными камнями, а на спине укреплен чеканный, блестящий позолотой ларец. Слона вводят на крыльцо храма, и в ларец устанавливается шкатулка с символическим «зубом Будды». Сам «зуб Будды», в существование которого верят буддисты, из специально построенного для него еще в XIII веке храма не выносится. Перахера — праздник скорее военный и исторический, чем религиозный. Как и сотни лет назад, слоны, бывшие основной ударной силой цейлонских армий, идут по трое в ряд под звуки «гаман хевеси», традиционного боевого марша сингалов. И в наряде кандийского танцора многое от убранства кандийского воина — металлический с наушниками головной убор, напоминающий боевой шлем, металлические наплечники и налокотники, массивные, защищающие грудь бляхи. Внушительное впечатление производят добытые в многочисленных сражениях военные трофеи. Среди них боевые знамена, оружие, трубы и барабаны португальских, голландских и английских войск.

Перахера надолго останется в памяти тех, кому довелось увидеть это красочное и своеобразное зрели-

ще. Оно — живое свидетельство многовековой борьбы свободолюбивого цейлонского народа за свою независимость.

Интересны многочисленные легенды, связанные с «зубом Будды». Если верить им, эта божественная реликвия была доставлена на Цейлон в 311 году спрятанной в прическе тамильской принцессы. Ее отец, правитель одного из государств Южной Индии, где «зуб Будды» хранился более восьмисот лет, потерпел поражение в боях со своими противниками и решил отправить святыню на Цейлон, дабы она не попала в руки «неверных».

На Цейлоне в это время тоже велись междоусобные войны, и «зуб» пришлось скрывать в разных храмах. В конце концов его захватили португальцы, которые, желая развеять миф о божественности реликвии, размолотли его в порошок, зарядили им пушку и выстрелили в море. Однако «зуб» чудесным образом возродился и оказался в целости и невредимости в одном из храмов.

По другой легенде, какой-то феодал приказал разбить «зуб» тяжелым молотом, но молот разлетелся на мелкие куски, не причинив никакого вреда реликвии.

Бросали ее в пламя, но и в огне она не горела.

«Зуб» очень высоко почитается буддистами. Раз в несколько лет его выставляют на обозрение пилигримов, стекающих не только со всех концов Цейлона, но и из других стран к храму Зуба Будды в Канди.

Мне удалось увидеть эту святыню, так сказать «вне очереди», когда ее в знак высокого уважения показывали нашим космонавтам В. Терешковой-Николаевой, А. Николаеву и В. Быковскому. Это желтоватого цвета кость размером с указательный палец человека. Покрыта она на выкованном из золота цветке лотоса и хранится в стеклянном ящике в специальной комнате храма.

Как повествует «Махавамса», хроника, написанная на языке пали, начало древнему цейлонскому государству было положено индийским принцем Виджаей, высадившимся на острове около 543 года до нашей эры.

На спине слона укреплен чеканный,
блестящий позолотой ларец

Подчинив племена аборигенов, он стал первым царем и основателем династии, правившей на Цейлоне почти 2300 лет. Одним из наиболее известных правителей периода становления цейлонского государства был царь Пандукабхая, основавший в 437 году до нашей эры Анурадхапуру, которая стала первой столицей сингальского государства.

И сейчас еще по многочисленным развалинам и руинам можно судить о величии и красоте этого города, соперничавшего, как утверждают историки, в могуществе с известнейшими городами древности. Анурадхапура занимает видное место в истории буддизма. Именно здесь, по твердому убеждению его адептов, Будда любил размышлять, сидя под деревом бо, которое дожило

до сегодняшнего дня. Полагают, что этому дереву из семейства фикусовых около 2500 лет. К дереву и построенному рядом с ним храму совершают ежегодно паломничество сотни тысяч буддистов из многих стран мира.

В центре Анурадхапуры сохранился фундамент — 1600 цельнотесаных каменных колонн, — на котором покоился когда-то Бронзовый дворец, построенный в 161 году до нашей эры. По летописям, в этом дворце, получившем свое название благодаря бронзовой крыше, насчитывалось девять этажей и тысяча покоев, дававших кров трем тысячам монахов. На первом этаже находился зал приемов с колоннами, облицованными золотом и драгоценными камнями. Неподдалеку от Бронзового дворца лежат руины еще более древнего Павлиньего дворца.

Неотъемлемой частью цейлонской культуры являются дагобы — культовые постройки колоколообразной формы, сооружаемые обычно из земли и камня в честь Будды. Наиболее древняя дагоба Цейлона — Тхупарама — относится к III веку до нашей эры, то есть периоду распространения буддизма на острове. Несмотря на простоту форм, а может быть, именно благодаря этой простоте, она поражает красотой и своеобразием. Самым высоким культовым строением Цейлона считалась дагоба Абхайягирия, достигавшая 150 метров. Сейчас от нее, к сожалению, остались только развалины.

За несколько километров виден купол дагобы Руванвелли. Недавно реставрированная, она дает яркое представление о высокой культуре цейлонцев. Основание ее в диаметре составляет 84 метра; возвышается она на постаменте, окруженном четырьмястами каменными слонами, их когда-то украшали бивни из слоновой кости. Подножие дагобы покрыто высеченными из камня изображениями Будды, царей, фантастических зверей и птиц. На четыре алтаря, повернутых в четыре стороны света, верующие возлагают приношения — лепестки лотоса, мисочки с рисом, горящие площадки с кокосовым маслом.

В пятнадцати километрах от Анурадхапуры находится живописное, очень зеленое местечко, окруженное холмами и искусственными озерами. Это Махинтале, в древности оно входило в черту города. По преданию,

правитель Цейлона Деванампия Тисса встретился здесь с буддийским проповедником Махиндой, сыном индийского императора Ашоки, и здесь же вскоре вместе со своими приближенными принял буддизм. В III веке до нашей эры в Махинтале началось строительство храма и монастыря, которое было закончено лишь в XII веке. Это целый архитектурный ансамбль, возведенный на склонах высоких холмов. У подножия холма начинается широкая лестница, насчитывающая тысячу восемьсот сорок ступеней из гранитных плит шириной около десяти метров.

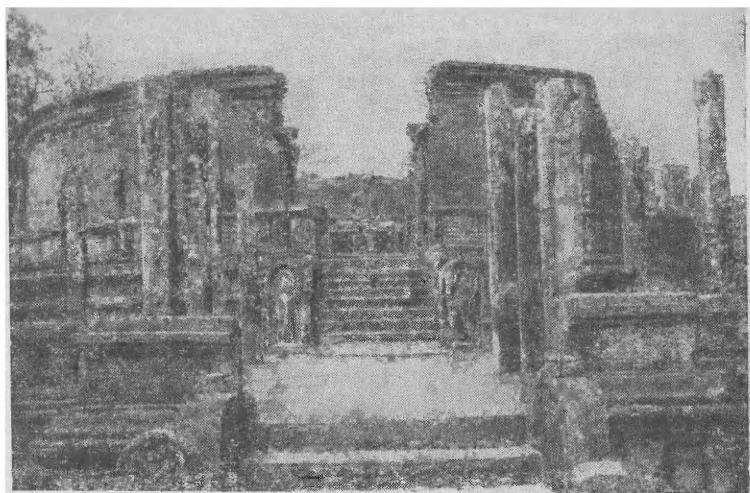
Хорошо сохранились в Анурадхапуре бассейны со сложной системой водоснабжения — еще одно свидетельство высокого развития строительной техники на Цейлоне в древние века. Недалеко от города было создано первое в Юго-Восточной Азии крупное искусственное водохранилище — Тисса-вэва, снабжавшее водой окрестные поля в засушливые сезоны.

В XI веке столицей сингальского государства стала Полоннарува. Расцвет ее пришелся на время правления царя Паракрамабаху I, прозванного Великим (1153—1186). По его приказу были построены огромные водохранилища со множеством шлюзов, питающие и сегодня живительной влагой тысячи акров земли.

От королевского дворца, расположенного в южной части цитадели, обнесенной массивными каменными укреплениями, остались лишь отдельные колонны да части стен. Однако и по руинам можно судить о размерах этого некогда блиставшего великолепием сооружения. Оно насчитывало семь этажей и более тысячи комнат. Сохранилась кладка центрального зала размером 34 на 15 метров.

Настороженные глаза льва внимательно всматриваются в каждого входящего. Изваянный из гранита неизвестными мастерами, он распластался на лестнице Палаты Совета, сторожа, как и сотни лет назад, вход во дворец, превращенный историей и временем в живописные руины, дающие приют лишь обезьянам, ящерицам да змеям. На колоннах Палаты Совета, где стоял трон Паракрамабаху, видны надписи, указывавшие королевским сановникам их места во время заседаний.

Нельзя не остановиться перед прекрасным Ватадаге. Сооружение в форме цилиндра поставлено на круглое

Ватадаге

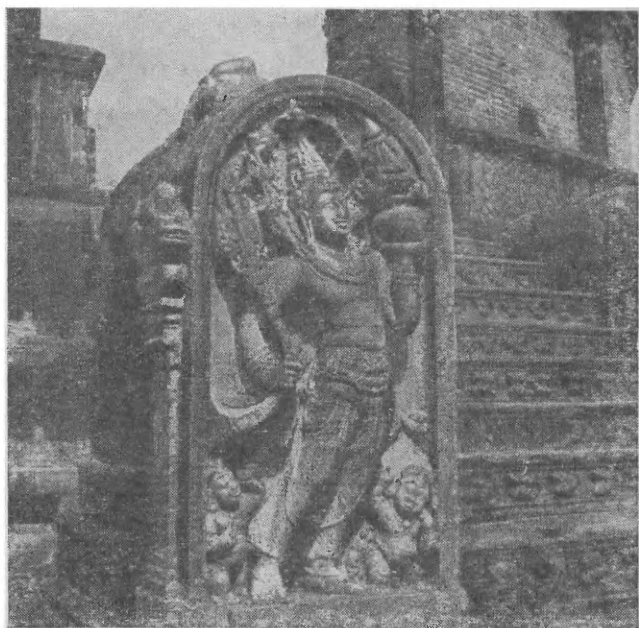
основание. Четыре входа в храм охраняются стражами, перед которыми лежат полукруглые плиты с затейливым орнаментом — лунные камни. Против каждого проема помещены статуи сидящего Будды. Лица их обращены к входящим.

Неподалеку от Ватадаге лежит «каменная книга» — массивная девятиметровая плита, на которой высечен рассказ о жизни царя Нишшанка Малла, правившего после Паракрамабаху. Как явствует из надписи, плита была доставлена сюда по приказу царя из Махинтале.

Две массивные колонны обрамляют вход в храм Ланкатилака (Жемчужина Цейлона). В глубине его высится гигантское изображение стоящего Будды. У его ног перед горящими жертвенниками с кокосовым маслом — кажущиеся крохотными фигурки молящихся.

Руины храмов и культовых построек пользуются на Цейлоне таким же уважением, как и сами храмы. Посетители могут войти в них, только сняв обувь и головные уборы.

В северной части Полоннарувы сравнительно недавно был обнаружен самый крупный скульптурный ансамбль Гал вихаре. В гранитной скале высечена груп-

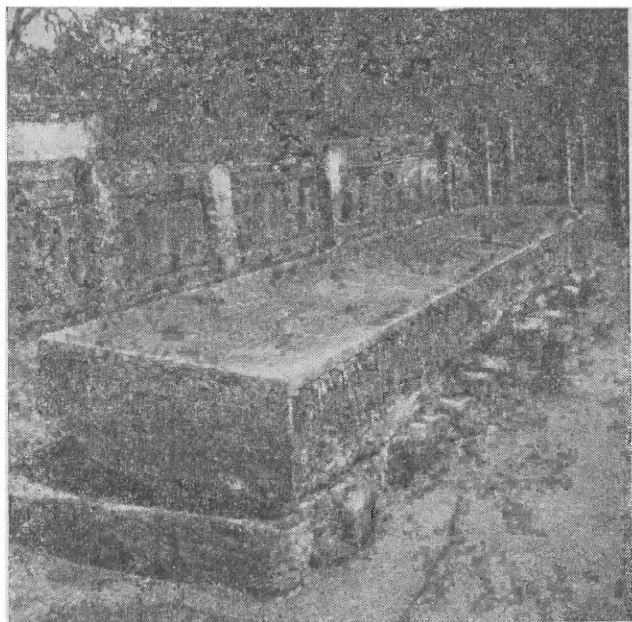

Страж у входа в храм

па, воспроизводящая лежащего на смертном одре пятнадцатиметрового Будду и его ученика Ананду, в скорбной позе стоящего у изголовья и оплакивающего смерть учителя.

Глубокое впечатление оставляет скальная статуя, изображающая, как принято считать, Паракрамабаху I. Старый бородатый человек смотрит на олу — свиток из пальмовых листьев, который он держит в руке. Резец неизвестного мастера создал образ «государственного деятеля, воина и мыслителя», превратившего затерянное в джунглях селение в столицу могущественного сингальского государства и построившего в ней величественные дворцы и храмы с многочисленными скульптурами и тончайшей, похожей на кружево резьбой по камню.

На самом берегу древнего водохранилища Мишнери-вэва в Полоннаруве находится одна из лучших в

«Каменная книга»

стране загородных гостиниц. На Цейлоне их много — около исторических мест, вдоль главных дорог и побережья океана. Но эта лучше остальных. Причина довольно проста. Здание в свое время было специально построено для английской королевы, совершавшей поездку по Цейлону, и ее свиты.

Однажды, будучи в Полоннаруве, мы заночевали в этой гостинице. Вечером босоногий служитель в белом форменном кителе и саронге, зайдя к нам в номер, осведомился, не пожелаем ли мы заказать чего-либо. Услышав отрицательный ствет, он с улыбкой пожелал нам доброй ночи, многозначительно добавив, что именно на этих кроватях изволила почивать английская королева и почивала спокойно... Мы тоже спали спокойно.

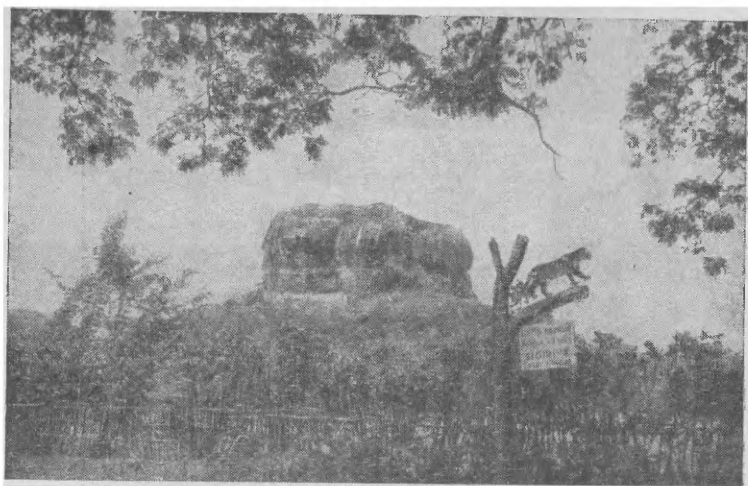
Над равнинными джунглями центральной части острова величественно возвышается огромная скала. Гигантский гриб, перевернутый шляпкой вниз, — такой

Скальная статуя Паракрамабаху Великого

представляется взору Сигирия, когда подъезжаешь к ней. Первое упоминание о Сигирии, точнее Сихагири (Львиная скала), в «Махавамсе» относится к 266 году до нашей эры, когда она была обнаружена царем Деванампиа Тиссой. Но история ее связана с именем другого царя — Кассапы I, которого часто называют кровавым.

По преданию, в 477 году Кассапа убил своего отца и, спасаясь от народного гнева и мести брата Могалланы, укрылся на неприступной скале. На вершине ее

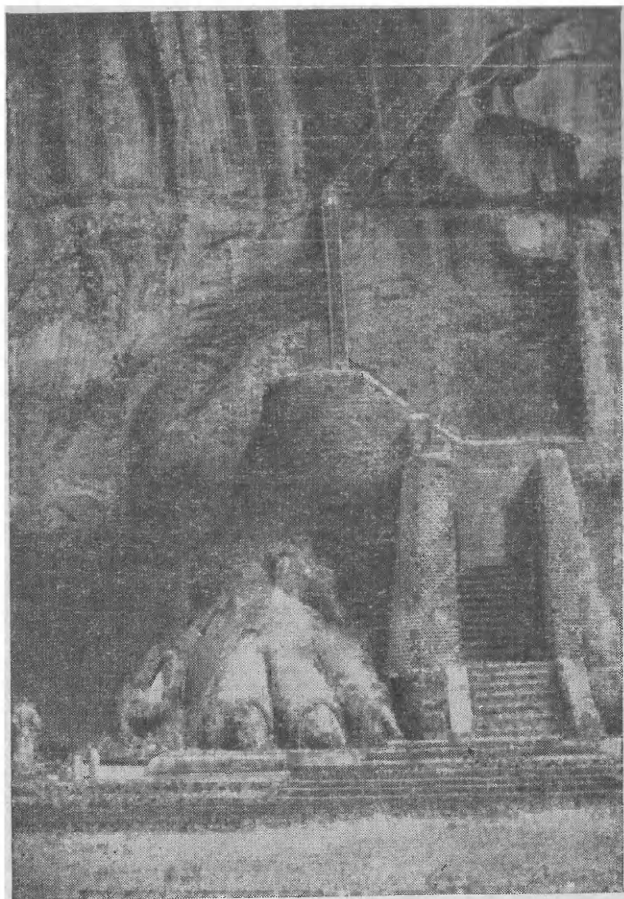
Сигирия — крепость в небесах

(высота — почти двести метров) он построил роскошный дворец (ныне совершенно разрушенный) с приемными залами и театром, лестницами, террасами и бассейном. На случай осады в скалах были вырублены помещения для хранения боеприпасов и продовольствия и водоемы для сбора дождевой воды.

Даже сейчас не все рискуют забраться на вершину этой естественной крепости. Надо подниматься по бесконечным узким и крутым лестницам, переходить по висячему мостику над пропастью, карабкаться по выдолбленным в скале зарубкам, крепко держась за оградительные перила.

Невольно возникает вопрос: как же попадали сюда строители с инструментом и материалами, воины с оружием, слуги с продовольствием? Служитель рассказывал мне, что подняться на вершину можно было только по веревочным лестницам. Ночью их убирали, и связь с землей прерывалась.

В неприступной крепости Кассапа провел целых восемнадцать лет. Город, выросший у ее подножия, стал на это время столицей сингальского государства. Когда Кассапе сообщили, что его брат Могаллана с

Крепостные ворота Сигирии

армией идет к Сигирии, он вышел из убежища и дал бой на открытой местности. В решающую минуту сражения боевой слон Кассапы увяз в болоте. В его войске началась паника, и он, понимая, что дела его безнадежно плохи, проткнул себе горло кинжалом.

В пещерном буддийском храме в Дамбулле, недалеко от Сигирии, бритоголовый монах, освещая настенную роспись коптящей свечой, тихим голосом, глухо

раздававшимся под низкими гранитными сводами храма, поведал мне историю царя Кассапы, убившего отца и павшего от собственной руки, и показал мне, как выглядела в изображении неизвестного художника Сигирия в те времена, и самого Кассапу на белом слоне, вонзающего кинжал себе в горло.

Последнее упоминание о Сигирии в «Махавамсе» относится к V веку. Вновь о Сигирии узнали только в XIX веке, когда в одном из гротов, в своеобразной картинной галерее, были открыты поразительные по свежести и красоте наскальные фрески, выдающиеся образцы древней цейлонской культуры. Более четырнадцати веков хранила эта затерянная в джунглях крепость-скала свои тайны.

Удалось установить, что грунт фресок представляет собой сложную смесь красной глины, извести из пережженных морских раковин, перемолотых термитников и золы рисовой шелухи, сцементированную какой-то связующей массой, а краски составлены на восковой основе.

Но до сих пор не удалось, к сожалению, установить имена творцов этих великолепных произведений, написанных с большим мастерством, вкусом и выразительностью. Неизвестно также, кто изображен на них — придворные ли дамы, как думают одни, или танцовщицы, по мнению других. В конце концов это не так уж важно. Важно другое — Сигирия рассказывает о расцвете ремесел и искусств на острове в давние времена, свидетельствует о высокой и древней культуре цейлонцев.

Сейчас на территории древних городов, превращенных в музеи, ведутся дальнейшие археологические работы. Правительство Цейлона принимает действенные меры к сохранению и восстановлению архитектурных памятников, которые считаются одними из лучших образцов древнего искусства и которыми по праву гордится цейлонский народ.

Дорога от Коломбо до Галле, крупнейшего города и порта юга страны, идет преимущественно по самому берегу океана. Эта часть острова отличается мягким, приморским климатом и благодатной почвой. Приме-

Фрагмент наскальной фрески

нительно к почве данного района эпитет «благодатная» отнюдь не является преувеличением. Фигус, один из видов которого мы привыкли видеть на подоконниках наших комнат, разрастается здесь до гигантских размеров. Приблизительно в пятидесяти километрах от Коломбо, неподалеку от города Калутара, шоссе проходит сквозь дупло в стволе фикуса. В эти своеобразные ворота лихо, не снижая скорости, въезжают огромные автобусы.

Курятся едковатым дымком трубы обжигальных печей расположившихся вдоль дороги заводиков; здесь

добывается известь. Рабочие в набедренных повязках, широкополых шляхах или в обвязанных вокруг головы платках выбирают лопатами со дна небольших открытых карьеров известь и передают ее в металлических чашках по цепочке на поверхность. Другие отвозят ее на тачках или относят на носилках к обжигальным печам. Механизации нет и в помине.

Галле не принадлежит к древним городам Цейлона, хотя он и намного старше Коломбо. Точных исторических данных о времени основания и происхождении города нет. Некоторые ученые, в том числе англичанин Эмерсон Теннент, утверждают, что в собраниях сказок «Тысяча и одна ночь», первые письменные сведения о которых появились еще в X веке, под сказочным Калахом, богатым слоновой костью, перцем, павлиньими перьями и драгоценными камнями, подразумевался Галле. В качестве доказательства приводится то соображение, что живущие на острове мавры называют Галле Калахом и сейчас.

Что касается названия города, то, по одной из версий, оно связано с латинским «gallus» (петух). Португальские моряки, которых шторм прибил к берегу, будто бы услышали пение петуха и в его честь окрестили место своего спасения.

Наиболее правдоподобным кажется следующее предположение: название порта и города происходит от сингальского «гаала», что приблизительно означает «постоялый двор» или место, где отдыхают погонщики быков. Вполне вероятно, что здесь ожидали очереди на погрузку погонщики быков, доставлявшие из отдаленных деревень грузы для заморских купцов.

От Коломбо нас отделяет уже более ста километров. Все время мы ехали под палящим солнцем, и к нагретой машине страшно прикоснуться. Торопливо спускаемся к воде, навстречу свежести и прохладе. Около причала на волнах покачивается лодка, на которой мы совершим прогулку над «подводными горами» — коралловыми рифами. Я уже собирался прыгнуть в лодку, но пораженный остановился: у нее не было дна. Оказалось, что дно из пластмассы, прозрачное.

Моторист включил двигатель, и лодка направилась в море. До рифов сравнительно недалеко, метров 200—250. Коралловые рифы, несомненно, представляют опас-

Шоссе проходит сквозь дупло
в стволе фикуса

ность для незнакомых с этими местами моряков; в то же время, окружая остров почти сплошным кольцом, они мешают акулам подходить к берегу. За четыре года моего пребывания на Цейлоне я ни разу не слышал и не читал ни об одном случае нападения акул на купающихся.

Под прозрачным днищем появились первые обитатели океана. На желтом фоне песчаного дна серебряными молниями сверкнула стайка небольших рыбешек; прямо на лодку шло какое-то оранжеватое, быстро скользящее под водой тело. Когда оно приблизилось, стали заметны рубчатый рисунок на туловище, округлая голова и похожие на кошачьи лапы, мягко, тоже по-кошачьи и вместе с тем сильно загребавшие воду. Резкий энергичный нырок с одновременным поворотом вокруг собственной оси на 180 градусов — и незнакомое су-

щество, обогнав нас, поплыло в противоположном направлении. Скоро оранжевое пятно исчезло в темнеющей зелени воды. И только тогда до сознания дошло, что то была черепаха, символ медлительности и лени, о которой мы механически, будучи уверенными в своей правоте, говорим: «Ползет, как черепаха».

Разноцветные заросли кораллов, походившие то на кусты, то на деревья, то на фантастические замки, временами приближались вплотную к самому днищу лодки, временами же внезапно пропадали, и тогда мы повисали над бездонными темными пропастями. Среди кораллов скользили неизвестные рыбы самых причудливых форм и расцветок.

— Как называются эти рыбы? — обратился я по-английски к сингалу, сидевшему за рулем.

— Фиш, сэр, — также по-английски ответил сингал.

То, что это «фиш», по-английски «рыба», я, собственно, догадался сам. Понял я и сингальское слово «малу», что тоже означает «рыба». Но вот какая, выяснить, к сожалению, не удалось: рулевой не знал их названий по-английски, а сингальские имена мне ничего не говорили. Мое любопытство осталось неудовлетворенным.

Натянув маску и ласты, я опустил под воду. Кораллы видны были теперь сверху и сбоку и выглядели от этого еще более причудливыми. Мне удалось достать красивую ветвь. При следующем погружении добычей стали две интересные раковины. И в конце концов вступила в действие поговорка: «Не зная броду — не суйся в воду». В третий раз, протянув руку за кораллом, я наткнулся на небольшой щетинистый кустик. Прикосновение к нему было не из приятных. В ладони левой руки я обнаружил около десятка коричневатых игл, глубоко вошедших в тело. Мне объяснили, что это иглы морского ежа и их необходимо немедленно удалить, иначе начнется воспаление. Операция производилась здесь же, на берегу океана, добровольными помощниками и длилась не менее часа. Перенести выковыривание из ладони хрупких известковых игл, ломавшихся при каждом неудачном движении, помог «общий наркоз» в виде доброй порции местной пальмовой водки.

Мы подъезжаем к Галле. Одетые серым гранитом высокие стены, амбразуры, сторожевые башни. В крепость ведет только один вход — узкие ворота, прорублен-

ные в многометровой толще стен. Кажется, сама природа выбрала это место под укрепление — полуостров рядом с бухтой. Бухта удобна для строительства порта, а полуостров — для возведения крепости, предназначенной защищать этот порт.

Первые укрепления на полуострове были сингалскими. Их взяли штурмом одновременно с моря и с суши, а затем разрушили португальцы, которые в свою очередь воздвигли на этом же месте «форталезу» (крепость), состоявшую из трех бастионов. Бастион «Сант Яго», прикрывавший ее со стороны бухты, стал местом ожесточенного сражения между португальцами и голландцами, которые овладели крепостью 13 марта 1640 года.

Голландцы строили крепость всерьез. С трех сторон стены ее круто обрываются в воду; выдвинутый в океан бастион давал возможность прикрывать всю стену фланговым огнем, с высокой сторожевой башни хорошо просматривались дальние подступы.

Голландцы строили в Галле не только всерьез, но и надолго. Внутри крепости о Цейлоне напоминают лишь тропические пальмы. Остальное — как в голландском городе — узкие улочки, готические соборы, здания с узкими окнами и остроконечными башенками, крытые красной черепицей. Даже двери в домах сделаны на голландский манер — верхняя створка может открываться независимо от нижней.

В полной сохранности почти все голландские постройки, в том числе здание суда, где некогда представители всемогущей нидерландской Ост-Индской компании выносили цейлонцам судебные приговоры. В исполнение они приводились на небольшом островке Джиббет. Сейчас этот островок безлюден и заброшен. Жители Галле верят, что по ночам здесь бродят тени казненных.

Не сомневаясь в том, что крепость всегда будет ее собственностью, нидерландская Ост-Индская компания на одной из стен выбила свой герб и дату — 1687 год. Однако в феврале 1796 года крепость капитулировала перед англичанами, которые по существу ничего не изменили в ее облике (даже остров Джиббет использовали для тех же целей), только построили на ее территории маяк и теннисные корты, а в годы второй мировой войны усилили крепость железобетонными дотами.

В Галле на рейде мы увидели советское судно, доставившее цейлонцам пшеничную муку. Порт Коломбо уже не справляется с приемом всех доставляемых на остров грузов, и часть их отсылает в Галле. Суда здесь разгружаются пока с помощью лихтеров, но уже идет строительство новой причальной линии, к которой смогут подходить морские корабли с глубокой осадкой. В бухте раздается тяжелое уханье копров, вгоняющих в морское дно массивные железобетонные сваи, слышен грохот сваливаемых с автомашин каменных глыб, мерный гул бетономешалок.

Утром 4 февраля 1964 года на стенах крепости и на площади перед нею собрались многочисленные зрители. Праздновалась шестнадцатая годовщина Дня независимости Цейлона. По установившейся традиции, официальная часть торжества отмечается поочередно в крупнейших городах страны. В 1964 году этой чести был удостоен Галле.

Полицейские офицеры деловито заглядывают в пропуск и указывают приглашенным на их сектор. Вот фанфары возвестили о прибытии премьер-министра, и под залпы орудийного салюта и бравурные звуки оркестра начался военный парад.

Высоко вскидывая руки, промаршировали подразделения моряков в белых шапочках с кокетливыми черными бантиками на боку. Впереди — щеголеватые морские офицеры в высоких лакированных сапогах и с обнаженными палашами. Четко отбивая шаг, прошли авиаторы в фуражках и кителях стального цвета. Наибольший успех выпал на долю пехотинцев, впереди которых ведомый двумя сержантами важно шествовал небольшой слон, приветствовавший трибуны высоко поднятым хвостом.

Дело в том, что цейлонская армия построена на английский манер. Каждый английский полк имеет свой «талисман». Чаще всего это козел, идущий на всех парадах перед полком. Здесь место козла занял слон.

После парада студенты и школьники дали своеобразное театрализованное представление. Под поощрительные возгласы зрителей на площади были разыграны сцены, воспроизводящие боевые эпизоды сражений между цейлонцами и португальскими, голландскими и английскими войсками.

Впереди пехотинцев движется слон

До поздней ночи в городе продолжалось народное гулянье, звучали музыка и песни, показывали свое искусство танцоры.

— Слышали ли вы когда-нибудь, как поют рыбы? — спросил нас однажды наш цейлонский друг Регги Перера, большой ценитель и знаток народного искусства.

Признаться, подобный вопрос нас не просто удивил, но прямо-таки ошеломил.

— Представьте, — продолжал между тем, улыбаясь, Регги Перера, — что поющие рыбы существуют не только в детских сказках, а и в природе. Посетите при первой возможности город Баттикалоа, и вы убедитесь, что я не шучу.

Искушение было так велико, что мы решили при первой возможности побывать на родине «подводных артистов» и рассеять одолевавшие нас любопытство и сомнения.

Баттикалоа в переводе с тамильского языка означает «лагуна с мутной водой». Так и стал называться город, раскинувшийся на берегу большой живописной лагуны. Чтобы попасть в него из Коломбо, надо пересечь с запада на восток весь остров, причем бóльшая часть пути проходит через девственные джунгли. Даже самые опытные шоферы стараются пройти этот кусок засветло, ибо путешествие по джунглям ночью ничего хорошего предвещать не может.

Учтя это обстоятельство, мы решили добраться до Баттикалоа еще до захода солнца, тем более что нас подгоняло желание поскорее познакомиться с диковинными рыбами, в существование которых мы все еще верили с трудом. В городе мы, не теряя времени, направились к лагуне. Но здесь нас ждало разочарование. Старый рыбак-тамил — район Баттикалоа населен в основном тамилами, — сидевший с удочками на берегу, объяснил нам, что пение рыб можно услышать ровно в полночь. Оказывается, у капризных «артистов» свои «творческие законы»: они поют только в полнолуние, только в полночь и дают только один «концерт». Рыбак вызвался помочь нам. До полуночи оставалось еще много времени, и мы пошли побродить по городу и его окрестностям.

Время основания Баттикалоа — VII век. Через город велась оживленная торговля со многими странами. В начале XVII века восточное побережье острова подверглось нападению иностранных войск, Баттикалоа был превращен голландцами в опорную крепость. В центре города и сейчас еще виден хорошо сохранившийся форт, за стенами которого голландские колонизаторы скрывались от народного гнева. Широкой известностью пользуется расположенное в шестнадцати километрах от города местечко Калкуда. Роскошный золотистый пляж его соперничает с пляжами лучших курортов мира.

Ровно в назначенный час мы были на берегу лагуны, где нас уже ожидал рыбак. Усевшись у воды, мы приготовились слушать необычный концерт.

— Здесь вы ничего не услышите, — добродушно улыбаясь, сказал он. — Нужно выехать на середину лагуны. Вот возьмите бамбуковые палочки и садитесь в катамаран.

На наш недоуменный вопрос, зачем нам палочки,

После парада девушки исполнили национальные танцы

рыбак пояснил, что они помогут нам лучше услышать пение рыб. И хотя мы были уверены, что можно обойтись и без палочек, все же послушно вооружились ими.

Яркий свет луны, окрасивший спокойные воды лагуны в серебристый цвет, стройные пальмы, кокетливо склонившие свои узкие изящные листья к воде, темная кожа рыбака-тамила, отливавшая бронзой и делавшая его похожим на сказочного героя, и, наконец, необыкновенная тишина — такая тишина бывает только ночью в тропиках — все это придавало нашей прогулке очаровательную таинственность. Опустив бамбуковые палочки в воду и прислонив их к ушам, мы затаили дыхание.

Трудно сказать, сколько прошло времени. Неожиданно до нашего слуха донеслись едва уловимые нежные звуки, напоминавшие звуки эоловой арфы. Постепенно они становились все отчетливее и вдруг замолкли так же внезапно, как и начались. Над лагуной снова воцарилась тишина. Не смея нарушить ее, мы молча взглянули на проводника.

— Все, — тихо сказал он, — больше ничего не будет, пора возвращаться.

На наш нетерпеливый вопрос, видел ли кто-нибудь из старожиллов города поющих рыб, старик отрицательно покачал головой.

— Нет, — все так же тихо, будто боясь нарушить покой «подводных артистов», продолжал старик, — это их тайна. С ними она родилась, с ними и умрет.

Еще долго в наших ушах звучали дивные звуки арфы, и невозможно было представить, что творцами этой музыки были рыбы. У каждого города Цейлона есть своя, только ему присущая особенность. Баттикалоа цейлонцы называют «краем поющих рыб».

Из узкой амбразуры железобетонного дота, врезанной в вершину высокой крутой гранитной скалы, рыбацьи катамараны, затерявшиеся вдаль, кажутся едва заметными точками. Английскому солдату, наблюдавшему за горизонтом при помощи дальномера, эти лодки, наверно, видны были хорошо.

Катамараны остались, они выходят, как обычно, в море с восходом солнца и возвращаются к берегу на закате. А английских солдат в дотах уже нет, и в зияющие амбразуры, из которых когда-то выглядывали стволы пулеметов и орудий, сейчас беспрепятственно врывается солоноватый и влажный ветер с океана.

Железобетонные капониры пусты, в них пахнет сыростью давно покинутых помещений, лишь время от времени по подернутым зеленоватой плесенью стенам торопливо пробежит юркая ящерица. На стенах — надписи, какие обычно оставляют на память о своем пребывании. Одна из них весьма любопытна: «Мы ушли домой» — и подписи двух английских солдат. Ответ гласит: «И никогда не возвращайтесь!» — затем около десятка цейлонских фамилий. Пусто на забетонированных орудийных позициях и в подземных хранилищах боеприпасов.

Так выглядит сейчас бывшая английская военноморская база в Тринкомали, на восточном побережье Цейлона, ликвидированная по требованию народа.

Значение этого города определялось всегда выгодным стратегическим положением. Его отличная естественная гавань могла бы, по мнению специалистов, вместить одновременно весь военно-морской флот Англии периода

второй мировой войны. На берегах этой гавани в свое время побывали португальские, голландские и даже французские войска. Особенно большое внимание Тринкомали уделяли англичане, предъявившие на него свои права еще в XVIII веке, когда английская Ост-Индская компания, вступив в войну с Францией, потребовала от Голландии, в чьих руках тогда находился порт, предоставить его в качестве базы для ремонта судов, поврежденных в морских сражениях в Бенгальском заливе.

Отказ Голландии удовлетворить это требование явился одной из формальных причин, приведших к военным действиям между этими двумя державами на Цейлоне. Тринкомали затем несколько раз переходил из рук в руки, пока наконец не был окончательно захвачен англичанами в 1795 году. Позднее они даже намеревались перевести сюда из Коломбо резиденцию генерал-губернатора, а крепость превратить в «арсенал Востока». С возникновением британских опорных баз на мысе Доброй Надежды, Мавританских островах, в Адене, Мадрасе, Калькутте и Сингапуре Тринкомали временно утратил свое значение.

Однако о нем вспомнили и начали поспешно дополнительно укреплять во время второй мировой войны, особенно после капитуляции Сингапура перед японскими войсками 15 февраля 1942 года. Цейлон остался единственной военно-морской базой союзников в Индийском океане, и в Тринкомали обосновался штаб командования вооруженными силами союзников в Юго-Восточной Азии.

Город Джафна расположен на полуострове того же названия на самом севере страны. С самолета хорошо видно, как постепенно меняется ландшафт от Коломбо к северу. За прибрежным поясом кокосовых пальм идут аккуратные, словно высаженные по линейке плантации гевей, из сока которых добывается каучук. В гористой центральной части острова склоны холмов покрыты плотными темно-зелеными шапками чайных кустов, а близ водохранилищ причудливо изрезаны террасами рисовых полей. Цвет их различен: темно-коричневый (под пахотой), светло-зеленый (молодые побеги), светло-коричневый (созревающие метелочки риса). Ближе

к северу начинаются пустоши с редкими зарослями кустарников, кактусами и рощами пальмировых пальм.

Неплодородны земли полуострова Джафны, и тяжел труд крестьянина-тамилла. На известняках приживается лишь пальмировая пальма, пробивающая своими длинными корнями дорогу к грунтовым водам. Из сока ее добывается сахар джэггери, вкусом и цветом напоминающий наш постный сахар. Земля и вода ценятся в этом районе, как нигде на Цейлоне. Крестьяне устраивают здесь искусственные поля — снимают верхний слой известняка и насыпают тонкий слой земли, смешанной с перегнившими листьями тюльпанного дерева, которые иногда привозят для этого издалека — из Баттикалоа или Тринкомали. Плодовых деревьев на такой земле не вырастишь, но, если не жалеть воды и труда, можно получить сносные урожаи огородных культур и табака.

Пожалуй, самой характерной деталью пейзажа в этом районе являются высокие колодезные журавли, встречающиеся буквально на каждом шагу; колодцы — почти единственные источники воды в крае, где очень мало рек и очень редки дожди. Но и в таких тяжелых условиях полуостров стал поставщиком табака для всего Цейлона. Из него делают крошечные, чуть побольше спички, сигареты «биди».

Умение использовать каждый клочок земли доведено здесь до искусства. Многовековой опыт и трудолюбие крестьян позволяют выращивать одновременно до двух-трех культур на одном участке. Можно видеть, как на миниатюрном поле, площадью не более квадратного метра, растут баклажаны, а по углам высятся стебли кукурузы; она выполняет еще и подсобную роль: листья ее заслоняют баклажаны от солнечных лучей, а стебли служат подпорками для побегов бобов.

При всем том площадь обрабатываемой земли на полуострове составляет всего лишь около тридцати процентов. Район по размерам крестьянских наделов (0,1 гектара) и по самой высокой плотности населения на обрабатываемых землях (631 человек на квадратный километр) занимает «рекордное» место.

Город Джафна с незапамятных времен был центром тамильского государства и важным портом торговли с Южной Индией. Португальцы добирались до этого района из Коломбо ровно сто лет и отметили свое прибытие

сюда кровавой резней и полным разрушением города: жители отказались переходить в католическую веру.

Во времена голландского владычества Джафна была резиденцией коменданта и административным центром по сбору налогов со всей северной части Цейлона. Многие острова в Полкском проливе были названы по имени голландских городов — Амстердам, Роттердам, Гарлем, Делфт, Лейден. Два последних названия сохранились за островами по настоящее время.

В самом городе некоторые здания, церкви, крепость напоминают о днях голландского владычества. Укрепления, построенные колонизаторами, можно встретить и в других районах страны. Руины крепостей остались неподалеку от города Кайтс и селения Элефант Пасс (Слоновый брод). Любопытно происхождение этого названия. Лагуну рядом с Джафной стада диких слонов, направлявшихся из плоскогорий центральной части страны на север в поисках листьев пальмировой пальмы, десятки лет назад переходили вброд. Теперь в этом месте лагуну пересекает дамба железной дороги, связывающей Джафну с остальной страной, но название «Слоновый брод» так за ним и сохранилось.

Тамилы — выходцы из Южной Индии. У них своя культура и религия, свои обычаи и язык. Даже по внешнему виду их легко отличить от сингалов: тамил, как правило, ниже ростом, а его кожа более смуглого цвета.

Колонизаторы, используя эти различия, старались посеять вражду между двумя народностями. Они травнили их друг на друга, и на острове не раз происходили кровавые столкновения.

В настоящее время на Цейлоне насчитывается приблизительно два с половиной миллиона тамилы. Играя на противоречиях между тамилами и сингалами, лидеры Федеральной партии, выражающей интересы реакционных слоев тамильской буржуазии, в первой половине 1961 года начали кампанию гражданского неповиновения (сатьяграху).

Участники сатьяграхи бойкотировали местные органы самоуправления, устраивали сидячие забастовки, отказывались платить налоги. Затем лидеры Федеральной партии попытались превратить кампанию гражданского неповиновения в кампанию за отделение районов

Джафны и Баттикалоа от остальной части Цейлона. В качестве первого формального шага к достижению этой цели был предпринят выпуск почтовых марок, одну из которых тамильские друзья подарили мне на память о поездке в Джафну.

Национальный вопрос на Цейлоне пока еще не решен, но общность интересов трудящихся, тамилы и сингалы, и отсутствие серьезных причин для национальной вражды позволяют надеяться, что в недалеком будущем она будет преодолена.

У ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВЕНЬ И ДЖУНГЛЕЙ

Дороги Цейлона... Они выются вдоль кромки берега Индийского океана, и в тихую погоду мельчайшая россыпь белой пены прибоя, несомая ласковым ветерком, оседает текучими каплями на ветровом стекле автомашины.

Когда океан свирепствует, он тяжело и размеренно бьет зелеными валами с косматыми седыми гривами в бока прибрежной дороги и пена оседает на ее асфальтовой спине. В такое время даже водители тяжелых грузовиков не рискуют отправляться в путь.

Дороги взбираются под самые небеса в горных районах страны и, добравшись до перевала, стремительно спускаются затайливым серпантином в долины.

В джунглях автомашина нередко спугивает обезьян, а то и леопарда. Отбившимся от стада диким слонам-отшельникам дорогу лучше уступить: они, как правило, обладают свирепым характером и могут основательно помять машину, не пощадив при этом и пассажиров. Интересно ехать по джунглям ночью, когда лучи фар выхватывают из темноты какие-то загадочные фигуры; в чаще зарослей мелькают таинственные огоньки — не то светлячки, не то чьи-то глаза. И, приближаясь к освещенным улочкам селений, вздыхаешь с некоторым облегчением.

В освоенных районах страны укатанная до зеркального блеска дорога весело бежит по зеленому коридору: кокосовые пальмы сменяются арековыми, чайные плантации — каучуковыми, деревья с красными цветами — деревьями, усыпанными желтыми, белыми, лиловыми цветами.

Оживленно. Торопятся крытые автофургоны, доверху груженные бананами; медленно бредут слоны, возвраща-

щающиеся после работы в свои стойла, чтобы поужинать зелеными охапками ветвей кокосовой пальмы, которые они тащат в хоботах; несутся огромные дизельные автобусы, обгоняя неторопливо цокающих копытцами по асфальту горбатых зебу, впряженных в повозку на двух колесах. Позади колес волочатся «автоматические тормоза» — затесанные на конус деревянные плашки. Сдадут бычки на крутом подъеме — и плашки заклинят колеса, не позволят повозке скатиться под уклон. Просто и надежно!

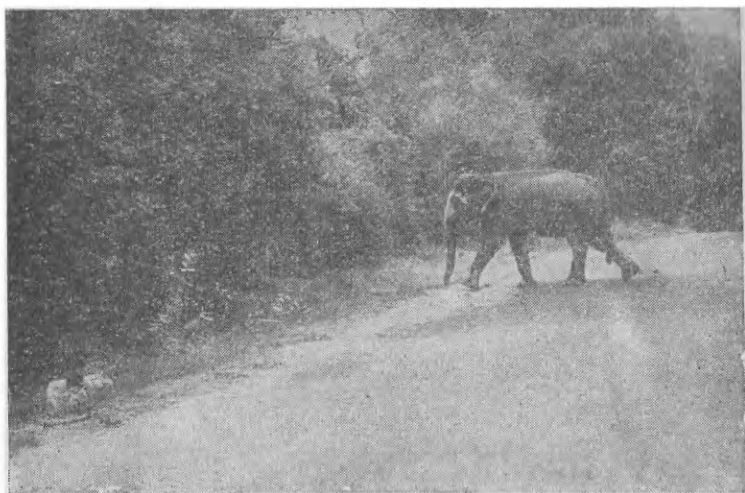
Ко всему этому быстро привыкаешь. Даже к левостороннему движению, даже к бычкам и слонам на дороге. Но вот какое-то беспокойство, ощущение, будто здесь чего-то не хватает, не проходит довольно долго. Наконец, начинаешь понимать — не хватает лошадей. Они не выдерживают тропического климата Цейлона...

За дорогами на острове следят. Они, как правило, покрыты асфальтом, перед крутым или непросматриваемым поворотом обязательно стоит предупреждающий знак. Внешняя сторона идущей над пропастью дороги ограждена прочными перилами или столбиками, на которых специальной краской нанесены знаки, ярко вспыхивающие под светом фар в ночное время. При въезде в населенный пункт часто стоит броский транспарант, на котором написано что-нибудь вроде «Наш город приветствует осторожных водителей!»

Как-то на дороге, вернее недалеко от обочины, мы увидели небольшой лагерь. Между двумя автофургонами были натянуты брезентовые полотнища, образующие просторную палатку с навесом над входом и окнами. Перед ней стоял складной стол с пишущей машинкой и легкие алюминиевые стулья. Обитатели лагеря тепло приветствовали нас. Это были Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, путешественники, авторы всемирно известных книг («Африка грез и действительности», «Там, за рекой, Аргентина», «Перевернутый полумесяц») и кинофильмов, бесчисленных репортажей и очерков.

Познакомился я с ними раньше. Однажды Мирослав Зикмунд (Ганзелка еще не прилетел) позвонил мне и пригласил встретиться у него.

По вещам и предметам, находившимся в комнате гостиницы «Гол фейс», трудно было определить, кто занимает номер: ученый, кинооператор, журналист, пи-

Слонам-отшельникам дорогу лучше уступить

сатель. На столах, подоконниках, просто на полу лежали книги по самым разным областям знаний, на кровати разместились кино- и фотоаппаратура, в пишущую машинку был вставлен лист чистой бумаги, а рядом возвышалась стопка уже отпечатанных страниц.

Цейлон — шестьдесят девятая страна, которую посетили Зикмунд и Ганзелка. Они рассчитывали провести здесь месяца три. План их пребывания на острове был составлен заранее, детали предполагалось уточнить по ходу дела.

Мы не раз встречались с ними в самых различных местах: перед парламентом, где они снимали торжественную, но несколько театральную церемонию открытия сессии, в аэропорту Ратмалана в день приезда на Цейлон Юрия Гагарина, в Канди на праздновании перахеры, в Коломбо на экзотическом зрелище — скачках слонов, у памятников старины, наконец, на приемах.

Меня всегда поражала эрудиция Ганзелки и Зикмунда, их неумемное стремление знать еще больше, обстоятельность, с которой они готовились к своим путешествиям: собираясь в страну, они изучали ее историю, культуру, современное положение. Естественно, что цей-

лонцы увидели в них не искателей сенсаций, а друзей, которым дороги и древние традиции народа и насущные проблемы молодого государства. Поэтому их так радушно принимали и в деревенской хижине и на специально устроенном для них приеме в сенате — честь, которой удостоиваются далеко не все иностранные государственные деятели.

На этом приеме Иржи и Мирослав беседовали с присутствующими на чешском, русском, английском, французском и немецком языках. Зикмунд, кроме того, говорит на испанском, итальянском, арабском и суахили. О мастерстве Иржи и Мирослава, кинооператоров и писателей, все, кто видел их фильмы и читал их книги, могут судить сами.

Внезапный тропический ливень загнал нас как-то под навес небольшой гостиницы в Хиккадуве, в ста километрах от Коломбо. Чехословацкие путешественники подводили итоги своего пребывания на острове. Впечатлений масса. Достаточно сказать, что вместо трех месяцев они пробыли здесь полгода. Они проехали по Цейлону пять тысяч километров, засняли двенадцать полнометражных фильмов, не считая телевизионных фильмов и фильмов-пособий для школьников, сделали тысячи фотоснимков, радиорепортажей, отправили много очерков в газеты и журналы. В очередной книге Зикмунда и Ганзелки, которая выйдет на десяти языках, включая, конечно, русский, большой раздел будет посвящен Цейлону.

Настал день, когда «татры» двинулись на погрузку в порт Коломбо, где их ожидал теплоход «Орлик», чтобы доставить в Индонезию — очередную, семидесятую по счету, страну на путевой карте неумолимых путешественников.

Индийский океан лениво плещется о волнолом порта Коломбо и едва заметно покачивает корпус чехословацкого теплохода. В тени его на пирсе собрались Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, их товарищи — механик Мирослав Дряк, врач Йозеф Коринта и провожающие. Лебедки «Орлика» только что бережно опустили в трюмы теплохода двух близнецов — «татры» кремового цвета, отличавшиеся друг от друга лишь номерными знаками да полосками вдоль бортов: на одной — синяя, на другой — красная.

До отплытия остается несколько минут. Любящий и понимающий шутку Ганзелка предлагает встретиться в шесть часов вечера после окончания путешествия в пражском кабаке «У чаши», где, как утверждают, любил посидеть за кружкой доброго пильзенского пива бравый солдат Швейк, и дарит свою фотографию с памятной надписью о совместной работе на Цейлоне.

Низкий бас «Орлика» заглушил прощальные слова, и мы еще раз, уже мысленно, пожелали успехов нашим друзьям в их путешествиях.

Мы едем в джунгли к веддам, самым древним жителям острова.

Готовясь к поездке, пытаемся составить хоть самое приблизительное представление о них. «Ведда» переводится с санскрита как «охотник». Но скорее всего это название происходит от слова «бедда», что на языке самих веддов означает «лес». Сведения об их происхождении крайне скудны, одно бесспорно — они являются аборигенами острова, о чем свидетельствует сходство их орудий с орудиями, обнаруженными в жилищах палеолитических и неолитических обитателей Цейлона.

Еще несколько веков назад ведды селились в лесах и непроходимых джунглях по всему острову. После его захвата колонизаторами ведды были вытеснены в безводные районы центральной и восточной части. В настоящее время большинство их живет к северо-востоку от города Алутнувара, в верховьях рек Гал-оя и Мадур-оя. Тяжелые условия существования приводили к вымиранию веддов (сейчас их насчитывается не более тысячи).

Вплоть до последних лет веддские племена вели кочевой образ жизни, их основные занятия — охота, рыболовство, сбор плодов и корней, а также меда диких пчел. Правительство независимого Цейлона принимает меры к тому, чтобы перевести их на оседлый образ жизни, научить обрабатывать землю.

Язык веддов — разговорный диалект. Письменность у них отсутствует, а искусство находится на самых начальных ступенях развития: у них нет даже примитивных музыкальных инструментов. Аккомпанементом в танцах служит простое похлопывание по животу.

Лук, стрелы и топорик — вот вооружение веддов, причем топорик обычно носят на плече. Теперь, правда, для охоты они все больше начинают пользоваться ружьями.

Верят ведды в духов, которые, по их убеждению, незримо живут среди них, обитают в деревьях, скалах, потоках рек, а также поклоняются душам умерших. Ведды не стригут волосы. Иногда они закручивают их узлом на затылке, чаще и у мужчин и у женщин густые кудри падают на плечи. Одежда их предельно проста — обычно узенькая набедренная повязка.

Небезынтересны некоторые черты жизненного уклада веддов. Живут они родами. Наследование у части племен идет не по мужской, а по женской линии. Своеобразны и их брачные законы. Дочь, например, может выйти замуж за сына сестры отца или за сына брата матери, но дети двух братьев или двух сестер не имеют права вступить в брак. Как правило, ведды женятся один раз, но в отдельных случаях у мужа бывает две, а то и три жены.

Сначала наш путь идет по знаменитой кандийской дороге. За древней столицей сингальских царей — городом Канди — дорога постепенно пошла в гору. Не видно кокосовых пальм, произрастающих в зоне влажного климата приокеанской полосы, зато все чаще попадаются кусты цейлонского чая, притененные деревьями-телохранителями, защищающими нежные побеги от палящего экваториального солнца. У въезда в приютившееся на перевале небольшое селение Ханнасирия мы увидели щиток с надписью «Высота четыре тысячи футов». Машина резко устремилась вниз.

Прижмите кисть руки к груди — ваш локоть образует острый угол. «Локтеобразными» и называются здесь те восемнадцать поворотов, которые должна была проскочить наша машина, спускаясь от Ханнасирии к небольшому городку Алутнувара, расположившемуся у подножия горной гряды. Иногда передние колеса почти повисали над пропастью, на дне которой в синеватой дымке можно было различить крыши домов.

Приближение к Алутнуваре мы почувствовали по резкой смене температуры. Было нестерпимо жарко и душно. Главный инженер строящегося здесь черепичного завода любезно предоставил в наше распоряжение

Веддский мальчик

свой джип-вездеход, так как поездка по джунглям на обычной легковой машине совершенно исключается.

Тому, кто никогда не видел сухих джунглей, на первый взгляд издали может показаться, что это обычный лес, каких немало в нашей средней полосе. Но стоит только войти в него, и вы сразу поймете, что передвижение без топора здесь совершенно невозможно: толстые и высокие деревья перевиты гибкими лианами.

Когда после долгого и утомительного пути мы добрались наконец до места, веддская деревня встретила,

нас настороженно. Первое, что мы увидели, была стайка голых босоногих ребятишек, которые неизвестно откуда мгновенно появились перед нами и так же мгновенно исчезли.

— Приехали, — коротко бросил наш проводник Фонсека.

— Но где же жилье? — спросили мы.

— Вот там, видите?

И только тут мы различили примерно в ста ярдах от нашей машины приземистые хижины веддов.

Откровенно говоря, мы волновались. Да это и понятно: впервые в жизни нам предстояла встреча с аборигенами страны. Задача осложнялась еще тем, что надо было вести разговор с помощью тройного перевода — с языка веддов на сингальский и затем на английский.

Раздача подарков несколько смягчила суровые лица наших новых знакомых. Постепенно настороженность исчезла, они поняли, что ничего дурного мы не собираемся делать, и понемногу разговорились. А вождь племени Каллуапу, к нашему великому изумлению, даже согласился взять нас на охоту. По законам веддов это большая честь, так как охота для них священна.

После трехчасового довольно рискованного похода по джунглям, когда силы, казалось, уже совсем покидали нас (нас, но не веддов!), Каллуапу метким выстрелом из лука сразил паповал огромного красавца-оленя. И если до той минуты вождь и его два сына хоть изредка перебрасывались с нами отдельными незначительными словами, то сейчас мы для них просто перестали существовать. Все свое внимание охотники сосредоточили на добыче. За каких-нибудь полчаса Каллуапу с помощью старшего сына искусно разделал тушу оленя. И здесь впервые за весь день вождь племени улыбнулся нам широкой и доброй улыбкой. Надо сказать, что у веддов очень волевые лица, но вместе с тем с них не сходит выражение постоянной настороженности. Вероятно, нелегкая, полная опасностей и лишений жизнь в джунглях наложила на них отпечаток. Признаться, когда мы в первую минуту увидели Каллуапу, его лицо показалось нам мрачным. Сейчас же улыбка разгладила глубокие морщины у глаз, и вождь племени внушал нам скорее жалость, чем страх: перед нами был усталый, измученный тяжелой работой человек.

Ведд-охотник

— Вы привезли с собой удачу, все эти дни мне очень не везло на охоте. — И как бы продолжая говорить с самим собой, добавил: — Это хорошо, наверно, в вас сидит добрый дух.

Пользуясь хорошим настроением Каллуапу, мы решили через переводчиков задать ему несколько вопросов.

— Сколько вам лет? — спросили мы его.

— Мне? — удивленно пожав плечами, переспросил он. — Не знаю. — Но, подумав с минуту, уже более равнодушным голосом ответил: — Сорок.

Мы почувствовали, что Каллуапу не понял существа нашего вопроса. Назвав цифру сорок, он сделал это просто для того, чтобы не оставить наш вопрос без ответа. С таким же успехом он мог, вероятно, сказать

двадцать или восемьдесят. Ему все равно. Странно было видеть взрослого человека, который не знал своего возраста и, что удивительнее всего, был к этому совершенно равнодушен. На вид Каллуапу не менее пятидесяти-пятидесяти пяти лет.

Как же велико было наше удивление, когда при прощании с веддами тот самый Каллуапу, который не мог ответить, сколько ему лет, протянул нам руку и сказал, с трудом выговаривая: «Гагарин». Сначала нам показалось, что мы ослышались, но он, видно, понял наше замешательство и повторил с улыбкой, более тщательно выговаривая чужие и непонятные ему звуки: «Гагарин».

И как ни допытывались мы на обратном пути, откуда человек, почти оторванный от внешнего мира, не умеющий ни читать, ни писать, знает о Гагарине, наши местные друзья только беспомощно разводили руками. А мистер Фонсека шутил:

— Наверно, это дорогое всему миру имя принесли веддам горные потоки. Вы ведь знаете, что ведды верят в добрых и злых духов, — добавил он, — по-видимому, то был добрый дух.

И хотя это была лишь милая шутка, мы были благодарны за нее нашему цейлонскому другу.

На обратном пути мы немного не «дотянули» засветло до загородной гостиницы. Поэтому решено было провести ночь в первом попавшемся селении, в первом попавшемся доме.

Деревни на Цейлоне не на одно лицо. Небольшая, в несколько дворов, деревушка в засушливой зоне (все благосостояние ее жителей зависит от уровня воды в колодце, ибо на дожди рассчитывать не приходится) значительно отличается от деревни в несколько сот дворов во влажной зоне. На шоссе Коломбо — Галле, например, на протяжении всех 114 километров одна деревня переходит в другую.

Сначала, как всегда, подбежала шумливая и босоногая стайка вездесущих мальчишек. Плотно облепив машину, они просунули улыбающиеся смуглые рожицы в окна. Им не терпелось узнать, кто мы по национальности, куда и откуда едем, зачем едем. Ребята постарше поинтересовались, нет ли у нас сигарет.

Подошедший к нам крестьянин с обычным для цей-

лонцев радушием вежливо спросил, чем бы он мог быть нам полезен. Узнав, что мы ищем ночлег, пригласил к себе в дом.

Домики крестьян в некоторых районах острова очень напоминают наши украинские мазанки. Точно так же побелены глинобитные стены, такая же соломенная крыша, только солома не пшеничная, а рисовая, и такая же кирпичная плитка для готовки пищи перед домиком. Вход в него ведет через крытую веранду — место отдыха семьи и приема гостей.

Дом и прилегающий к нему участок земли ограждены частоколом. На участке, как правило, растет несколько кокосовых или арековых пальм, бананы, манго и хлебные деревья. Однако не надо думать, что цейлонский крестьянин не обременен никакими заботами. Горстка риса с соусом из овощей или сушеной рыбы (среднего достатка семья видит на своем столе мясо только по большим праздникам), даже если за ней следует десерт из отменно свежих, только что сорванных с дерева бананов или манго, право, далеко не самая питательная пища, способная восстановить силы после долгого и изнурительного труда. Этого было явно недостаточно для нас, не говоря уже о Гунапале — так звали приютившего нас крестьянина, прошедшего целый день за плугом на вспашке рисового поля. Выручил предусмотрительно захваченный в дорогу «неприкосновенный запас» в виде мясных консервов.

После ужина засиделись на веранде далеко за полночь, покуривали сигареты и отвечали на вопросы Гунапалы и его односельчан о жизни в Советском Союзе.

Мы уже собирались расположиться тут же на веранде на ночлег, когда в сонную тишину деревенских улиц неожиданно ворвались звуки флейт и барабанов, смех, громкий говор. Это шла свадебная процессия.

— Почему же ночью? — удивленно спросили мы.

— Так предсказал астролог, — пояснил Гунапала.

У цейлонцев, как, впрочем, и у любого другого народа на земном шаре, существуют свои свадебные законы и обычаи. Хотя женитьба здесь связана с немалыми затратами, которые особенно тяжело отражаются на бюджете бедняка, в стране редко можно встретить взрослого человека, не состоящего в браке. Вступление в брак — как бы своеобразная религиозная обязанность.

Сингалы и тамилы сохранили во многом почти без изменения свадебные обычаи, возникшие еще в глубокой древности: в подавляющем большинстве юноши и девушки не сами выбирают себе спутников жизни, за них решают родители, авторитет которых в цейлонских семьях очень высок и слово которых является законом. Недаром на острове бытует поговорка: «Мать, кокосовая пальма и корова — три священных понятия для каждого цейлонца». Интересная деталь — в отличие от многих стран Среднего и Ближнего Востока на Цейлоне приданое новобрачным готовят родители не жениха, а невесты.

Все эти сведения мы почерпнули от Гунапалы и наших новых знакомых. Они же пригласили нас на свадьбу. Мы колебались, ведь сами-то виновники торжества нас не приглашали. Оказалось, что на свадьбе, если она справляется по традиционным обрядам, могут присутствовать все желающие. Буддийские священники участия в свадебной церемонии не принимают. Жених и невеста посещают храм накануне бракосочетания.

В глубине двора мы увидели деревянный помост, на котором было насыпано две меры риса (мера равна 456 граммам) и аккуратно уложены листья бетеля. На четырех углах помоста в глиняных плошках ярким пламенем горело кокосовое масло. Рядом стояли торжественные и взволнованные жених и невеста, одетые во все белое. По знаку они поднялись на помост. Один из старших родственников со стороны невесты, как нам сказали позднее, дядя, соединил большие пальцы правых рук брачащихся, перевязал шнурком и окропил водой. С этой минуты жених и невеста стали мужем и женой.

Официальная часть церемонии закончилась, но молодые еще долго стояли на помосте, принимая поздравления родственников и знакомых, медленно проходивших мимо них. Муж передавал жене листья бетеля, а та вручала их поздравлявшим. Затем все присутствовавшие на церемонии пропели девять гимнов и напутствий, и молодая чета в сопровождении приглашенных, родственников и друзей направилась в дом мужа. После пирушки гости разошлись, в доме молодоженов на ночь остались лишь дядя невесты и его жена. Наутро

приглашенные снова собрались, чтобы закончить свадебное пиршество и еще раз пожелать молодым супругам счастья и долголетия. Так справляется на Цейлоне традиционная сингальская свадьба; у тамиллов несколько иной обряд.

В последнее время некоторые сингальские семьи, особенно в юго-западной части острова, более «европеизированной» по сравнению с центральными районами, начинают отходить от древних законов и обычаев. Чаще заключаются браки по взаимному согласию юноши и девушки, но нередко и по чисто деловым соображениям. В воскресных выпусках газет целые полосы отводятся «брачным» объявлениям.

В горных районах старинные обычаи строго соблюдаются и по настоящий день. У тамошних сингалов, например, и сейчас распространены две формы брака: бина, по которому муж переходит жить в дом жены, не приобретая при этом никаких прав на имущество, принадлежавшее ей или ее родным, и дига, по которому жена переходит к мужу, принося с собой приданое. Она лишается права наследования имущества своих родителей после их смерти. В недалеком прошлом у «горных» сингалов отмечались случаи многожества («икогейкем», что значит «есть из общего котла»), когда несколько братьев, не желая дробить свое хозяйство, брали в дом одну жену.

Большое значение и в наши дни придается предсказаниям астролога, составляющего гороскопы жениха и невесты. «Ваши звезды не сходятся», — заявляет он, и молодые люди, горячо любящие друг друга, не решаются вступить в брак. Астролог определяет и время свадьбы. Здесь никого не удивляет, если свадьба назначается, скажем, на три часа утра, и как вполне привычное явление воспринимается свадебная процессия на пустынных улицах города или деревни.

Раньше всех, задолго до появления первых лучей солнца, в крестьянском доме встает хозяйка: на ее обязанности завтрак для всей семьи. Пока варится рис, она готовит карри. Специальной машинкой, а то и просто ножом ядро кокосового ореха измельчается в порошок и из него выжимается беловатый сок — кокосовое молоко. Ни одна уважающая себя хозяйка, если она не хочет уронить себя в глазах мужа или соседей,

готовить карри без кокосовой мякоти и кокосового молока не будет.

После скудного завтрака (тот же рис с острым соусом из овощей и сушеной рыбы и несколько бананов) муж отправляется на рисовое поле, жена остается кормить детей: их всегда много в цейлонской семье.

Несколько дней назад начался сезон дождей, и сейчас крестьяне озабочены тем, чтобы лучше приготовить поле для посадок риса — основного продукта питания. С того момента, когда молодой росток рисового стебля покажется из-под воды, до того дня, когда приготовленный рис вместе с дымящимся карри появится на столе, проходит много недель тяжелого труда. Но и до появления первых ростков нужно немало поработать.

Рис не может расти без обилия влаги и тепла. Чтобы не упустить дождевую воду с поля, его ограждают земляным бортиком. Нет предела радости земледельца, когда долгожданный дождь, обещающий урожай, выпадает вовремя. Правда, он может затем побить молодые побеги, но пока об этом думать не хочется. И с первыми каплями дождя начинается пахота.

Запряженные попарно в деревянный плуг буйволы делают по полю круг за кругом. Чавкает грязь под ногами, превращаясь в благодатную почву. «Ча! Ча!» — подбадривает их увязающий по колени в раскисшей земле крестьянин, едва удерживая в руках тяжелый плуг. Так, круг за кругом, час за часом, день за днем под палящим солнцем идет пахота. Она будет продолжаться до тех пор, пока поле не превратится в пруд, залитый сметанообразной, без единого комка грязью.

В подготовленную почву рис высаживается вручную. Ему еще потребуются много воды, и она подводится по маленьким канавкам. Наконец наступает день жатвы. Сжатый рис копнят и оставляют сохнуть на поле. Когда он начнет осыпаться, копны перенесут на ток, и снова буйволы будут ходить по кругу, выбивая копытами зерна из метелочек. Если буйволов нет или их мало, семья вооружается цепями.

В погожий с небольшим ветерком денек кто-нибудь из членов семьи заберется на сооруженную из жердей треногу и, опрокидывая плетенки с рисом, провеет зерно, очистит его от шелухи.

На острове снимают два урожая в год. В сезон «яла» сеять начинают в апреле, а убирают в июле — августе; в сезон «маха» сев начинается обычно приблизительно в июле, а уборка — в январе. В этот месяц к радиаторам автомашин прикрепляются маленькие снопики риса, на сельских улицах царит оживление. Отмечается праздник «понгал» (в переводе с сингальского — «изобилие»), когда торжественно готовится первое блюдо из риса нового урожая.

В этот день вся крестьянская семья облачается в чистые одежды, восточная часть двора украшается зеленью и там воздвигается изображение бога Ганеши. Готовить первое блюдо доверяется на сей раз не хозяйке, а хозяину. Если вода быстро закипит и часть пены «уйдет», это считается добрым предзнаменованием, предсказывающим изобилие и достаток в доме. Один из наших цейлонских знакомых как-то шутливо заметил, что предзнаменование выдумали мужчины для того, чтобы скрыть свое неумение сварить рис.

Первая порция риса вместе с фруктами и сладостями подносится в знак благодарности богу Ганеше, затем к праздничной трапезе приступают члены семьи и приглашенные родственники и знакомые. Не забывают в этот день и о верных друзьях земледельца — буйволах, немало потрудившихся на полях. Их купают, угощают отборным кормом, украшают цветочными гирляндами.

Методы выращивания риса на острове вырабатывались в течение веков. Излишняя приверженность традиции привела к тому, что Цейлон по урожайности риса намного уступает другим странам. В среднем с одного гектара здесь собирают около семи центнеров, в то время как на Яве, например, — около пятнадцати. На Цейлоне почти не применяются удобрения, отсутствует механизация труда. Поэтому примерно пятьдесят процентов своей потребности в этой культуре страна вынуждена удовлетворять за счет ввоза.

Мы распрощались с гостеприимным Гунапалой и уже выезжали из деревни, когда повстречали нищенку с протянутой чашечкой для подаяний. Нас удивило не то, что мы увидели нищенку, хотя нищих на острове не так уж много, удивила ее одежда, отличная от обычной одежды цейлонки. Вместо традиционной короткой кофточки верхнюю часть туловища женщины едва прикры-

вал перекинутый через плечо платок, плечи и руки были покрыты густой татуировкой.

Перед нами была родия — цейлонская неприкасаемая. На острове до сих пор сохранилось кастовое деление, хотя здесь кастовые барьеры и не столь значительны, как в Индии. «Высшей» кастой в стране считается гогама (земледельцы), отличающаяся большой неоднородностью: она включает земледельцев всех рангов. В одну из ее подкаст входит рада, объединившая феодальную аристократию.

Очень часто род занятий сингалов определяется их кастовой принадлежностью. Рыбаки, например, составляют касту караве, парикмахеры — панники, сборщики сока цветов кокосовой пальмы — дурава, прачки — хена. К самым «низким» кастам относятся оли (танцоры) и берава (барабанщики). Но у основания кастовой лестницы, в ее низу находятся родии («рода» — «нечистый, грязный»), занимающие особое положение.

Существует очень много легенд о происхождении родиив. По одной из них, они ведут свое начало от охотников, которые были изгнаны за то, что после неудачной охоты, боясь гнева правителя, принесли ему под видом оленины мясо убитого человека.

Некоторые цейлонские этнографы предполагают, что родии произошли от людей, которые заболели какой-нибудь заразной болезнью, навсегда изгонялись из общества и не имели права вернуться в него даже после выздоровления. Как правило, жили они отдельно в специально отведенных им местах. Деревни родиив разбросаны почти по всему острову, но более всего их в районах Канди и Бадуллы.

Положение этих париев можно сравнить с положением неприкасаемых в Индии. На них распространяется много запретов. Еще сравнительно недавно и мужчины и женщины не должны были носить одежду на верхней части туловища или пользоваться зонтами даже во время проливных дождей. По сообщению газеты «Цейлон дейли ньюс», в Коломбо один из родиив был избит за то, что осмелился появиться в европейском костюме.

С родиями на Цейлоне связан ряд суеверий. Так, считается, что прикосновение к ним или к их вещам может «заколдовать» прикоснувшегося и он помимо своей воли последует за «ними» и разделит их судьбу.

Вот почему на острове мало кто осмелится подать руку этим отверженным.

Основное занятие родиев — профессиональное нищенство, попрошайничество. Правительство прилагает немало усилий, чтобы приобщить их к трудовой жизни, тем более что многие из них отличные ремесленники, однако предубеждение против них мешает этому. Если они и работают, то, как правило, на самой грязной работе: ассенизаторы, уборщики мусора и т. д.

Положение родиев меняется очень медленно, несмотря на то что прогрессивные силы цейлонского общества ведут постоянную борьбу за равноправие и полное уничтожение кастовых различий.

Мы побывали в одной из резерваций недалеко от Канди. Деревня, которая состояла приблизительно из десяти небольших хижин, сплетенных из листьев кокосовой пальмы, обнесена забором, чтобы кто-нибудь не спутал и не принял ее за обычную деревню. Внутри хижин нет почти никакой мебели, бедно. Да это и не удивительно.

Удивительным было то, как приняли нас родии. Мы ожидали встретить озлобленных людей, а увидели радужных хозяев, которые охотно показывали нам свои жилища и делились своими горестями и заботами. Перед нами были обычные крестьяне-бедняки. Мы искренне посочувствовали этим простым и добрым людям, которых так незаслуженно обидела судьба.

В конце июля — начале августа цейлонцы едут в Катарагаму, небольшое затерявшееся среди джунглей селение в юго-восточной части страны. Со временем забываются многие обычаи, некогда соблюдавшиеся очень строго, но отнюдь не все. Как и сотни лет назад, из разных районов Цейлона и других стран в это селение стекаются тысячи и тысячи паломников, индуистов, буддистов и мусульман, чтобы принять участие в религиозном торжестве, посвященном грозному и жестокому богу Катарагаме, именем которого оно и названо.

Разница лишь в том, что если раньше паломники добирались до Катарагамы пешком, что уже само по себе составляло часть обета, то теперь они, как правило, от ближайшей железнодорожной станции Матара.

доставляются юркими автобусиками «Фольксваген» или огромными дизельными «Лейландами» и «Мерседесами».

Те, кто побогаче, приезжают на собственных или наемных легковых автомобилях, кто победнее — на велосипедах или скрипучих повозках. И лишь самые фанатичные бредут к месту поклонения пешком, укрываясь от палящего солнца листьями талипотовой пальмы.

Путь к Катарагаме пересекает неширокая река Меник-ганга, почитаемая как священная. Перебраться через нее можно либо по висячему мостику, либо вброд. Для участвующих в религиозных процессиях ритуальное омовение в водах реки является обязательным. Мы предпочли висячий мостик и вскоре подошли к храму Катарагамы.

Интересно, что последователи индуизма не осмеливаются даже рисовать этого бога. По сложным и запутанным канонам индуистской религии его можно представлять только в облике других богов, чаще всего Сканда. Тайна же изображения самого Катарагамы, которое видит только верховный жрец храма, охраняется весьма строго. Уже в воротах ограды храма нас очень вежливо, но вместе с тем решительно предупредили, чтобы мы не пытались фотографировать храм, чтобы сняли обувь и головные уборы.

То, что мы увидели за оградой, трудно передать словами. Пространство перед храмом заполнено молящимися. Распростершись ниц, они часами лежат под палящими лучами солнца на нагретой до пятидесяти градусов земле в надежде заслужить милость бога. Некоторые, зажав в руках кокосовый орех, медленно перекатываются по раскаленному песку.

У входа в храм, перед горящими жертвенными светильниками, в которых сжигается издающая резкий запах камфара, стоят блюда с дарами богу — цветами и фруктами. Здесь же под громкие возгласы толпы раскалываются кокосовые орехи — тоже дар Катарагаме.

Однако грозный бог требует больших жертв... К храму под аккомпанемент флейт, морских раковин и барабанов приближается процессия, в центре которой, окруженный танцорами, медленно идет обнаженный по

В руки, плечи и грудь впились гвозди с каплевидными шляпками, а кожа спины проткнута крючьями...

пояс человек. На плечах танцоров лежит массивная деревянная дугообразная рама, разукрашенная цветами, цветными лентами и павлиньими перьями. Бритая голова человека посыпана «священным пеплом» сандалового дерева, щеки и язык пронзены копьеобразными иглами. В руки, плечи и грудь впились гвозди с каплевидными шляпками, а кожа спины проткнута крючьями, от которых протянута веревка к влекомой мучеником колеснице. Как рассказывают очевидцы, несколько лет назад один из верующих отважился на большее — он часами молился, вися на воткнутых под ребра крючьях.

В другой процессии мы увидели мальчика не старше шести-семи лет. В язык, щеки, нос, руки и спину маленького страдальца были воткнуты острые иглы. На его истерзанном тельце почти не оставалось живого места. Рядом, поддерживая малыша, стоял отец.

— Почему вы выбрали такого маленького ребенка для участия в процессии? — спросили мы его.

— Чем больше наша жертва, тем большую благосклонность проявит бог к моему сыну и всей нашей семье, — последовал ответ.

Какими же поистине нечеловеческими муками вымалывается милость Катарагамы или замаливаются грехи! Если бы мы своими собственными глазами не видели эти самоистязания, мы никогда бы не поверили, что такое может происходить в XX веке.

Там же, в Катарагаме, поздно ночью мы присутствовали еще при одном жестоком обряде — «хождение по огню», точнее, по горящим углям.

В темно-синее небо, усыпанное непривычно крупными звездами, взвиваются причудливые оранжевые языки пламени, выхватывая из темноты тропической ночи склонившиеся над лужайкой кроны кокосовых пальм. Оглушительный грохот барабанов, пронзительные звуки деревянных флейт, заунывный стон морских раковин, глухой шум толпы, извивающиеся полуобнаженные тела,двигающиеся в танце вокруг огромного костра из стволов кокосовой пальмы, — все это производит мрачное впечатление. Огонь, облизывая дерево, постепенно превращает его в рубиновые, подернутые матовой пленкой угли, от которых веет невыносимым жаром. И без того стремительный темп музыки убыстряется до предела. Иногда музыканты сами не выдерживают этого темпа, и тогда инструменты издают какие-то невообразимые звуки.

Танцы перед костром, если только можно назвать этим словом конвульсивные движения находящихся в экстазе людей, продолжаются несколько часов подряд. Вспышка электрического фонаря осветила лицо и фигуру одного из танцоров — остановившийся взгляд, покрытые пеной губы... Я с трудом узнал человека, с которым разговаривал некоторое время назад. Превращение было поразительным: подъехавший на автомашине одной из последних марок мужчина средних лет в отлично сшитом европейском костюме представился мне на хорошем английском языке служащим одной из местных фирм. Теперь в луче фонаря содрогалась в эпилептическом танце фигура в набедренной повязке с копьём в руке.

Угли догорающего костра разровняли, и вот уже образовалась огненная дорожка длиной до двенадцати и шириной до двух метров. Один из танцоров, тот, что постарше, собирает дрожащих от возбуждения участников процессии и ведет их за собой к началу огненной тропы.

Раздается долгий, вибрирующий звук морской раковины. Толпа затихает, когда возглавляющий группу делает первые шаги. Босые ноги погружаются по щиколотку в тлеющие угли, а человек продолжает идти размеренным шагом. Тело его в напряжении, как если бы он шел над пропастью по неровной и скользкой тропе. На дорожку вступают новые участники, и затихшая на мгновение толпа зрителей снова раздражается криками.

Одни идут молча, другие выкрикивают что-то, потрясая копьём или трезубцем. Пройдя до конца дорожки, они снова возвращаются к ее началу.

Наконец несколько человек выплескивают воду на горячие угли — хождение по огню закончено.

Я внимательно наблюдал за его участниками еще до начала церемонии. Все они были на виду, танцуя несколько часов подряд у костра, и я не заметил, чтобы кто-нибудь из них пользовался какой-либо мазью или жидкостью для предохранения ног от ожогов.

С тяжелым чувством покидали мы Катарагаму. Казалось невероятным, что в наше время еще существуют такие места, где религия заставляет людей идти добровольно на страшные физические мучения.

ЧАЙ, КАУЧУК И ПРОДУКТЫ КОКОСОВОЙ ПАЛЬМЫ

На этих «трех китах» держится почти вся экономика аграрного Цейлона. Они составляют более девяноста процентов его экспорта. Если внезапно по каким-либо причинам на остров прекратится подвоз продовольствия, в стране нечего будет есть. Расположенный в благоприятном климате Цейлон, когда-то полностью обеспечивавший себя продуктами питания, сейчас вынужден импортировать рис, мясо, рыбу, муку и многие другие товары.

Иностранные захватчики в свое время подорвали и свели на нет местную продовольственную базу, разбив на захваченных землях плантации экспортных культур. Вопреки пословице им удалось убить «двух зайцев» — заставить цейлонцев производить то, что выгодно колонизаторам, и покупать то, что колонизаторы считали нужным поставлять. Беспрепятственно ввозя на остров свои готовые промышленные товары, они не давали колонии возможности развивать свою собственную промышленность.

Такая структура экономики во многом сохранилась и до настоящего времени, а это приводит к тому, что Цейлон полностью зависит от конъюнктуры на мировом рынке. Как только снижаются цены на чай, каучук и продукты кокосовой пальмы, стране начинает не хватать валюты на приобретение продовольственных и промышленных товаров. А колебания цен на мировом рынке на эти культуры происходят почти непрерывно. Увеличение продукции чая в традиционных чаепроизводящих странах и рост его производства на созданных плантациях в Африке, тогда как потребление его почти не изменилось; освоение все в более широких масштабах методов производства синтетического каучука и.

следовательно, некоторое уменьшение спроса на натуральный каучук; торговая политика Соединенных Штатов Америки, которые выбрасывают на мировой рынок по демпинговым ценам так называемые излишки соевого масла, конкурирующего с кокосовым, — все это ставит односторонне развитую экономику Цейлона перед новыми и новыми трудностями.

Положение осложняется тем, что на долю только английского капитала в сельском хозяйстве страны приходится около пятидесяти процентов всех посадок чайного куста, шестнадцать процентов — каучуконосов; иностранному капиталу принадлежит также до пяти процентов земли под кокосовыми плантациями.

Англичане быстро поняли, какую выгоду сулит им разведение чая на Цейлоне. В 1873 году было вывезено 23 фунта чаю и выручена первая прибыль — 58 рупий. К 1962 году площадь под чаем достигла 591 миллиона акров, а урожай равнялся 467 миллионам фунтов, причем цейлонцы потребили только незначительную часть урожая, остальное вывезли из страны главным образом иностранные компании. Сколько было получено прибыли, непосвященным в эти дела узнать невозможно, но известно, что за последнее десятилетие одна рупия вложенного капитала оборачивалась тремя рупиями прибыли. Цейлонская газета «Форвард» недаром писала в свое время, что иностранные компании склонны рассматривать Цейлон как «собственную чайную плантацию».

Во всех передачах, отведенных рекламе, а то и вне всякой связи, просто в минутном интервале между записями, бархатный голос диктора цейлонского радио доверительно сообщит вам, что «чай Липтона — лучший в мире. Чай Липтона — по карману каждому». Через несколько минут тот же самый диктор то же самое скажет вам о чае «Брук Бонд», а затем и других компаний, и все они имеют в основном английские названия.

Лучший на Цейлоне чай выращивается в горном районе Нуvara-Элия на высоте 1200—1600 метров. Шапкообразными чайными кустами здесь покрыта каждая пядь земли. Они растут на искусственно созданных террасах и на крутых склонах холмов, выползают даже на дорогу.

Однажды в районе Нувара-Элии нас застал ливень. Потоки воды с шумом обрушивались на крышу машины. Время близилось к вечеру, а езда в темноте, да еще в дождь по головокружительным горным дорогам — дело вовсе не шуточное. Однако стоять на месте тоже не имело смысла. Шофер Альберт, неизменный наш спутник во всех поездках по стране и гид, включив свет и напряженно всматриваясь в дорогу, вернее в часть ее, различимую в густой сетке дождя, медленно продолжал вести машину по краю пропасти.

Казалось, что на километры вокруг ливень заставил укрыться под крышей все живое. Но вот сквозь стекавшие по стеклу ручейки мы заметили на обочине склонившуюся над чайным кустом женскую фигуру, затем еще одну. Вскоре среди кустов мы различали целую группу женщин, прикрывшихся наброшенными на плечи мешками от дождя.

— Что они делают в такую погоду? — спросил один из нас Альберта.

— Собирают чай, — кратко ответил шофер.

Увиденное вовсе не соответствовало распространяемым туристическими агентствами раскрашенным картинкам, на которых празднично одетые веселые сборщицы, кокетливо улыбаясь, непринужденно, словно для собственного удовольствия, обирают листочки с чайных кустов под лучами приветливого солнца.

Чай собирают в любую погоду, даже в проливной дождь, когда на раскисшей от воды земле крутого склона холма трудно не только работать, но и просто стоять. Однако владельцу плантации не до того: он знает, что если чайные листья не сорвать вовремя, то молодые побеги загрубеют и чай пойдет более низким сортом, а это уже убыток.

Сбор чая — далеко не легкое дело и в хорошую погоду. Собираются только флешы, почки на концах молодых веток вместе с двумя-тремя верхними побегами. Их работницы обрывают одновременно двумя руками (движения пальцев напоминают работу высококвалифицированной машинистки) и через плечо перебрасывают в корзину из прутьев, укрепленную за спиной. По лицу сборщицы градом струится пот, но вытирать его некогда: норма — тридцать фунтов в день, а каждый фунт складывается приблизительно из трех тысяч по-

Сборщицы чая

бегов. Не выполнить норму — значит не получить свои полторы рупии, заработную плату за день тяжелого труда.

На плантациях заняты главным образом тамилы, потомки уроженцев Южной Индии, вывезенных англичанами в качестве дешевой рабочей силы в период бурного развития чайной промышленности. Женщины собирают чай, мужчины подрезают кусты, очищают землю от сорных растений. Положение рабочих-тамиллов значительно хуже положения плантационных рабочих-сингалов. По существу их труд не охраняется никакими законодательствами, так как они, будучи выходцами из Южной Индии, не признаются местными властями подданными Цейлона, а Индия в свою очередь также не считает их своими гражданами.

Из корзин сборщиц чайный лист поступает на фабрику. Обычно она расположена непосредственно в районе плантаций и представляет собой четырехэтажное здание со стенами из гофрированного алюминия. Внутри душно — окна для сохранения необходимой темпера-

туры никогда не открываются — и терпко пахнет чаем.

С точки зрения техники процесс превращения зеленого чайного листа в душистый и ароматный чай не особенно сложен, но требует многолетней практики и опыта. Прежде всего лист в особых помещениях завяливается в течение восемнадцати-двадцати часов. Затем специальные машины тщательно перемешивают и скручивают зеленые листья, образуя из них комки, которые разламываются и многократно просеиваются через различные сита. Все еще сыроватая масса раскладывается после этого на стеклянных или деревянных пластинах. Начинается процесс ферментации (окисления); его необходимо прервать в нужный момент, иначе чай, применяя терминологию цейлонских чаеводов, будет либо «пресным», либо «кислым». На продолжительность ферментации влияет и количество влаги в массе, влажность и температура воздуха.

Мастер сосредоточенно пробует массу на язык, растирает ее между пальцами, нюхает и, наконец, дает указание вынести в сушильные камеры.

После того как дегустаторы проверят вкус, запах, крепость и определяют сорт чая, его запакуют в фанерные ящики, выложенные изнутри фольгой, и океанские пароходы повезут его во все концы мира. Пакетики с надписью «Цейлонский чай» завоевали уже прочную популярность у любителей напитка и в нашей стране, из года в год увеличивающей закупки.

Чашкой чая начинается день цейлонца, ею заканчивают обед и ужин, ее же предложат гостю и на официальных приемах. Заваривают чай иначе, чем у нас. В большой фаянсовый чайник закладывается чай (нормальной пропорцией считается чайная ложка на стакан воды) и заливается крутой кипятком. Затем чайник накрывают полотенцем и дают постоять несколько минут, после чего настой разливают по чашкам, не разбавляя кипятком. Добавляется лишь сахар и молоко.

В небольшом ботаническом саду в селении Гампах еще и сейчас сохранилось несколько полузасохших деревьев. Их можно не заметить и пройти мимо, если кто-либо не обратит на них ваше внимание. Это — пер-

вые на Цейлоне каучуконосы, посаженные в 1876 году. К 1962 году площадь земель под гевеей составляла 674 тысячи акров.

Однажды мистер Кадар, один из совладельцев каучуковой плантации «Хакнагалла», расположенной около города Ависсавелы, пригласил нас ознакомиться с процессом сбора и обработки каучука. Кадар купил ее на паях с группой местных дельцов у англичанина. Плантация не из лучших: англичанин не особенно заботился о ее будущем, не заменял своевременно старые деревья саженцами — а гевея плодоносит лишь до определенного периода — и счел за лучшее, выжав из плантации все, что можно, продать ее.

Машина остановилась у небольшой речки, по обеим сторонам которой ровными рядами раскинулись высокие гевеи, исполосованные у подножия спиральными надрезами, в которых белыми шнурами застыл сок. Деревья-каучуконосы чем-то отдаленно напоминают нашу березу, только их кора и листья более темного оттенка. Сбор сока начинается лишь тогда, когда гевея достигает шести-семилетнего возраста. После сорока-пятидесяти лет она «стареет», ее срубают, плантация раскорчевывается и производится посадка молодых саженцев.

Рабочий день сборщика каучука начинается рано. На коре дерева специальным ножом делается спиральный надрез, и сразу же появляется тягучий сок — латекс, медленно стекающий в чашечку из скорлупы кокосового ореха. Сборщик латекса должен работать быстро. Сок находится в полужидком состоянии только в относительно прохладное время суток, когда солнце еще не согрело воздух. С первыми лучами солнца латекс застывает.

Подсечка производится через день-два. Перед этим надрез очищается от остатков застывшего сока. Когда чашечка полна, латекс сливают в ведра, куда добавляется вода и уксусная или муравьиная кислота, предупреждающая преждевременное застывание сока. Дальнейшая его обработка происходит на фабрике, расположенной здесь же, на территории плантации.

Полужидкая масса разливается в формы и выдерживается там в течение определенного времени. Затем загустевшие листы — шиты — пропускаются через вал-

ки, которые отжимают излишек влаги и наносят на поверхность листа ромбический рисунок, предохраняющий шиты от склеивания друг с другом. Теперь они поступают в сушильную камеру — небольшой сарай с плотно законопаченными стенами, где топится печь. Из нее в помещение вырываются клубы черного, удушливого дыма. На брусках под потолком копятся листы латекса. Задыхающийся от дыма рабочий время от времени переворачивает их, выходит на свежий воздух, чтобы откашляться и отдышаться, и снова продолжает работу. Каждая партия шитов должна пробыть в камере шесть-восемь дней, после чего полуготовый каучук, теперь он называется «смоукт шит» — копченый лист, поступает на заводы для переработки в резиновые изделия.

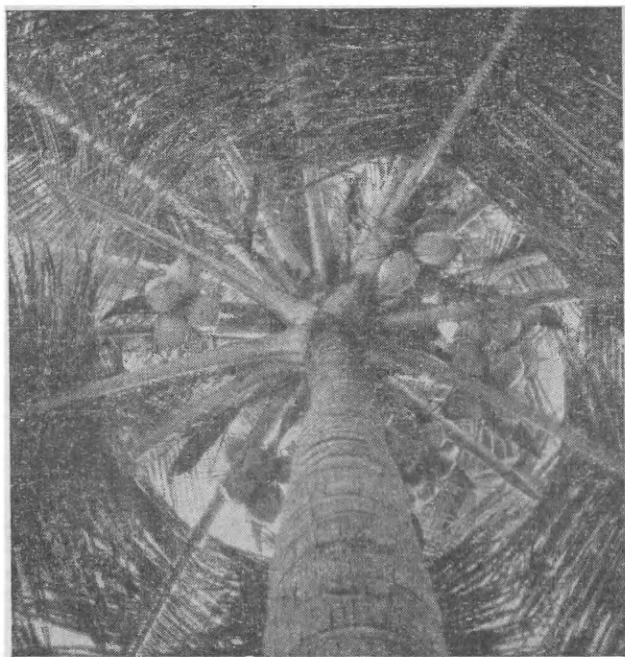
Существует и другой способ получения полуфабриката. Затвердевшие в формах листы латекса раскатывают в полосы и пропускают через креперовальные машины, превращающие их в шнуры. Шнуры высушиваются в сушильных камерах и прокатываются — эта продукция носит название «креп».

Цейлон, занимающий четвертое место в мире по производству каучука, ежегодно поставляет на внешний рынок около ста тысяч тонн этого высококачественного сырья. Однако готовые изделия со штампом «Сделано на Цейлоне» вы встретите очень редко. На местных полукустарных заводиках перерабатывается менее одного процента производимого на острове каучука.

Правительство независимого Цейлона предпринимает меры для быстреего развития национальной экономики страны. В этом значительную помощь ей оказывает Советский Союз. Недалеко от Коломбо строятся корпуса первого на острове завода авторезины, сооружаемого по проектам советских специалистов.

Путешествие вокруг Цейлона можно совершить, почти не выходя из-под тени вечнозеленых кокосовых пальм. Плантации высоких с коричневато-серыми стволами деревьев тянутся вдоль побережья от самой кромки Индийского океана до гористой центральной части страны.

Кокосовая пальма — «неженка», ей холодно даже на небольших возвышенностях тропического Цейлона.

Кокос — «дерево жизни»

Она любит тепло и влажный морской ветер, который перебирает ее жесткие, как бы лакированные листья и раскачивает крупные, с голову ребенка, зеленые орехи. Примечательно, что ствол пальмы почти никогда не бывает прямым. Местная пословица гласит: «Тот, кто увидит белую ворону, гнездо рисовой птицы, прямую кокосовую пальму или мертвую обезьяну, будет жить вечно».

Встречается здесь и «королевская» кокосовая пальма, ее легко отличить от обычной — она несколько ниже, а орехи ее не зеленого, а ярко-оранжевого цвета. Кроме кокосовой на острове растут пальмировые, талипотовые, арековые, веерные и другие пальмы. Но только кокосовую (по-сингальски она называется «поль», по-тамилски — «тенгу») здесь с полным основанием считают «деревом жизни».

Сельский житель строит свою хижину из стволов кокосовой пальмы, крышу покрывает листьями ее, а пол — циновками из койра, волокна кокосового ореха. Вечерами жилище освещается светом плошки, в которой горит фитиль из койра, пропитанный кокосовым маслом. Из скорлупы ореха сделаны и плошка и часть домашней утвари — ложки, мисочки и чашки.

Цейлонец утоляет жажду соком ореха, а голод — рисом с карри, обязательной составной частью которого служит мякоть кокоса. Это блюдо, естественно, готовится на костре из листьев, коры и древесины пальмы. Из стволов ее построена лодка и повозка, причем все детали скреплены веревкой из койра. Ею же скрепляются леса из бамбука при возведении многоэтажных домов.

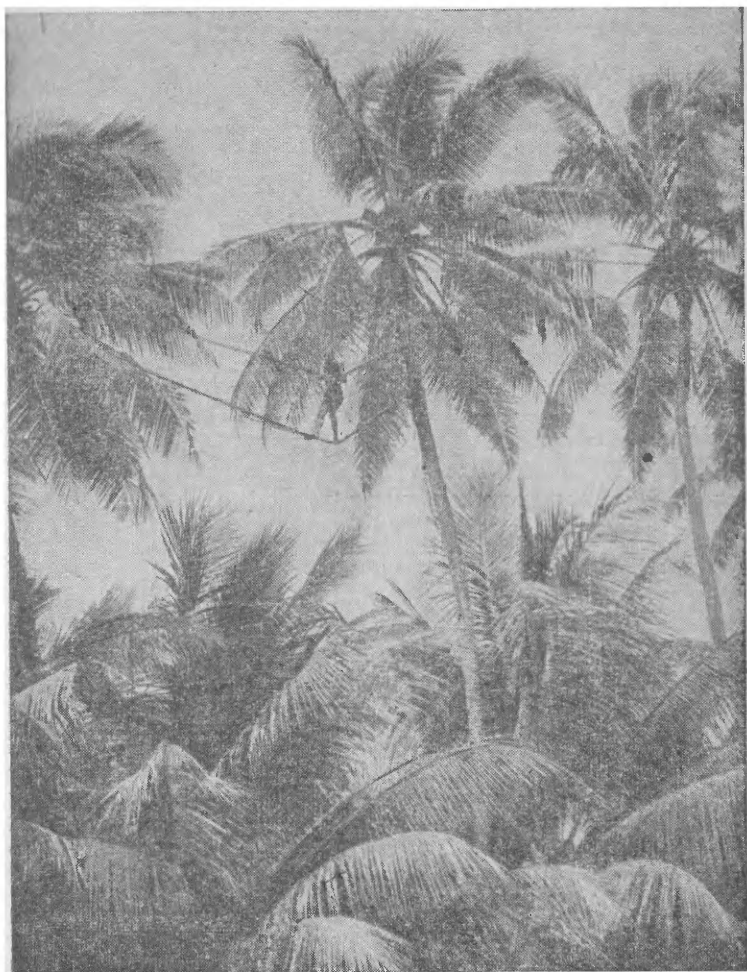
Деревенская пирушка немислима без тодди и арака, хмельных напитков из сока пальмы. Наконец, неизменной принадлежностью и свадьбы и похорон на Цейлоне являются украшения из соцветий все той же пальмы.

Трудно сказать, кто и когда впервые вырастил здесь кокосовую пальму — поилицу и кормилицу цейлонца. Возможно, что первый орех был вынесен на берег острова океанской волной. Однако, по сложившемуся у крестьян твердому убеждению, кокос не вырастет, если его не коснется рука человека.

«Жизнь» пальмы начинается в специальных питомниках, где саженцы выращивают из отборных орехов. Их заботливо охраняют от прямых лучей солнца, могущих опалить нежную кору и листья молодого, неокрепшего растения, регулярно поливают и подкармливают. Через два года подросшие деревца пересаживают на плантации. При хорошем уходе кокосовая пальма дает шесть урожаев в год.

В «Махавамсе» первое упоминание о кокосовой пальме относится к 161 году до нашей эры. Король Аграбодхи I, правивший в VI веке, владел уже обширными пальмовыми плантациями.

Впрочем, кокосовые пальмы растут здесь не только на плантациях. Их можно встретить всюду — во дворике бедняка и саду местного богача, ими, как уже говорилось, обсажены почти все дороги прибрежной части страны. Но у каждой пальмы обязательно есть свой

Иногда сборщики сока превращаются в канатоходцев

хозяин. Бывает, что деревом владеют две семьи и каждая получает свою долю.

Сейчас площадь под кокосовой пальмой на острове составляет около трети всех возделываемых земель; в год здесь снимают немногим менее трех миллиардов

Рабочий точным и сильным ударом раскалывает орех на две половины

орехов. В 1962 году Цейлон выручил от экспорта продуктов кокосовой пальмы 227 миллионов рупий. Этот «золотой орешек» стоит того, чтобы рассмотреть его повнимательнее.

Он довольно увесист, килограмма на три, и стоять под пальмой, особенно в ветреный день, не рекомендуется. Об этом в парках и садах предупреждают таблички с надписью: «Остерегайтесь падающих кокосовых орехов!» В местных газетах нередко встречаются сообщения о том, что упавший орех явился причиной увечья или гибели человека.

Если вы зайдете на участок цейлонского крестьянина, он поспешит напоить вас соком кокосового ореха. Ударами массивного ножа проделает в скорлупе треугольное отверстие и радушно предложит угощение.

Цейлонцы утверждают, что сок кокосового ореха утоляет жажду лучше всякого другого напитка. Возможно, они правы, мне же кажется, что к специфическому запаху и вкусу его надо привыкнуть. Сок вязущ, сладковат, отдает скипидаром, но, не спорю, даже в тропическую жару относительно холодноват.

Бычки на скрипучих повозках доставляют сок
на перегонные заводики

Сбором орехов и пальмового сока, идущего на приготовление уксуса, а также тодди и арака, занимаются специальные рабочие. Эта профессия требует ловкости, выносливости и смелости — на высоте почти десяти метров надо выбрать и срезать спелые орехи, собрать сок и, не разлив его, доставить на землю. Оступится сборщик, дрогнет рука — смерть, в лучшем случае — увечье. Как говорят на острове, ни рыбак, ни сборщик орехов, уходя на работу, никогда не знает, вернется ли он домой.

С собой сборщик-верхолаз кроме двух ножей в деревянных ножнах и глиняного горшка, прикрепляемых к поясу, непременно берет прочную веревку из койра. Перед подъемом он связывает щиколотки ног; босыми ступнями крепко охватывает ствол, веревочный жгут служит при этом дополнительной опорой для ног, затем подтягивается на руках, переставляя ноги повыше.

Как он ухитряется там срезать орехи, надсекать соцветие пальмы, устанавливать горшок да еще спускаться с полным горшком сока на землю, не знаю: все мои попытки забраться на пальму при помощи этой веревки хотя бы на метр не принесли ничего, кроме ссадин.

В некоторых местах страны между кронами пальм протягиваются канаты, и тогда верхолазы превращаются еще и в канатоходцев, путешествующих от дерева к дереву вместе с орудиями своего производства.

Сок сливается в бочки, и бычки на скрипучих повозках доставляют их на перегонные заводики, где сок превращают в тодди, арак или уксус.

Плоды складывают в кучи, возле которых устанавливают чурбак с крепко загнанным в него железным клином. Рабочий берет обеими руками орех и точным, сильным ударом раскалывает его о клин на две половинки. Части волокнистой оболочки закладывают в мочильные ямы, издающие, мягко говоря, не совсем приятный запах.

Вода и тепло за несколько месяцев размягчат волокнистые половинки ореха, солнце высушит их, а женские руки деревянными колотушками выбьют из них всякую примесь, превратив оболочку в пышное, светло-коричневое волокно. Теперь остается прочесать его несколько раз частыми железными гребнями — и из него можно вить веревки и тросы, делать щетки и швабры, плести маты и циновки.

У кокосового ореха есть еще одна скорлупа, твердая, под которой скрывается мякоть — копра. Из высушенной копры извлекается кокосовое масло, находящее широкое применение в промышленности; выжимки идут на корм скоту и на удобрения.

В порту Коломбо стоят огромные серебристые цилиндры. Но это не нефтяные баки, как может показаться, а хранилища кокосового масла. Из них содержимое по трубам, то есть маслопроводам, перекачивается непосредственно в трюмы, по-флотски танки, судов многих стран мира.

У нас закупаемое на Цейлоне кокосовое масло используется для производства определенных сортов красок и технических масел, а также в парфюмерной промышленности.

РАТНАПУРА— ГОРОД САМОЦВЕТОВ

На многих улицах центральной части Коломбо, особенно в районе Форта, чуть ли не каждая третья-четвертая дверь ведет в магазины, на которых укреплена либо скромная, написанная красками, либо солидная, с бронзовыми накладными буквами вывеска: «Ювелирные изделия».

В витринах на стендах и подставках играют в лучах солнца или поблескивают в тени отраженным светом кольца и серьги, ожерелья и кулоны, браслеты и подвески, броши и цепочки — словом, все, что создала причудливая фантазия многих поколений ювелиров. Название для украшения, которое тамильские женщины носят в крыле носа (оно напоминает небольшую сережку с блестящим камнем), я так и не мог придумать.

Там же, за стеклом витрины, выставлены изображения почти всех представителей животного мира тропиков — слонов, тигров, леопардов, крокодилов, змей, — вырезанные из слоновой кости, эбена, сандала и розового дерева; ларцы, коробочки и гребни из черепаховой кости; десятки безделушек, о назначении которых сразу и не догадаешься; часы самых различных фирм.

Местные жители у таких витрин почти не останавливаются — многим из них эта роскошь не по карману. Зато в магазинах подолгу задерживаются туристы, особенно те, у кого в бумажниках водятся лишние фунты и доллары. Им показывают прежде всего сапфиры всех оттенков, от светло-голубого до темно-синего. Камень гладкой овальной формы подставляют под луч солнца или свет фонарика, и в глубине камня желтоватым цветом загорается шестилучевая звезда. Это — звездный сапфир.

Продавец распахивает открывающиеся со стальным лязгом дверцы очередного сейфа и вынимает из него все новые и новые образцы, уложенные на бархате.

— Посмотрите на этот самоцвет при дневном освещении, — говорит он, — показывая небольшой зеленый камень. Потом приспускает шторы на окнах. В лучах электрических ламп камень приобретает нежно-фиолетовый с синевато-зеленым отливом цвет. Это — александрит, камень, которому в древности приписывали чудодейственные свойства.

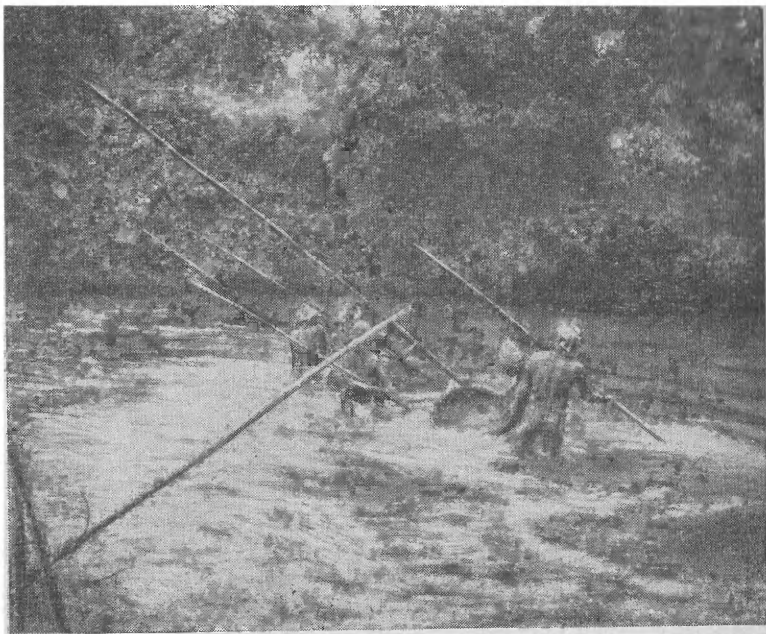
Глаза покупателей уже устали от блеска, а им предлагают еще рубины, золотистые, дымчатые и белые топазы, аквамарины, удивительно соответствующие своему названию лунные камни и похожие на них, но с синеватыми вкраплениями опалы, угольно-черные ониксы, синеватые и синевато-зеленые цирконии.

Но вот несколько камней отложены в сторону. Начинается самая важная и ответственная часть сделки — торг. Продавец пускает в ход все свое красноречие. Он убеждает и просит, он советует зайти к соседним ювелирам и удостовериться, что запрашиваемые ими цены выше, а качество самоцветов хуже. Наконец, обе стороны приходят к соглашению, купленные камни укладываются в сумки, деньги — в сейф. Продавец вручает покупателям визитные карточки и просит рекомендовать его знакомым.

Теперь он замечает нас, и на его лице привычно расцветает приветливая улыбка. Чтобы не терять времени и не вводить его в заблуждение, сразу же излагаем свою просьбу — мы хотели бы ознакомиться с процессом добычи и обработки драгоценных камней. Фарук, так зовут совладельца ювелирного магазина, немного подумав, приглашает нас в город Ратнапуру, где ему и его компаньонам принадлежит шахта.

Ратнапура расположена на юге центральной части страны. Именно здесь сосредоточена добыча самоцветов, принесших некогда славу Цейлону.

Специальным указом правителя Паракрамабаху I добыча и обработка камней, находимых в районе Ратнапуры, а также торговля ими объявлялись царской монополией. Это составило важную статью дохода казны и дало возможность выделять достаточные средства на создание водохранилищ и освоение новых земель,

Добыча драгоценных камней на реке

строительство многочисленных храмов и дворцов. Позднее монопольное право торговать драгоценными камнями присвоили себе португальцы, извлекавшие из этого немалую выгоду.

Местные геологи считают, что по долинам и низменностям района Ратнапуры когда-то протекала река Калу-ганга, затем изменившая свое русло. Воды ее принесли из горных районов центральной части вместе с обломками гранитных пород и драгоценные камни. По утверждению тех же геологов, богатейшие залежи самоцветов скрыты в горных массивах, откуда берет свое начало Калу-ганга. Но проверка этого предположения требует значительных расходов на изыскательские работы, приобретение дорогостоящего оборудования, прокладку дорог в необжитых районах.

Фарук подвел нас к одной из шахт, расположенных в бывшем русле Калу-ганга. Слово «шахта» слишком

громко для относительно неглубокой, пяти-семиметровой ямы, стены которой во избежание обвалов кое-как укреплены стволами бамбука. На краю ее устроен небольшой ворот. Механическое оборудование представлено насосом для откачки воды.

По шаткой и скрипучей лестнице, нащупывая ногами скользкие, покрытые грязью перекладыны, прикрепленные веревкой из койра к бамбуковым шестам, осторожно спускаюсь на дно. Здесь сыро. Из стен непрерывно сочится вода, которую не успевает отсасывать спущенный сюда шланг насоса. На дне ямы по колено в холодной и липкой грязи работают два сингала в узких набедренных повязках. Широкими мотыгами они выбирают породу и накладывают ее в бадью; ручной ворот поднимает ее на поверхность.

Существует и другой способ добычи самоцветов. Участок реки перегораживают плотным частоколом, который задерживает несомый течением гравий. Несколько человек, стоя по грудь, а то и по горло в реке, скребками на длинных рукоятках сгребают его и кладут в корзины. Когда они наполнятся, их по цепочке передают на берег. Даже не верится, что под песком и илом могут таиться сверкающие самоцветы.

Извлеченная со дна ямы порода перекалывается в широкие плоские корзины, которые устанавливаются недалеко от места добычи. К ним в течение рабочего дня никто не приближается. Только перед заходом солнца начинается промывка. Этот процесс привлекает к себе внимание почти всех членов артели. Хозяин следит за рабочими, те наблюдают за промывщиком.

Став на колени и сжав выставленные перед грудью ладони, он сначала шепчет молитву, затем опускает корзину в ручей и начинает вращать ее мягкими кругообразными движениями, то поднимает вверх, то снова погружает в воду. Вода стекает через край и уносит с собой гравий и песок. При этом, конечно, легко может быть выброшен и небольшой самоцвет, но в том-то и состоит задача промывщика — отделить пустую породу от драгоценных камней. Когда промывка закончена, на дне корзины либо ничего не остается, так бывает чаще всего, либо остается немного невзрачных камешков, в которых неопытный глаз не увидел бы ничего примечательного.

Рабочим в тот день не повезло. Они добыли всего лишь несколько небольших топазов и крохотный голубой сапфир. Его с разрешения Фарука они подарили нам, редким в этих краях гостям из Советского Союза. Пожилой сингал, передавший подарок, попросил нас рассказать на родине, как трудно добываются драгоценные камни на Цейлоне.

Если Фарук внимательно следил за рабочими во время промывки камней, то за ним, когда он пересчитывал дневную добычу, следили и рабочие, и промывщик, и компаньон. Дело в том, что рабочие артели получают твердую заработную плату. Она мизерна, если учесть тяжелые условия труда. От ежедневного многочасового стояния в холодной жиже они болеют ревматизмом. Нередко в ямах случаются обвалы, так как владельцы шахт стремятся экономить даже на лесе для крепления. Река кишит пиявками. Бывали случаи, когда на рабочих нападали крокодилы. Кроме заработной платы им полагается доля с найденных камней. Этим и объясняется их повышенный интерес к результатам дневной работы.

Таинство превращения невзрачного и бесформенного камня в красиво ограненный, сверкающий самоцвет происходило в мастерской, небольшой комнате, пристроенной к магазину. Окна ее прикрыты ставнями, ибо прямо падающие солнечные лучи могут помешать правильному нанесению граней при обработке. Станков в прямом смысле слова здесь нет. Сидящий на полу мальчик вращал при помощи ременного привода круг самой примитивной конструкции. Седобородый мастер-гранильщик тоже сидел на корточках на полу и прижимал к вращающемуся кругу укрепленный на державке осколок камня. На огранку (в зависимости от числа граней и величины камня) могут потребоваться недели, а то и месяцы напряженного труда.

До начала работы мастер со всех сторон внимательно изучает будущий самоцвет. Различные камни гранятся по-разному, и для каждого выбирается наиболее выгодная форма. Звездным сапфирам, опалам и лунным камням, например, придается только округлая или овальная гладкая. Сколота как ненужная должна быть наименьшая часть камня.

Гранильщика звали Исмаил. Он, как и его хозяин Фарук, — мавр (так называют на острове потомков ара-

бов). Когда-то мавры держали в своих руках добычу и обработку драгоценных камней. Теперь добычей и продажей самоцветов занимаются дельцы и других национальностей, но огранка и в настоящее время производится почти исключительно маврами.

— Исмаил, сколько же лет вы учились своему ремеслу? — задал я вопрос и тотчас же понял всю его наивность.

Старый гранильщик ответил, что этому искусству (он подчеркнул слово «искусство») его с малых лет учил отец, отца — дед. Кто учил деда, он точно не помнит, но, наверно, прадед. Этот ответ, пожалуй, исчерпывающе объяснял, как мастера без всяких измерительных приспособлений, на примитивных станках, доверяя только своему глазу и опыту, превращают невзрачные, тусклые камни в известные всему миру самоцветы.

МОРСКИЕ БОГАТСТВА ЦЕЙЛОНА

Почти в каждой местной лавочке, и уличной и на базаре, раскачиваются подвешенные за хвосты крупные тушки вяленых тунцов, в корзинах или на разостланной мешковине навалом лежит рыба поменьше, вплоть до мелочи не больше спички. Магазины торгуют мороженой или консервированной рыбой самых различных названий и пород.

Если океан не штормит, то на горизонте непременно увидишь темные паруса далеких катамаранов, а на берегу — рыбаков, пристроившихся на камнях или стоящих, закатав саронги, в пене прибоя. На юге страны, в районе Матары, любители рыбной ловли сидят на вбитых недалеко от берега в морское дно шестах с поперечинами, напоминая кур на насесте.

Это закономерно для островной страны, где рыба — второй, после риса, основной продукт питания населения и где от любого пункта до берега океана по прямой не более шестидесяти километров. Удивляет другое — Цейлон ежегодно расходует не менее восьмидесяти миллионов рупий на импорт рыбы и рыбных продуктов.

Чтобы разобраться в этом парадоксальном явлении, мы отправились в Негомбо. Там каждый второй взрослый человек так или иначе связан с рыболовством. Хотя Негомбо — город рыбаков, его название ничего общего с рыболовством не имеет, оно в переводе с сингальского означает «земля поклоняющихся змеям».

Город расположен на выступе между океаном и лагуной. На берегу ее к вечеру, когда с промысла возвращаются рыбаки, вырастает лес мачт. В этой же лагуне, связанной с океаном узкой горловиной, рыбацьи суда находят убежище во время штормов и ремонтируются.

Рыбаки в районе Матары

Со всеми дарами Индийского океана можно ознакомиться в музее Коломбо, но мы получили более полное впечатление, посетив самое оживленное место в Негомбо — рыбный рынок. Долго искать его не пришлось, нас безошибочно вывел к нему шум толпы и запах. Конечно, можно было бы сказать «йодистый запах океана и морских водорослей», но с сожалением надо признать, что происхождение его менее романтическое — на рынке просто нет льда для хранения скоропортящегося товара.

На бетонных прилавках распластались облепленные мухами веретенообразные тунцы, застывшие в агонии акулы с молочно-белыми животами, похожие цветом и формой на недопеченные блины нелепые рыбины — скаты с тонкими крысиными хвостами, изящные макрели, зубастые морские щуки — барракуды, змееобразные, с чашкообразным острым зубом мурены. В плоских корзинках горками высятся беловато-прозрачные морские рачки-креветки; яростно шелкают огромными, с ладонь человека, клешнями крабы, зло поводя глазами на стебель-

ках-ножках. Рыба всюду — на прилавках, крючках, просто на полу.

Покупателей много. Здесь и перекупщики, приехавшие из Коломбо за крупными партиями, и бедняки, которым по карману либо мелкая рыбешка, либо креветки подешевле. Повару из китайского ресторана отрезают плавники акулы, из них будет сварен суп вместе с грибами, яйцами и крабами.

На рынке разные покупатели и разные продавцы. Пожилая женщина с ножом в руках, разложив на доске (за место на прилавке надо платить) куски рыбы около старых, позеленевших от времени медных весов, громко расхваливает свой товар. Она продает рыбу фунтами, но будет рада, если у нее купят и четверть фунта. Это жена рыбака. Сам хозяин отдыхает сейчас дома после ночного лова, а она спешит продать несколько пойманных им рыбин. Ее выручка исчисляется центами.

Неподалеку от нее за отдельным прилавком в чистом белом саронге сидит еще один продавец. Он не расхваливает свой товар. Он имеет дело только с оптовыми покупателями, такими же солидными, как он сам. Жесты торгующихся неторопливы. Продавец оживает только тогда, когда на прилавке появляются деньги. Движения пальцев, перебирающих кредитки, почти неуловимы. Сразу видно, что его руки никогда не прикасались ни к снастям рыбацкой лодки, ни к вальку весла. Это либо доверенный хозяина рыбацкой артели, либо сам хозяин. У него постоянная солидная клиентура, его знают все, и он знает всех. Здесь выручка исчисляется уже не центами, а сотнями рупий.

Солнце стояло довольно высоко над горизонтом, когда мы зашли в один из скромных домиков на берегу лагуны. В нем живет рыбак Альберт Перера. Именно о таких домиках говорят, что они «открыты всем ветрам». Судя по щелям в стенах и потолке, его обитатели хорошо знакомы не только с ветрами, но и с дождями. Но так уж ведется у рыбаков, что прежде всего он починит лодку, а затем, если останется время и, главное, деньги, займется ремонтом дома.

И сейчас, отдохнув после утомительной ночи, Перера идет к своему кормильцу. Катамаран у Переры старый, он достался ему в наследство от отца, и чинить его приходится почти перед каждым выходом в море. На пер-

В ожидании покупателей

Выйдя взгляд эта лодка кажется самым что ни на есть простым сооружением. К корпусу, сделанному из выдолбленного ствола дерева, с наращенными досками-бортами прикреплен аутригер — заостренное с обоих концов бревно, которое, действуя как противовес, мешает лодке перевернуться.

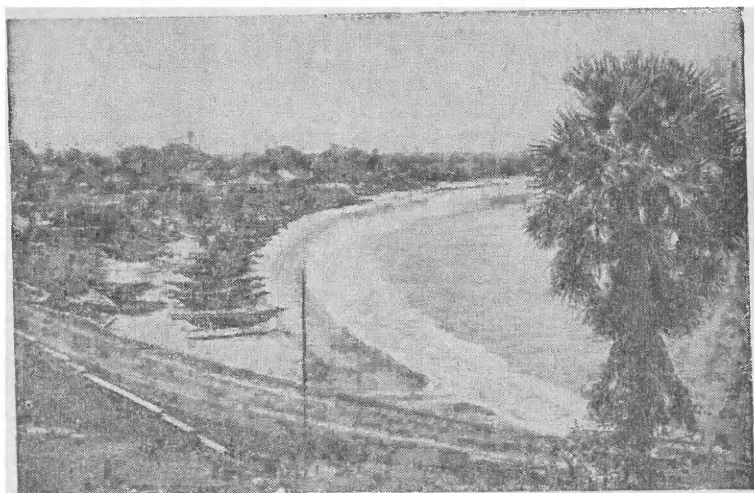
Однако простота конструкции кажущаяся: каждая деталь подсказана и проверена опытом. Высокие борты не дают волнам проникнуть внутрь, выносной аутригер надежно обеспечивает устойчивость катамарана; сам аутригер крепится к корпусу при помощи «пружинной подвески» — упругих дугообразных перекладин, смягчающих удары волн, — и сложной, продуманной системы тросов из волокон кокосового ореха. На свежей волне вибрируют крепления аутригера, поскрипывают веревочные снасти, но у опытных рыбаков опрокинуть катамаран может только шторм.

На случай попутного ветра на лодке стоит мачта с прямоугольным парусом из грубой и тяжелой ткани; если же ветра нет или, что еще хуже, он встречный, рыбаки берутся за весла. Грести можно только стоя, корпус настолько узок, что сиденья приспособить негде. Приличной скорости при этом, естественно, не разовьешь, вот и приходится рыбакам уходить в море ночью: к утру надо попасть в район лова за добрый десяток миль от берега. Столько же времени тратится на то, чтобы вернуться к причалу, на лов остаются считанные часы.

— Конечно, — рассказывал Перера, накладывая за плату из жести на прохудившийся борт, — с мотором можно было бы ходить дальше в океан, где рыбы побольше, да как его купить? Самый дешевый стоит более тысячи рупий, а я в путину в лучшем случае зарабатываю пять-шесть рупий в день. Рыбачу я в одиночку, помогает только старший сын. Все рыболовные снасти и этот старый катамаран собственные, и никто их чинить бесплатно не будет, а мне еще надо прокормить семью да отложить хотя бы немного на период муссонов (два-три месяца), когда в море не выйдешь и заработков не будет.

Путина в этом году не особенно удачная, и надежд на то, что можно будет отложить денег про запас, мало. Снова придется залезать в долги к ростовщикам. Так же живет большая часть наших рыбаков. Есть и такие, кто работает на хозяина, но и их положение не лучше. Считается, что они имеют твердый заработок, но весь этот заработок съедают долги. За каждую поломку катамарана или порванную сеть владелец вычитает из заработка. Сети и лодки у этих владельцев, как правило, еще хуже, чем у меня. Вот и получается, что рыбаки не только не видят своих денег, но постоянно находятся в долгу у хозяев.

Перера кончил латать борт и принялся чинить сеть. Никто из нас не был специалистом по рыбной ловле, но мы понимали, что такими сетями много не выловишь. Не все рыбаки имеют катамараны. Таким приходится довольствоваться плотом, сколоченным из нескольких грубо отесанных бревен. Через него свободно перекатываются потоки воды при малейшем волнении, а на океане штиля почти никогда не бывает.

Катамараны

О траулерах и траловом способе рыбной ловли большинство цейлонских рыбаков знает лишь понаслышке, хотя сами траулеры, преимущественно японские, не такие уж редкие гости на острове. У причалов порта Коломбо с них выгружают ящики с рыбными консервами. На банках яркие этикетки с надписью «Сделано в Японии». Но «сделаны в Японии» только банки и этикетки, рыба же выловлена у берегов Цейлона. Ее-то предприимчивые японцы и продают цейлонцам втридорога.

Здесь же, в порту, часто увидишь небольшой пароходик с громким названием «Мальдивский крест». Это тоже не цейлонский пароход: Цейлон не имеет торгового флота. Насквозь пропахший рыбой пароходик регулярно доставляет сюда с Мальдивских островов сушеного тунца, кстати, его на острове так и называют — «мальдивская рыба».

У некоторых владельцев частных артелей есть и мотоботы. Но не частные предприятия решают проблему самообеспечения страны рыбой. Это по силам только государственному сектору, располагающему достаточным рыболовным флотом, рыбоконсервными заводами, холо-

дильниками и прежде всего специалистами по ловле и обработке рыбы.

Труд рыбака тяжел. Океан быстро изматывает человека, и пожилому рыбаку уже трудно удерживать весла, ему остается либо братья за удочку, либо переходить на ловлю крабов, благо их здесь водится совсем немало.

Крабов лучше всего ловить ранним утром. Найти место на катамаране для зрителей, в качестве которых на сей раз выступали мы, было не так-то просто. Удобных «сидений» здесь нет, там, где можно стоять, стояли два рыбака, согласившиеся взять нас с собой, а остальное пространство занимали сетки. После долгих перемещений мы, то есть зрители, пристроились на перекладинах, соединяющих корпус катамарана с аутригером. Нельзя сказать, чтобы было очень удобно: перекладки пружинили даже на самой легкой волне, угрожая сбросить нас в лагуну, каждая капля воды, казалось, так и норовила попасть на фотоаппарат или кинокамеру. На то, что каждая волна окатывала нас с ног до головы, мы уже не обращали внимания.

Краболовная снасть несложна по своему устройству: на согнутый в обруч деревянный прутик натягивается сетка из койра. Это небольшое решето прикрепляется койровым шпагатом к поплавку — половинке волокнистой оболочки кокосового (опять кокосового!) ореха, в центре сетки помещается наживка — кусок рыбы или мяса. Рыбак с идущего по кругу катамарана опускает это незамысловатое приспособление в воду. Вскоре в лагуне появились окружности, образованные пунктирами плавающих половинок орехов.

Теперь, пока крабы будут раздумывать, клюнуть им на предложенную наживку или нет, можно отдохнуть и покурить. Один из них не выдержал соблазна: поплавок, дрогнув, начал косо уходить под воду. Недокуренные сигареты сразу же полетели за борт, а руки легли на весла, направляя катамаран по пунктирному следу. Пляшущие на поверхности воды поплавки выдергивались рывком, с подсечкой, так, чтобы вцепившийся в наживку краб не успел разжать клешни. Самые сообразительные догадывались о грозившей им опасности еще до того, как их вытаскивали на поверхность, они соскальзывали с сеток и исчезали в глубине лагуны Мо-

нес сообразительные расставались с наживкой только в воздухе и с шумом шлепались в воду. Наиболее увлеченные добычей крабы приходили в себя только внутри катамарана, падая с громким стуком на его днище или на спины своих собратьев по плену.

Держать ноги в лодке, где кипела ожесточенная по-тасовка, сопровождаемая стуком ударяющихся друг о друга панцирей и кляцаньем клешней, становилось явно небезопасным. Один из крабов без видимого усилия перемолол клешней панцирь своего сравнительно небольшого, размером с чайное блюдце, собрата и, угрожающе подняв клешни, решительно направился к моим босым ногам. Прежде чем я подумал о том, чтобы занять более безопасную позицию, мой подбородок ощутил сильный удар, нанесенный моими же коленями, — ноги, казалось, самостоятельно своевременно позаботились о своей безопасности.

Когда нос катамарана уткнулся в прибрежный песок лагуны, рыбаки бросили весла и вооружились длинными палками с рогульками на концах. При помощи палок крабов извлекли из лодки на берег и произвели над ними, очевидно, весьма болезненную для них, но необходимую для безопасности рук будущих продавцов и покупателей операцию: один из рыбаков, прижимая сопротивляющихся «пациентов» ногой к песку, ловко загнал молотком деревянные колышки между клешнями. Заклиненные таким необычным образом клешни имели теперь только ограниченную свободу движений и не могли причинить серьезный вред.

На рыбном базаре в одной из рыбацких деревень около Джафны наше внимание привлекли куски мяса, разложенные на листьях пальмировой пальмы. На первый взгляд ничего особенного они из себя не представляли, и мы так бы прошли мимо, если бы эти подтекавшие кровью куски не... шевелились. То было мясо черепахи.

Черепах ловят большими прочными сетями на «черепаших пастбищах» — отмелях, дно которых устлано особым видом водорослей, любимой пищей этих обитателей теплых морей и океанов.

Довольно сложная система поплавков и грузил придает круглой сети диаметром около тридцати метров форму раскрытого перевернутого зонта; на особом по-

плавке, прикрепленном к сети, устанавливается бамбуковое древко с белым полотнищем. Черепахи могут находиться под водой довольно долго, но время от времени они вынуждены отрываться от еды и подниматься со дна, чтобы освежить запасы воздуха в легких.

Путь к поверхности воды им преграждает зонтообразная сеть-ловушка. Они, естественно, стараются найти выход, но это удается не всегда и не всем. Наиболее невезучие так основательно запутываются в ячейках сети лапами-плавниками, что освободиться могут только с помощью рыбаков. Те сразу же подплывают к ловушкам, как только белый флаг на поплавке начинает раскачиваться.

Самое сложное впереди — вытащить из сети и водворить на скользкую палубу качающегося на волнах небольшого бота (катамараны не годятся уже по той простой причине, что в них не найдешь места даже для одной черепахи) отчаянно сопротивляющуюся черепаху, панцирь которой в диаметре достигает метра (это еще не крупный экземпляр), а вес — ста килограммов.

На палубе черепаху переворачивают на спину — в этом положении она совершенно беспомощна — и так доставляют на берег, где помещают в наполненные проточной морской водой бассейны. Здесь они и живут до первого базарного дня.

Зрелище разделки черепахи для продажи не из приятных, тем более что занимаются этим почему-то, как правило, женщины. Живую черепаху снова переворачивают на спину, одним ударом топора отрубают голову, затем вскрывают панцирь и отделяют от туловища куски, которые еще долго после этого продолжают пульсировать.

Мы были много слышаны о таком деликатесе, как суп из черепашого мяса, но на все предложения и уговоры попробовать это редкое блюдо отвечали отказом. В памяти невольно возникали шевелящиеся куски... Суп из черепахи мы отведать так и не решились.

С давних времен Цейлон славится жемчугом. Как свидетельствует «Махавамса», цейлонский жемчуг благодаря своим размерам и чистоте тонов высоко ценился еще в VI веке до нашей эры.

Жемчужные раковины находят в нескольких прибрежных районах острова, в том числе к югу от Тринкомали, однако более всего их на отмелях, или банках, расположенных у северо-западной оконечности страны, в районе Манарского пролива.

Добыча жемчуга напоминает азартную игру: в ней очень много неизвестного и многое зависит лишь от удачи. По каким-то необъяснимым причинам на тех отмелях, где веками промышляют жемчуг, вдруг не обнаруживают ни одной раковины. Иной раз из миллионов раковин с жемчужинами оказываются единичные. Несколько лет назад внезапно разразившийся шторм уничтожил, по подсчетам специалистов, только на Перийской банке около восьмидесяти миллионов раковин. Бывает и так, что старый ныряльщик за всю свою жизнь не находит ни одной мало-мальски стоящей жемчужины, а новичок в первый же сезон, а то и в первое погружение обнаруживает такую, которая обеспечивает его навсегда.

Веками жемчуг на Цейлоне добывался самым хищническим способом. В настоящее время правительство поставило жемчужный промысел под свой контроль — добыча начинается в определенное время, только после специального разрешения правительственного инспектора, а браконьеры несут наказание.

Узнав из местных газет, напечатавших официальное уведомление правительственного инспектора, дату начала сезона, мы поторопились в район промысла. В эти дни центром добычи жемчуга становится небольшое рыбацье селение Мадуччуади. В нем нам приходилось бывать и раньше. Тогда это была тихая, сонная деревушка в несколько хижин, вокруг которых громоздились груды пустых раковин; на берегу лежали перевернутые лодки и сушились на кольях сети. Теперь ее нельзя было узнать. За одну ночь она превратилась в оживленный поселок. Так, очевидно, во времена «золотой лихорадки» на Клондайке близ обнаруженных золотоносных жил молниеносно возникали города. Около сооруженных на скорую руку из бамбуковых кольев и каджанов — циновок из листьев кокосовой пальмы — хижин жгли костры, на которых готовилась неприхотливая еда. Выпряженные из повозок бычки медленно пережевывали какую-то зелень. Здесь расположились добытчики жемчуга — ныряльщики.

Обособленно от них держались скупщики жемчуга, приехавшие, естественно, не на бычках, а на собственных машинах. Они степенно обсуждали виды на добычу, а следовательно, и на прибыли.

Как растревоженный улей, шумел невесть когда и как появившийся базар с лотками и бутиками, укротителями змей и знахарями, гадалщиками и астрологами.

Особенно оживленно было у лотков со «священными талисманами» для ныряльщиков. Дело в том, что в прибрежных водах этого района иногда появляются акулы и меч-рыбы. Конечно, предприимчивые «святые отцы» не упускают случая извлечь для себя из этого выгоду, и притом немалую: «универсальных» талисманов нет — есть особый против акул, особый против меч-рыбы, особый против непогоды и особый «на счастье». Безопасность на весь сезон не гарантируется, так как действие талисмана рассчитано только на одни сутки.

Рано утром мотоботы, дхони и катамараны с ныряльщиками на борту отчалили от берега и направились на жемчужные банки. Каждый капитан ставит свое суденышко на облюбованное им место.

Ныряльщики уже приготовились и ждут сигнала к погружению. Их экипировка более чем проста: набедренная повязка, сетка или корзина для сбора раковин на длинной лямке, которая перекидывается через плечо, и непрменный талисман. Лишь у очень немногих — маски для ныряния. По сигналу капитана ныряльщики прыгают в воду. Быстрее погрузиться им помогает увесистый камень на веревке, свободный конец которой держит их помощник, остающийся на борту. Всплеск — и на поверхности только пузыри воздуха.

Где-то на дне океана ныряльщик, экономя каждое движение и каждую секунду, собирает раковины и складывает их в корзину. Когда запас воздуха в легких кончается, он привязывает лямку корзины к камню и дергает веревку, давая знак помощнику, чтобы тот поднимал раковины, сам же, оттолкнувшись ногами от дна, устремляется вверх.

Вот он появляется на поверхности — широко раскрытый рот, посиневшие губы, тяжелое дыхание, — подплывает к лодке и обессиленно наваливается грудью на борт.

Ныряльщик пробыл под водой всего лишь около минуты, за это время он погрузился на глубину почти четырнадцать метров, разыскал в песке или среди кораллов до десятка раковин и вернулся на поверхность. Короткий отдых — и он снова уйдет на дно. К концу дня, в течение которого делается пятьдесят-шестьдесят погружений, у многих, особенно у тех, кто постарше, из носа и ушей идет кровь.

Пока ныряльщик собирается с силами к очередному погружению, его помощник вынимает из сетки раковины и складывает их в мешки. К вечеру на некоторых «счастливых» лодках все мешки уже заполнены, но к берегу можно плыть только по сигналу. Вот тогда начинается гонка — гнутся весла в руках гребцов, поставлены все паруса, на всю «железку» работают моторы: кто раньше других достигнет берега, тот получит главный приз — право первым продать с аукциона жемчужные раковины.

Причаливание первой лодки к берегу вызывает ажиотаж — гребцы торопятся сгрузить мешки, купцы, позабыв о всякой степенности, спешат увидеть раковины.

На вид раковины совсем невзрачны — небольшие, с поздраватой коричневато-серого цвета поверхностью, только у створок пробивается перламутровый блеск. Но в каких-то из них, возможно, спрятаны те сказочные жемчужины, ради которых до изнеможения работают ныряльщики, надрываются на веслах гребцы, бросают все дела и спешат сюда, в Мадуччукади, купцы.

Аукционер, перед столом которого на помосте лежит в мешках первая партия жемчужных раковин, уже поднял руку с деревянным молотком. На лицах купцов нерешительность, нетерпение, надежда. Никто не решается назвать цену первым, ведь она в значительной степени может определить цены на весь сезон. Каждый ждет, что скажет его коллега по профессии, впрочем, теперь уж не коллега, а ненавистный соперник, которому во что бы то ни стало надо подставить ногу, чтобы выбить его из игры.

Любители наживы еще раз продумывают про себя все ходы, шансы, свои и своих соперников, многие шепчут молитвы, призывая силы небесные послать им такую же удачу, которая однажды выпала здесь на долю бедняку, купившему на последний медный грош три раковины и обнаружившему в них одну из самых крупных

жемчужин, когда-либо найденных у берегов Цейлона.

Наконец цена названа. Трижды раздается традиционный вопрос: «Кто больше?» — и стук молотка аукционера возвещает, что сделка совершена. Но страсти еще не улеглись. Владелец партии раковин или его доверенные будут теперь внимательнейшим образом следить за каждой вскрываемой раковиной. Число найденных в них жемчужин, стоимость их — все это содержится в строгой тайне.

По официальным данным, в один из сезонов было добыто 80 миллионов раковин; продав их, хозяева артелей ныряльщиков положили в карман сумму, равную 250 тысячам английских фунтов. Сколько положили в свои сейфы скупщики, не скажет никто.

А ныряльщики? Сколько же получают они? Ныряльщики по традиции получают одну из каждых пяти добытых ими раковин. Вот и вся оплата.

Когда в одном из ювелирных магазинов Коломбо мне показали ожерелье из розоватого жемчуга, я тотчас же вспомнил изможденные лица ныряльщиков, появляющихся из-под воды с жадно раскрытыми ртами, кровь, текущую алыми струйками из носа и ушей.

НАРОДНЫЕ УМЕЛЬЦЫ

Знакомство с прикладным искусством страны следует начать со знаменитых цейлонских масок, которые, по словам старейшего писателя Мартина Викрамасинхе, «подобно сказкам, раскрывают и освещают определенные черты сингальской культуры».

Родина масок — острова Тихого океана, откуда они в незапамятные времена и были завезены на Цейлон. Здесь они служат украшением в быту и являются непременной принадлежностью в театрализованных представлениях. Особая разновидность масок, носящих название демонских, используется при исполнении обрядовых и ритуальных танцев, посвященных обычно либо изгнанию злых духов, либо исцелению от болезней.

Цейлонские маски удивительно красочны и разнообразны. Для каждого персонажа — человека, демона, животного — установились традиционные формы. Уже по цвету маски можно узнать, каково социальное положение человека, которого она олицетворяет. Зритель-цейлонец, присутствующий на театрализованном представлении, при взгляде на маску сразу же определит персонаж спектакля. Для изображения людей «благородного происхождения» предпочтение отдается светлым тонам. Маска, олицетворяющая королеву или принцессу, — белого цвета, короля или именитого сановника — розового; этот же цвет применяется также для обозначения какого-нибудь сверхъестественного существа или «доброе» демона. Синий цвет показывает, что на сцене появился чужеземец или «злой» демон, а черный — что вышел представитель низших каст.

Изготовление масок — настоящее искусство. Выполнены они с большим вкусом и мастерством. Как правило, их вырезают из мягких пород дерева, в частности из акации или бальсы.

Резьба по дереву, слоновой и черепаховой кости — традиционный вид художественного ремесла на острове. Куски черного, эбенового, атласного, красного, розового, сандалового дерева, пестрая древесина кокосовой пальмы под резцом мастера превращаются в фигурки слонов, тигров, буйволов и всевозможных птиц.

В городе Галле, крупнейшем центре кустарной промышленности, мы побывали в одной из мастерских, где работают преимущественно с эбеновым деревом. Расположена она в длинном сарае, к которому примыкает навес. Под ним сушатся заготовки — чурбаки различных размеров. В прошлом каждый резчик вырезал изделие сам, он его начинал, он же его и заканчивал. Теперь в производстве существует разделение труда.

Мастера «поточной линии», работу которых нам показал владелец мастерской, специализировались только на вырезывании слона. Первый при помощи циркулярной пилы делал несколько надрезов на деревянном чурбачке, второй долотом и молотком отбивал куски дерева в промежутках между надрезами. После этой операции чурбачок начал приобретать уже определенную форму. Под стамеской и резцами следующего мастера заготовка превратилась в пока еще грубое, но вполне различимое изображение слона с опущенным хоботом. Поверхность фигурки обработали напильниками и наждачной бумагой, и мы увидели почти готового слона темно-бурого цвета — естественного цвета эбенового дерева. Черный блестящий глянец был наведен при помощи обыкновенной сапожной щетки и крема для обуви, выпускаемых здесь отделением популярной фирмы «Киви». Наконец, последний мастер приделал фигурке заранее вырезанные из кости бивни и глаза.

На все эти операции потребовалось не более часа, и вот перед нами стоит чуть-чуть насупленный, но в то же время уверенный в своей силе слоненок. Пораженные искусством и быстротой работы мастеров, мы не удержались от искушения и купили эту фигурку-сувенир, еще хранившую в себе теплоту создавших ее человеческих рук.

В другой мастерской, расположенной через дорогу, для слонов готовили «одежды», точные копии тех, в которые облачают живых слонов во время перахеры. Склонившись над верстаками, мастера пилили, шули,

обтачивали куски металла (серебра или мельхиора), и он в их умелых руках, казалось, терял все присущие ему свойства, становился мягким и податливым.

Наиболее квалифицированным мастерам поручается самая тонкая работа — нанесение филигранного узора на серебряные «попоны». При помощи чеканов и молоточков умельцы воспроизводят на металле сложный рисунок, в деталях повторяющий вышивку настоящих попон. Металлические «попоны» оторачиваются бахромой из тончайшей проволоки. По желанию заказчика и за особую, конечно, плату их украсят настоящими драгоценными камнями. Из тонких трубочек делается беседка, водружаемая на спину фигурки, а в ней устанавливается крошечная шкатулка — подобие ларца, в котором выносятся на перахеру «зуб Будды».

На маленьких токарных станках вытачиваются крохотные колокольчики, не больше двух-трех миллиметров в диаметре. Разница между этими и теми, что прикрепляются к ногам и шее слонов — участников перахеры, только в размерах и звуке — маленькие заливаются частым пронзительным звоном при малейшем прикосновении к ним.

Глаза разбегаются при виде многочисленных изделий, выпускаемых этой небольшой мастерской. Ослепительно сверкающие серебряные подносы разных размеров точно воспроизводят очертания острова Цейлона; скрестив ноги, в задумчивости восседают бронзовые Будды; свернувшись спиралью перед броском кобра из латуни, на ее коже можно различить каждую чешуйку.

В одной из комнат чеканщики покрывали затейливым орнаментом высокую, по плечо человека, лампу с шестью рожками. У нас при открытии выставки или в других торжественных случаях почетные гости перерезают ленту — на Цейлоне зажигают медную лампу, наполненную кокосовым маслом.

Искусство чеканки здешним мастерам известно с древности. В музее Коломбо под стеклом витрин хранится оружие, некогда принадлежавшее сингальским правителям и их приближенным. Рукоятки и ножны боевых кинжалов и мечей щедро украшены затейливой инкрустацией из золота, серебра, слоновой кости и перламутра, стальные клинки покрыты тончайшей резьбой, изображающей военные подвиги владельцев оружия.

Предметы повседневного обихода — деревянные и глиняные кувшины и миски, плошки из скорлупы кокосового дерева и прочая утварь, скромно стоящая на полках комнат или кухонь цейлонских жителей, во многих случаях также могли бы с полным правом занять место в музеях как высокохудожественные образцы народного творчества.

На южной оконечности острова, у шоссе между городами Галле и Матара, расположилась небольшая деревушка. Ее нельзя миновать не заметив, потому что вдоль дороги выставлены лотки и стенды со всевозможными изделиями из глины. Эта деревня — она называется Велигама — знаменита гончарами.

Гончарные мастерские легко найти по дымку, курящемуся из обжигальных печей. Станки весьма примитивны, такие, вероятно, существовали и пятьдесят и сто лет назад. На вертикально установленной оси закреплены два круга, на верхнем помещается кусок хорошо промешанной глины, нижний приводится в движение равномерными толчками ног мастера.

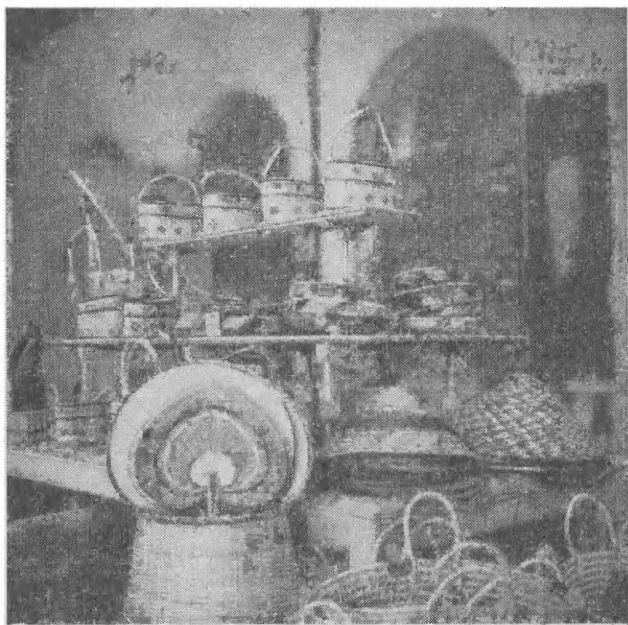
Примечателен не станок, примечательно искусство гончара — несколько почти неуловимых прикосновений и из бесформенной массы буквально на глазах вырастает стройная узкогорлая ваза или горшок со строго выдержанными, законченными пропорциями.

Еще сыроватое изделие поступает к мастеру по росписи; как правило, эту часть отделки выполняют женщины. Существует несколько способов нанесения рисунка на поверхность вазы или горшка. Иногда мастерица сначала выдавливает острой палочкой узор на еще не окрепшей поверхности, а затем краской заполняет углубления. Иногда же краска наносится непосредственно на гладкую поверхность изделия.

Но в том и другом случае традиционный узор рисунка отстается неизменным, его основу составляют ажурные переплетенные круги, а между ними — сложные сочетания листьев и стеблей.

Наблюдая за работой мастерицы, мы недоумевали, почему она пользуется красками какого-то тусклого, невыразительного цвета. Оказывается, художница должна учитывать особенности технологии дальнейшей обработки изделия, которое после сушки в тени обжигается в специальных печах. Высокая температура придает поше-

Из листьев кокосовой пальмы
плетутся сумки, веера, корзины

оттенки первоначальному цвету, а иногда и совершенно изменяет его.

Горшки обжигают, конечно, не боги. Но у людей, не знающих секретов гончарного мастерства, горшок, а тем более ваза не получится. Это особенно хорошо понимаешь, когда смотришь на законченное творение мастеров из Велигамы — стройную вазу, на теплом коричневом фоне которой нанесен исполненный с большим вкусом узор, придающий ей легкость и невесомость.

На острове, наверно, не найдешь ни одного жилища, где не было бы циновки, сплетенной из листьев кокосовой пальмы. Ими покрывают столы, настилают полы и украшают стены. Из того же материала плетут объемистые мешки для хозяйственных нужд, корзины, дамские сумки. Эти сумки настолько эластичны и прочны, что далеко не сразу догадаешься, что они сделаны из жест-

Буддийский храм около Матары

ких и скрипучих листьев. Правда, для этого нужно немало потрудиться: листья долго кипятят, затем отбеливают в различных растворах, красят, режут на тонкие полоски и только тогда приступают к плетению.

Считается, что лучшие циновки плетутся в горной деревушке Думбура, здесь этим ремеслом занимаются сотни лет. По традиции они окрашиваются только в четыре цвета: красный, оранжевый, черный и белый. На них часто изображается священная птица — «хансая», о которой упоминается во многих легендах и сказаниях.

Недалеко от Матары сравнительно недавно построен буддийский храм, привлекающий внимание не только оригинальной архитектурой, но и росписью. Строился и расписывался он не дипломированными специалистами

и художниками, а мастерами-самоучками, так что его с полным правом можно отнести к памятнику народного творчества.

На ровном и широком уступе на склоне холма высится двадцатиметровое изображение сидящего Будды. Время еще не наложило отпечатка на статую, и она, может быть, даже чересчур красочна, хотя в данном случае яркость красок великолепно сочетается с фоном — сочной зеленью склона. Статуя установлена на огромном постаменте, внутри которого и расположен храм.

Оставив у входа обувь, мы в сопровождении служки-монаха углубляемся в лабиринт многочисленных залов, стены которых покрыты фресками. Всего здесь насчитывается, как сказал нам наш гид, тысяча фресок, воспроизводящих в определенной последовательности историю буддизма.

Нас заинтересовало не столько их содержание, сколько манера и техника исполнения. По установленным канонам, ситтару, художники-богомазы, занимающиеся росписью культовых строений, могут употреблять краски лишь чистого, без смешения, белого, красного, желтого, черного, голубого, зеленого, розового, коричневого и серого цвета. Перспектива отсутствует. Все изображенные предметы очерчены четкой черной линией, а лица людей даны либо в фас, либо в профиль.

Народное искусство Цейлона имеет давние традиции. Даже в тяжелые времена господства иностранных колонизаторов народ сумел сберечь основы национальной культуры, в том числе художественных ремесел. В независимом государстве этим вопросам уделяется серьезное внимание.

Одним из первых актов правительства Соломона Бандаранаике было учреждение Министерства культуры, в обязанности которого входит, в частности, координация деятельности, направленной на возрождение и развитие народного искусства и ремесел.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЦЕЙЛОНА

Как-то зимой на улице Москвы — это было уже после моего возвращения с Цейлона — меня остановил смуглый молодой человек. Я не узнал его, да и трудно было узнать в одетом по-зимнему (в меховой ушанке и теплом пальто) человеке цейлонца, которого до того встречал в легкой, рассчитанной на жару одежде. Но как только он назвал свое имя, все стало на свои места. Я вспомнил, как многолюдно было в одном из крупнейших залов Коломбо, «Лайонель вендт», когда там выставлялись работы студента Московского высшего художественно-промышленного училища имени С. Строганова Премачандры, того самого юноши, который подошел ко мне в Москве. Он приезжал тогда на родину на каникулы. Среди посетителей можно было увидеть общественных деятелей, представителей интеллигенции, художников старшего и молодого поколений, рабочих и учащихся. С огромным интересом рассматривали они картины с видами Цейлона, Москвы и Подмосковья. На полотнах, написанных в реалистической манере, они увидели самих себя, тружеников страны, чьими руками создаются ее богатства. Тут же возникли оживленные дискуссии, в которых самое деятельное участие принимали представители различных направлений в живописи.

Цейлонские художники и скульпторы переживают период творческих исканий. Они ищут такие методы и формы изображения, в которых традиционные основы национального искусства органически сочетались бы с новейшими художественными течениями.

Определенное влияние на цейлонскую живопись оказала английская академическая школа. Ее последователи на Цейлоне писали исполненные в сухой официальной манере портреты государственных и общественных деятелей и стилизованные пейзажи.

Картины художников этого направления экспонировались в том же зале незадолго до выставки работ Премачандры. Из массивных позолоченных рам на посетителей смотрели английские генерал-губернаторы, чопорные, с холеными бакенбардами и при орденах, томно улыбающиеся знатные дамы в дорогих туалетах с украшениями из драгоценных камней и золота. Это направление сколько-нибудь широкого признания не получило.

Образованное в 1943 году художественное объединение «Группа 43» ставит перед собой другие задачи. Его члены, в первую очередь такие художники, как Гарри Пирис и Джордж Кейт, обращаются к современной теме. И хотя они ориентируются главным образом на западный модернизм, в их картинах получают отражение и национальные мотивы.

Большая группа художников входит в общество «Джатика кала перамуна» (Национальный художественный фронт), руководимое буддийским священником Мапалагамой Випуласарой тхеро. Целью общества является возрождение подлинно национальной живописи, создание произведений, отражающих современную действительность и в то же время основывающихся на традициях древнего цейлонского искусства. Значительное место в творчестве этих художников занимает показ повседневной жизни — труд и быт людей из народа, портреты цейлонцев, прекрасная природа острова. Их картины написаны в реалистической манере, но сохраняют выраженный национальный характер.

29 мая 1962 года в Южной провинции острова, в селении Коггала, что в переводе с сингальского означает «журавлиный камень», открылся первый на Цейлоне литературный музей. Им стал скромный домик, где в майский день 1891 года родился крупнейший современный писатель Цейлона Мартин Викрамасинхе.

В нескольких шагах от домика, на просторной лужайке, едва вместившей собравшихся со всех концов страны почитателей таланта писателя, друзей и односельчан, состоялось чествование юбиляра. Его поздравляли коллеги, читали посвященные ему стихи молодые поэты; не было отбоя от желающих принять участие в конкурсе на лучшее исполнение отрывков из произве-

дений маститого писателя, который сам вручал победителям памятные призы. В заключение увенчанному гирляндами живых цветов виновнику торжества передали ключи, и он с волнением открыл дверь отчего дома, ставшего теперь музеем.

Обстановка дома точно воспроизводит ту, которая была здесь, когда Викрамасинхе был ребенком, но появились в ней и новые «детали». На стендах выставлены книги писателя, в том числе «Змеинный остров» и сборник рассказов, изданные на русском языке, рецензии на них, помещенные журналами и газетами Советского Союза и других стран.

Постоянно Викрамасинхе живет в Коломбо, вернее, в одном из пригородов столицы. Сюда-то и пришли мы, чтобы встретиться со старейшиной современной цейлонской литературы. Хозяин приветливо встретил нас на пороге, провел в свой рабочий кабинет, уставленный высокими, до самого потолка шкафами с книгами, усадил в кресла. Поинтересовался, долго ли нам пришлось разыскивать его, предложил прохладительные напитки со льдом, включил электрический вентилятор, установив его так, чтобы ветерок от лопастей был направлен в нашу сторону. Разговор, естественно, зашел о литературе. Мартин Викрамасинхе знает и любит произведения русских и советских писателей. На корешках книг, расставленных на полках, нам сразу бросились в глаза имена Л. Толстого, А. Чехова, Ф. Достоевского, М. Шолохова. Я обратил внимание на небольшую книгу в довольно ветхом переплете, которая лежала на отдельной полочке шкафа, — сборник рассказов М. Горького, вышедший в Лондоне на английском языке.

— Эта книга особенно дорога мне, — сказал Викрамасинхе. — Именно с нее и началось мое знакомство с русской литературой. Однажды — я тогда был еще юношей — в одном из книжных магазинов Коломбо мне попала книга, которую я до того долго искал. Хозяин согласился продать ее только в том случае, если в качестве «приложения» к ней я возьму еще несколько книг. Среди них-то и был этот сборник, пробудивший во мне интерес к творчеству великого Горького, а затем и к произведениям других русских авторов.

Постепенно Мартин Викрамасинхе рассказал о себе. Он родился в бедной крестьянской семье и рано узнал

полную изнурительного труда и лишений жизнь цейлонского крестьянина. Получить хорошее образование бедному деревенскому парнишке было непросто. Два года в сельской школе, а затем несколько лет в английской школе в Галле — вот, собственно, и все, чего он мог добиться в то время. Интересно, что писать он научился, перерисовывая буквы с сингальских рукописей на морском песке, еще до поступления в школу.

В дальнейшем своим образованием Викрамасинхе занимался самостоятельно. Круг его интересов был чрезвычайно широк: он изучал не только литературу, но и философию, право, естественные науки.

Литературная деятельность писателя началась с газеты. Будучи в течение ряда лет редактором «Динамины», он одновременно писал короткие рассказы и работал над созданием больших литературных полотен (например, «Ли́ла», 1914 год).

В 1939 году М. Викрамасинхе создает серию рассказов из жизни своих земляков, крестьян Южного Цейлона, объединенных позднее в сборник «Апе гаме» («Наша деревня»). Большую известность приобрела его трилогия «Гам пералия» («Изменяющаяся деревня»), увидевшая свет в 1944 году, «Югантая» («Конец века»), опубликованная в 1948 году, и «Калиюгая» («Железный век») — в 1957 году.

Эти произведения, повествующие о разительных переменах в современной сингальской деревне и показывающие процесс расслоения сингальского крестьянства, ознаменовали возникновение нового течения в истории цейлонской литературы. Они получили широкое признание читателя. Достаточно сказать, что роман «Гам пералия» с 1944 года выдержал восемь изданий. Помимо романов и рассказов перу М. Викрамасинхе принадлежит ряд драм, очерков, критических статей.

В конце беседы писатель поведал нам, что работает над книгой о Советском Союзе.

Свое намерение Викрамасинхе выполнил. «Расцвет Страны Советов» — так названа эта книга. Она рассказывает о сложном, богатом событиями периоде истории России, начавшемся после Великой Октябрьской социалистической революции. Автор не ограничивается простой констатацией фактов и цифр, а дает глубокий ана-

лиз сущности советского государственного и общественного строя, основных принципов советской демократии. Говоря о трудностях первых лет существования молодой Советской республики, он отмечает, что народ мужественно выстоял в огне гражданской войны, в борьбе против внутренней реакции и построил первое в мире социалистическое государство. Г. Уэллс называл в свое время великого Ленина мечтателем, но советский народ доказал всему миру, что в условиях социализма любая мечта становится явью.

В книге особо подчеркивается международное значение Великого Октября. «Победа Октябрьской революции — это победа идеологии марксизма-ленинизма, которую великий Ленин применил на практике к условиям России. И если буржуазные идеологи на Западе пытаются свести на нет международное значение Октября, то это они делают лишь из-за жгучей ненависти к Советскому Союзу и его успехам». И далее: «Русская революция не преследовала цели поработить народы Азии и Африки, а, наоборот, ставила своей неперменной задачей их освобождение. У России достаточно своих собственных богатств, чтобы не только не претендовать на чужие земли, но и помогать развивающимся странам, что русские и делают».

Отдельная глава посвящена развитию науки, литературы и искусства в СССР. «Весь мир рукоплещет сейчас гению советской науки. За короткий период она достигла таких невиданных успехов, каких наука в европейских странах не могла достичь и за столетия.

Обложка книги
Мартина Викрамасинхе
«Рассвет Страны Советов»

Именно Советский Союз был первым, кто запустил искусственный спутник земли. Именно советский человек был первым покорителем космоса!» — восклицал автор.

Не обойден здесь и такой жгучий вопрос современности, непосредственно затрагивающий судьбы сотен миллионов людей, судьбы нынешнего и будущего поколений, как вопрос о войне и мире. «Советская страна — мирная страна, — подчеркивает М. Викрамасинхе. — Живое свидетельство тому — новая Программа КПСС, которая является самой мирной программой в истории человеческого общества. Советский Союз хочет жить в мире, но в современной международной обстановке, когда империалисты стремятся развязать новую мировую войну, одними словами мир не отстоишь, нужна еще и сила, способная обуздать агрессора. Вот почему укрепление обороноспособности СССР и других стран социалистического лагеря является непременным залогом успехов в борьбе за мир, за дружбу между народами».

Книга Мартина Викрамасинхе привлекла к себе внимание литературной общественности Цейлона и вызвала широкий обмен мнениями.

Творческий путь Мартина Викрамасинхе — путь служения народу. Жизнь родной страны, родного народа всегда была источником вдохновения для писателя. Потому так близок и дорог читателям этот выдающийся мастер прогрессивной цейлонской литературы, выразитель ее лучших художественных традиций.

Совсем недавно на Цейлоне вышла книга, на обложке которой на трех языках — сингальском, русском и английском — написано: «Лев Толстой „Крейцера соната“». Переводчик ее С. Самарасинхе был удостоен премии 1965 года за лучший перевод произведения иностранного автора. За последние годы интерес цейлонских читателей к образцам русской и советской литературы значительно возрос. Библиографической редкостью стали «Сорок первый» Б. Лавренева и «Трубка» Ю. Нагибина, переведенные на сингальский язык.

На улице Гол-роуд, за невысоким каменным забором и высокими густыми деревьями, находится двухэтажное здание старинной постройки. Дом этот хорошо знаком

всем любителям танца. Здесь находится студия известного балетмейстера Читрасены, организатора и бессменного руководителя танцевальной труппы.

Регулярно по вечерам сюда собираются члены коллектива. Это слово, пожалуй, наиболее точно передаст характер танцевального ансамбля. Его участники не получают твердого и постоянного жалования, выручка за представления в крупных городах страны почти полностью уходит на оплату поездок по сельской местности; там цена на билеты устанавливается минимальная, скорее символическая, иногда спектакли даются вообще бесплатно. Главная задача ансамбля — возрождение национального танца.

Веранда нижнего этажа превращается в сцену, воздвигаются импровизированные станки — бамбуковые жерди на козлах. Начинается репетиция. Под ритмические звуки звонкого тамбурина юноши и девушки отрабатывают очередные упражнения. Зеркал, обычно заменяющих одну из стен балетных студий, здесь нет. Труппа не так богата, чтобы позволить себе эту роскошь.

Затем станки убираются, и артисты переходят к разучиванию элементов танца. Снова и снова повторяются, шлифуются отдельные движения. За балеринами и танцовщиками наблюдает Читрасена и его жена Ваджира. Они поправляют актеров, показывают, как надо правильно исполнить то или иное па. В перерыве мы подошли к Читрасене и попросили его побеседовать с нами. Он охотно согласился и, сев на низенькую скамейку в углу сцены, рассказал:

— На Цейлоне любят музыку, песни и особенно танцы. Пожалуй, мало сказать, любят танец, — здесь его чтут. Во всех школах его изучают в качестве обязательного предмета. Кроме того, существуют специальные балетные студии и школы классического и народного танца, школы при храмах, где юношей обучают ритуальным и религиозным танцам. В деревнях родители учат своих детей танцам, которым научились у своих отцов и матерей.

Еще в незапамятные времена на острове сложилось несколько разновидностей танцев. Наиболее красочные из них кандийские, составляющие неотъемлемую часть перахеры; исполняют их и при встрече почетных гостей и на официальных приемах.

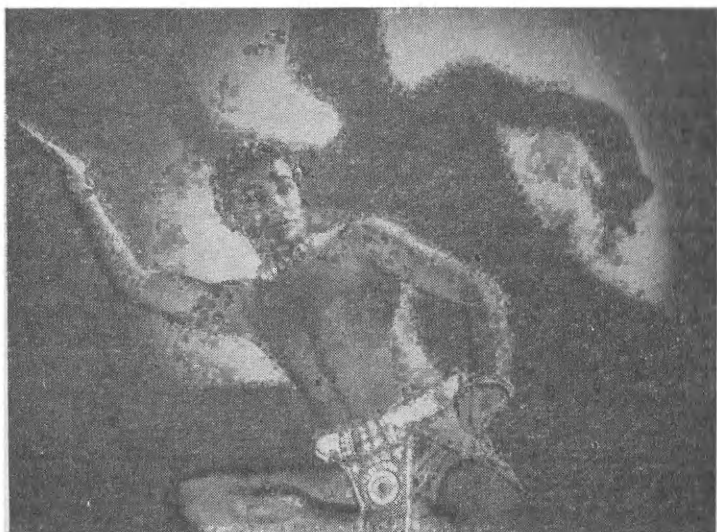
— Посмотрите, — указал он на артиста на сцене, — Сейчас он показывает танец гаджага ваннама, имитирующий движения птиц и животных. Каждое движение рук, ног, туловища и головы танцора имеет определенное значение. Очень популярны у нас танцы, отражающие трудовые процессы (сев и уборка риса, жатва и т. д.), их обычно исполняют женщины, а также групповые традиционные танцы вайроди, что в переводе с сингальского означает «сверкание звездного сапфира». Ни одно карнавальное шествие не обходится без пантхеру — танца с бубнами.

Беседа прерывается: должны репетировать Читрасена и Ваджира — ведущие актеры труппы. Репетиции предшествует определенный ритуал — прежде всего актеры приветствуют своего учителя. Поклон, ладони, сложенные перед грудью. Затем Ваджира передает ему бронзовый тамбурин, звеневший до того в ее руках.

Теперь балетмейстеры, сами превратившиеся в учеников, замерли в исходной позиции. Метр наклоном головы разрешает начать. Громко, с высокой ноты повела затейливую мелодию флейта, ее сопровождает замысловатая, но удивительно ритмичная дробь барабана, звенит, отбивая счет, тамбурин. С первыми тактами музыки оживают фигуры танцоров.

Танец в их исполнении отличается изяществом, легкостью и непринужденностью, законченностью форм и предельно четким рисунком. Ваджира — балерина необыкновенная. Необыкновенна ее внешность: хрупкая и гибкая женщина, с гордым орлиным профилем, огромными иссиня-черными глазами, с широкими вразлет бровями. Необыкновенна ее судьба: дочь богатого землевладельца, она ушла из семьи, чтобы стать танцовщицей, чем навлекла на себя гнев и осуждение родных, ведь профессия эта издавна считалась уделом членов самых «низких» каст.

Национальный балет (одним из его создателей является Читрасена) — сравнительно молодой вид искусства на Цейлоне. Но, несмотря на свою молодость, он уже успел завоевать любовь и признание зрителя, причем не только цейлонского. Коллектив Читрасены совершил большую поездку в Австралию и готовился к гастролям в Советском Союзе, Чехословакии, Венгрии, Румынии и на Кубе.

Читрасена в роли купца Мандадиралы

Помимо обширной концертной программы труппа собиралась показать за рубежом балеты «Карадия» и «Наль и Дамаянти», музыку к которым написал талантливый композитор Амарарева. Балет «Карадия» («Соленая вода») повествует о тяжелой доле рыбаков, о несчастной любви двух юных сердец — девушки Сиси и молодого рыбака Чанда. Их счастью мешает местный богатей Мандадирала, полагающий, что за деньги он может купить все, даже любовь. В конце концов влюбленные погибают, но, несмотря на это, балет глубоко оптимистичен. Он раскрывает большую социальную тему — тему борьбы за лучшую жизнь, за право быть свободным.

«Наль и Дамаянти» — это рассказ о чистой и большой любви молодого короля Наля и красавицы-принцессы Дамаянти. По сюжету он в какой-то степени напоминает «Лебединое озеро». Когда в первом акте на сцене появляется стая лебедей, ассоциация возникает невольно. По словам австралийской газеты, зритель очень высоко оценил цейлонский балет «Наль и Дамаянти», назвав его «Восточным Лебединым озером».

Большой известностью на острове пользуется также другой крупный балетный коллектив, возглавляемый художественным руководителем Према Кумарой. Поставленный им балет «Наваюгайя» («Новый мир») посвящен сегодняшнему Цейлону. Особенностью этой постановки являются красочные массовые танцы, отсутствие балетных партий, рассчитанных на индивидуальное исполнение.

Цейлонская газета «Форвард» писала: «Пока в нашей стране существуют такие беззаветно преданные искусству люди, как Читрасена и Према Кумара, питающие глубокую любовь к национальному танцу, мы можем быть спокойны за будущее национального балета».

Однажды в корреспондентском пункте ТАСС раздался телефонный звонок. Читрасена приглашал нас к себе вечером на огонек. Труппа только что вернулась из гастрольной поездки, и чемоданы, облепленные разноцветными наклейками многочисленных европейских отелей, еще стояли нераспакованными. На стульях и диванчиках лежали вороха неразобранных театральных костюмов. Кто-то что-то искал, вещи переносились с места на место — словом, в студии царил та приятная неразбериха, которая бывает всякий раз, когда люди возвращаются домой.

До сих пор нам приходилось видеть и встречать Читрасену и Ваджиру на сцене, репетициях, дипломатических приемах, сейчас нас принимала простая и славная супружеская пара в своем кругу. Ваджира, по обычаю всех женщин, занялась закусками, а Читрасена, также следуя традиции, позаботился о том, чтобы было чем утолить жажду.

Супруги рассказывали о странах, где они побывали в эту поездку, об интересных встречах с коллегами по профессии, о том, как их принимали зрители. На столе появились афиши и программы на многих языках. Мы переводили рецензии на их спектакли, помещенные московскими, ленинградскими, ташкентскими и калининскими газетами.

— Мы знаем, что русский балет по праву считается лучшим в мире, а советский зритель — взыскательный и понимающий зритель, — сказал, прощаясь с нами, Читрасена. — И нам особенно приятно, что самый теплый

Национальный танец в исполнении Ваджиры

прием (а мы побывали во многих странах) был оказан нам именно в Советском Союзе.

Современный цейлонский театр начал складываться в 80-х годах прошлого столетия. Свое происхождение он ведет от кави надагама — народной драмы, в основном разрабатывавшей историческую тему и исполнявшейся в традиционной манере.

Постепенно стала ощущаться необходимость в создании национального театра и национальной драматургии. Видная роль в этом принадлежала Джону де Силва, написавшему острую и злую сатиру на европеизированное высшее общество «Парабхава натакая» («Пьеса о поражении») и множество пьес на сюжеты, заимствованные из индийской мифологии. Ряд драматургов занимается переложением мировой классики. М. Г. Перера, например, — автор сингальских вариантов «Венецианского купца», «Юлия Цезаря». Он же перевел «Ромео и Джульетту». Эти пьесы имеют успех. Известностью пользуется и переработка мольеровского «Мнимого больного», гоголевских «Ревизора» и «Женитьбы».

На Цейлоне нет профессиональных трупп, по всей стране разбросаны любительские театральные коллективы, существующие только благодаря энтузиазму их режиссеров и актеров.

На сингальском и английском языках они регулярно ставят произведения Гольдони и Шоу, Ибсена и Метерлинка, Брехта и О'Кейси. Теперь в этом списке появились имена Чехова и Горького.

В один из вечеров сотни жителей Коломбо, несмотря на тропический ливень, устремились к зданию лучшего концертного зала столицы, на стене которого висела афиша, извещавшая, что Цейлонское общество любителей драмы по случаю своего пятидесятилетнего юбилея ставит пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад» (на английском языке). Мы присутствовали на этом спектакле. Артисты очень старались донести до зрителя дух чеховской пьесы, замысел писателя, и это им удалось. Постановка чеховского «Вишневого сада» была воспринята как значительное событие в театральной жизни страны. «Писатель глубоко национальный, — отмечала в те дни цейлонская пресса, — Чехов в равной степени

дорог и близок людям других стран, ибо свой неувядаемый талант он целиком отдал великому делу освобождения человека от социального неравенства. Правдивость, мудрая простота и глубокая человечность чеховского таланта не только покоряют сердца зрителей, но и требуют от артистов высокого драматического мастерства. Поэтому успех артистов Цейлонского общества любителей драмы — несомненно творческая победа этого коллектива».

Через некоторое время на сцене того же концертного зала с не меньшим успехом прошли «Мещане» М. Горького. Эту пьесу поставил другой коллектив — Общество любителей драмы Цейлонского университета — тоже по случаю своего юбилея, но тридцатилетнего. И снова цейлонская пресса писала: «Мы глубоко признательны художественному коллективу Цейлонского университета за постановку пьесы М. Горького «Мещане». Это даст возможность цейлонскому зрителю ближе и глубже познакомиться с жемчужиной горьковской драматургии, с могучим талантом бессмертного писателя».

Отсутствие профессионального театра в значительной степени сказывается на общем уровне национальной драматургии. В репертуаре любительских театральных коллективов нет ни одного сколько-нибудь значительного произведения о современной жизни страны. Цейлонские драматурги — а среди них есть люди очень талантливые — не пишут пьесы на темы сегодняшнего дня по самой простой причине — они знают, что их некому ставить и некому играть по-настоящему. Любительским кружкам (в стране к тому же нет опытных режиссеров) эта задача, к сожалению, не по силам.

Больше повезло цейлонской кинематографии. С цветастых рекламных плакатов на фасадах местных кинотеатров, стенах зданий и заборах все чаще смотрят герои в традиционном национальном костюме, чаще встречаются и названия на сингальском или тамильском языках. Некоторая часть фильмов, особенно на тамильском языке, ввозится из соседней Индии, располагающей мощной кинематографической промышленностью. Но кинопродукция отечественного производства постепенно начинает завоевывать цейлонский экран.

В отличие от театральных режиссеров кинорежиссеры смелее обращаются к современной жизни, и кинофильмы именно на такого рода темы находят все большее признание у цейлонского зрителя. Свидетельством тому может служить успех кинофильма «Гам пералия» («Изменяющаяся деревня»), поставленного Л. Д. Перисом по одноименному роману Мартина Викрамасинхе.

На цейлонском кинофестивале 1963 года этот фильм из десяти премий (за лучший сценарий, лучшую постановку, лучшее исполнительское мастерство и т. д.) завоевал семь.

«Гам пералия» — это серьезная проба сил молодой кинематографии. Впервые в национальном кино была затронута глубокая социальная тема — классовое расстройство деревни.

В те дни местная пресса писала: «После просмотра „Гам пералии“ снова чувствуешь себя в гуще народа, участником его борьбы за лучшую жизнь. И за это хочется поблагодарить режиссера фильма...»

У кинотеатров на Цейлоне неизменно выстраивались очереди, когда в них проводились недели советских кинофильмов. Здесь демонстрировались такие наши фильмы, как «Коммунист», «Иваново детство», «Баллада о солдате», «Прощайте, голуби», «Чистое небо». На кинофильм «Первый рейс к звездам», который показывали перед приездом на Цейлон первого в мире космонавта Юрия Гагарина, приобрести билеты было почти невозможно.

МОЛОДЕЖЬ— БУДУЩЕЕ СТРАНЫ

«Молодежь Цейлона требует сурово наказать убийц Патриса Эмери Лумумбы! Мы требуем суровой кары для тех, кто стоял за спинами этих подлых убийц!» — гневно восклицал оратор под одобрительные шумные возгласы участников митинга.

Это был необычный митинг. Необычно место, где он проходил, — улица, на которой расположено посольство Бельгии в Коломбо. Само здание посольства казалось покинутым, на мачте перед главным входом отсутствовал бельгийский флаг, ставни окон плотно закрыты, наглухо заперты двери. Необычна трибуна — невысокая каменная ограда. А сразу же за ней плотной стеной стоят цейлонские полицейские. На этот раз они не в широкополых шляпах, а в стальных шлемах. На плечах — сумки, набитые гранатами со слезоточивым газом, за спинами — винтовки, в правой руке — увесистая деревянная дубинка, в левой — сплетенный из прутьев щит. Полицейские неподвижны, только нервно поигрывает стеклом офицер.

Однако повода для того, чтобы дать команду рассеять участников митинга, нет: никто не заходит во двор посольства. Сменяются ораторы. На противоположной стороне улицы под громкие крики присутствующих на деревьях повешены чучела Чомбе и его приспешников.

Так в первый же день приезда на остров состоялось мое знакомство с цейлонской молодежью. Тогда, в феврале 1961 года, по всему миру проходили демонстрации и митинги протеста, вызванные расправой над Патрисом Лумумбой. Волнение охватило и население Цейлона. Впереди была молодежь страны.

В дни октября 1962 года, когда тревожные тучи сгустились над Островом Свободы — Кубой, жители

Коломбо вышли на улицу, требуя «Руки прочь от Кубы!» Мирная демонстрация направилась к посольству США. Путь преградила цепь полицейских, появившихся из двора посольства, где, как потом рассказывали, их щедро угощали виски. Возглавлявшие шествие сенаторы и члены палаты представителей цейлонского парламента попытались объяснить полицейскому чину, что демонстранты преследуют мирные цели.

В ответ раздалась резкая команда, и впервые в жизни я услышал звук ударов тяжелых дубинок, обрушившихся на человеческие тела. Людей били с расчетом — наотмашь дубинками и древками транспарантов, целились в лицо. На мостовой еще долго после того оставались багровые пятна крови. Среди раненых было много студентов, молодых рабочих и служащих.

Гневная волна протеста против произвола и провокационных действий полиции прокатилась по всей стране. Офицер, руководивший этой расправой, вынужден был подать в отставку и уехать с острова. И снова молодежь прошла перед посольством США, но на этот раз уже никто не осмелился тронуть демонстрантов.

Активная роль в общественной жизни страны принадлежит студентам Цейлонского университета. Он был основан в 1942 году. Английские колонизаторы, не заинтересованные в развитии национального образования на Цейлоне, боялись утратить свое идейное и политическое влияние на умы молодого поколения. Не случайно поэтому и создание университета они постарались взять в свои руки. Его первым вице-канцлером вплоть до 1955 года был английский правовед и политический деятель Айвор Дженнингс.

В 1962 году первое на острове высшее учебное заведение отметило свое двадцатилетие. Тогда в нем обучалось 4650 человек. Университет расположен в двух городах — Коломбо и Перадени (около Канди); в столице находятся факультеты медицинский, технический, естественных наук, в Перадени — преимущественно гуманитарные.

Университетский курс рассчитан на три года для получения диплома обычной степени бакалавра и на четыре года — для получения диплома бакалавра почетной степени. Обучение платное и далеко не всем по карма-

ну — студент должен вносить довольно солидную сумму за обучение, питание, пользование общежитием, медицинское обслуживание, бытовые услуги и, сверх того, регистрационный взнос. Это затрудняет поступление в университет детям рабочих и служащих, хотя студентам, представившим справку муниципалитета или сельского совета о тяжелом материальном положении родителей, делается пятидесятипроцентная скидка.

Жизнь учащихся Цейлонского университета проходит бурно и интересно. Патриотически настроенное студенчество отчетливо понимает стоящие перед ним задачи и мечтает отдать все свои силы и знания на благо родины. Однако, к сожалению, еще нередко дают себя знать последствия длительного чужеземного господства и связанного с ним духовного рабства — некоторые студенты черпают свои знания исключительно из составленных англичанами учебников и ничего не желают знать об истинных нуждах цейлонского народа. Администрация университета не несет никакой ответственности за трудоустройство выпускников, и значительная часть их не уверена в завтрашнем дне.

Не решена в университете и проблема преподавания на местных национальных языках: на большинстве факультетов оно ведется только на английском. Процесс перехода на сингальский и тамильский языки совершается крайне медленно и наталкивается на сопротивление, а иногда и прямой саботаж высокопоставленных чиновников. Но все это дело времени.

Мы не раз бывали в Цейлонском университете, и всегда у нас возникали интересные и содержательные беседы со студентами. Последний раз мы поехали туда с Алвисом Сенанаяке, президентом Всецейлонского союза студентов (он был одним из ораторов, выступавших на митинге перед зданием посольства Бельгии, там мы с ним и познакомились). И снова завязалась оживленная беседа-дискуссия на самые разные темы. Было отрадно видеть, что круг вопросов, связанных с Советским Союзом, заметно расширился. Если несколько лет назад студенты имели весьма смутное представление о жизни советских юношей и девушек, советского народа, то сейчас они довольно хорошо знают нашу страну, а некоторые изучают, и не без успеха, русский язык.

Прогрессивно мыслящая часть студенчества активно поддерживает идею дальнейшего сближения молодежи Цейлона с молодежью СССР и других стран социалистического лагеря. Не раз наши собеседники высказывали искреннее желание поехать в Советский Союз для завершения своего образования в высших учебных заведениях.

Молодежь Цейлона борется за процветание страны, за признание своих прав, за мир и дружбу между народами, против угрозы новой войны. Под этими лозунгами проходил 4-й съезд Всецейлонской федерации коммунистических и прогрессивных молодежных организаций в сентябре 1964 года. В зале колледжа города Ратнапуры собралось тогда более семисот делегатов — рабочих и крестьян, студентов и служащих, портюиков и рыбаков острова.

С украшенной гирляндами из живых орхидей трибуны съезда делегатов приветствовали представители юношества Венгрии, Франции, Судана, Всемирной федерации демократической молодежи. Взрывом аплодисментов встретили участники съезда посланца советской молодежи, секретаря Центрального Комитета ВЛКСМ Марину Журавлеву, передавшую съезду и всей прогрессивной молодежи Цейлона братский привет и Красное знамя от ЦК ВЛКСМ и двадцатимиллионного отряда комсомольцев Советского Союза.

На съезде не было и не могло быть равнодушных — молодежь подводила итоги своей деятельности, обсуждала планы на будущее. Присутствующие бурно аплодировали, когда ораторы говорили об успехах своих организаций, и негодующе свистели, когда выступающие рассказывали о попытках реакции подорвать единство молодежи.

Лесом поднятых рук приветствовали делегаты заключительное выступление президента Федерации Саратха Муттетувегамы, провозгласившего: «Да здравствует единство прогрессивной молодежи всего мира!» Этот лозунг нашел живой отклик у тех, кто создает будущее своей страны. Впереди нелегкий путь: еще сильны в стране позиции местной реакции, поддерживаемой извне, но будущее Цейлона за молодежью.

«ДРУЖБА — ПУТЬ НА СТО ЛЕТ»

Как-то во время одной из поездок по острову мы приехали в небольшой городок, приютившийся у самого океана. Было около четырех часов дня. Солнце еще палило нещадно, а на площади городка царило необычное для этого часа оживление. Наше внимание привлекла группа празднично одетых людей, которые с чисто южным темпераментом громко переговаривались между собой, шутили, смеялись. Было очевидно, что здесь кого-то ждали. Мы решили поинтересоваться, в чем дело.

Оказалось, что должна была приехать кинопередвижка Лиги цейлоно-советской дружбы и привезти советский кинофильм «Мы из Кронштадта». Хотя до начала сеанса оставалось добрых два часа, нетерпеливые зрители до отказа заполнили городскую площадь, превращенную в импровизированный кинозал под открытым небом. Нас представили одному из руководителей Лиги, М. Карунаратне.

— Кинопередвижку с советскими кинофильмами, — сказал он, — в любом городке ожидают с нетерпением. Народ хочет как можно больше знать о Советском Союзе, с которым нас связывает большая и прочная дружба. Немаловажную роль в укреплении этих дружеских связей между нашими странами, — добавил он не без гордости, — играет и наша Лига, существующая уже более двух десятилетий.

Действительно, Лиге цейлоно-советской дружбы принадлежит важная роль в укреплении взаимных контактов между двумя народами. Фактически история создания ее относится еще к 1943 году. Только в то время она называлась Ассоциация друзей СССР. Уже тогда, в тяжелых условиях колониального режима, Ассоциация старалась внести свой посильный вклад в

борьбу народов за мир. В суровые годы Великой Отечественной войны цейлонские сторонники мира передали послу СССР в Индии (в то время дипломатические отношения с Цейлоном еще не были установлены) несколько сот фунтов стерлингов в фонд помощи нашей армии. Эти деньги члены Ассоциации собирали среди жителей острова.

Но в период колониального господства и в первые годы независимости деятельность Лиги была во многом скована. Работу зачастую приходилось вести нелегально. Местная и иностранная реакция как огня боялась ростков того нового и прогрессивного, что олицетворяла собой Лига.

Второе, если так можно выразиться, рождение ее относится к 1956 году, когда к власти пришел Объединенный народный фронт во главе с премьер-министром Соломоном Бандаранаике. Новое правительство взяло курс на самостоятельное национальное развитие страны, и Лига цейлоно-советской дружбы получила широкий простор для деятельности. Во многих городах и деревнях страны были открыты ее отделения и филиалы. В октябре 1961 года состоялась II Национальная конференция Лиги, избравшая инициативный комитет во главе с членом парламента Джорджем Раджапаксе; он же стал ее президентом. В состав руководства вошли члены парламента, представители политических, профсоюзных и молодежных организаций. В настоящее время на острове насчитывается более шестидесяти отделений Лиги.

Интерес цейлонского народа к жизни советских людей растет. Об этом красноречиво говорит хотя бы такой факт — ежемесячно в адрес Лиги приходит до трехсот заявок с просьбой показать советские документальные и художественные фильмы. Только в 1961 году кинокартину о наших славных космонавтах посмотрели сотни тысяч цейлонцев более чем в 320 городах и деревнях страны, а самым популярным фильмом 1963 года был фильм «Небесные братья».

С утра до вечера не прекращается оживление в здании Лиги в Коломбо. Сюда приходят студенты колледжей и школьники, молодые служащие и портовики. Нередко здесь встретишь и тех, кому положено быть «не от мира сего», — буддийских монахов, сосредоточен-

по читающих советские журналы и газеты. Кстати говоря, по просьбе этих монахов при столичных буддийских университетах Видьодая и Видьяланкара организованы и успешно действуют кружки по изучению русского языка.

Никогда не залеживается на стеллажах читальной комнаты литература о Стране Советов на сингальском, тамильском и английском языках. Несколько раз в неделю по вечерам в самом большом зале демонстрируются наши кинофильмы. Но часто зал не вмещает всех желающих, и тогда кинопроектор выносится во двор; под шорох зеленых пальм скачет на горячем скакуне в развевающейся бурке и заломленной на затылок папaxe Василий Чапаев, идет на немецкий танк русский парнишка из «Баллады о солдате».

Всегда аплодисментами встречают зрители появление на экране советских космонавтов. Многих из них цейлонцы видели не только в кино. Ю. Гагарин, В. Терешкова-Николаева, А. Николаев, В. Быковский во время пребывания на Цейлоне выступали в этих стенах и оставили на память свои фотографии с автографами, которые развешаны на самом почетном месте.

Посетители Лиги знакомы с творчеством скульптора Марины Ярославской, художников Виталия Горяева и Вадима Трофимова, демонстрировавших здесь свои произведения, созданные на Цейлоне. Теперь уже стало традицией, что все посещающие остров советские делегации и туристские группы обязательно выступают в здании Лиги. Такими же традиционными стали и выступления приезжающих на каникулы цейлонцев, студентов Московского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. При Лиге цейлоно-советской дружбы в Коломбо и в некоторых других городах страны действуют кружки по изучению русского языка. На стенах висят знакомые нам с первых классов плакаты «Нам нужен мир!», «Ма-ша ела кашу», таблицы склонения существительных и спряжения глаголов.

Усердно выводят в тетрадах слова и фразы на русском языке цейлонские девушки и юноши. Нелегко учить иностранный язык после нескольких часов занятий в колледже, школе или напряженного рабочего дня в учреждении, на предприятии. Но вот непослушные сначала слова складываются во фразы, и девушка с чер-

ными косичками облегченно вздыхает, когда ей удается прочесть без запинки целый абзац из учебника.

Для некоторых слушателей чтение учебника — уже пройденный этап.

— Почему вы решили изучать русский язык? — спросили мы Аппухами Вирасурия, рабочего порта Коломбо.

— Мне нравится ваша страна, — ответил юноша по-русски. — Моя мечта — учиться в Московском университете дружбы народов, о котором я слышал так много хорошего от моих друзей. Я знаю, что в Москве я смогу получить такие знания, какие не получу в университетах других стран. И еще я хочу поближе познакомиться с жизнью советской молодежи, которая служит для меня примером.

Слова «учиться в Москве» очень популярны среди юношей и девушек. Трудно найти здесь молодого человека, который не выражал бы желания поехать на учебу в СССР. Добавьте к этому стремление знать нашу страну, жизнь советских людей, советскую науку, искусство, русскую и советскую литературу — и вы поймете, почему желающих изучать русский язык становится все больше.

— Одна из основных задач Лиги, — сказал в беседе с нами ее президент Джордж Раджапаксе, — популяризация успехов Советского Союза во всех областях науки, техники и искусства, его успехов в борьбе за мир, дальнейшее укрепление дружественных и культурных связей между народами наших стран.

Цейлонский народ хорошо понимает, что только мир и бескорыстная помощь друзей помогут ему залечить раны, нанесенные длительным хозяйничаньем колонизаторов.

Когда я спросил О. Пиясена, одного из членов молодежной делегации, посетившей нашу страну, что ему больше всего понравилось в Советском Союзе, он, не задумываясь, ответил: «Мир!»

На маммоти, заступе цейлонского крестьянина, которым он обрабатывает свое поле, стоит иностранное клеймо. Проволока, огораживающая поле крестьянина, тоже привезена из-за границы. Оттуда же доставлено

подавляющее большинство металлических, да и не только металлических изделий. В магазинах продаются товары английского, американского, японского, западногерманского, итальянского производства. Страна не имеет своей тяжелой промышленности, а легкая представлена в основном мелкими и кустарными предприятиями.

По официальным данным, доля местной промышленности в экономике Цейлона не превышает десяти процентов. Если прекратить ввоз промышленных товаров, страна задохнется. Однако сейчас уже наметились перемены.

Узкая лесная дорога, причудливо извивающаяся среди огромных деревьев, выводит нас на опушку. На широкой поляне, сплошь заваленной поверженными на землю стволами деревьев и выкорчеванными пнями, деловито движутся советские тракторы. Советские тракторы на раскорчевке леса — самая обычная вещь. Необычными могут показаться только трактористы — темнокожие сингалы и тамилы в саронгах, да место — тропические джунгли.

25 февраля 1958 года в Коломбо было подписано соглашение между правительством Цейлона и правительством Советского Союза об экономическом и техническом сотрудничестве. Соглашение предусматривало, в частности, оказание помощи Цейлону в расчистке шести тысяч акров джунглей под посадки сахарного тростника.

Спустя некоторое время в район Канталаи — это приблизительно в пятидесяти километрах от Тринкомали — прибыли советские специалисты и техника: дрововалы, бульдозеры, кусторезы, грейдеры. Вековое затишье цейлонских джунглей, изредка прерываемое лишь криками попугаев и обезьян, нарушил гул Челябинских тракторов. Поначалу не все было гладко. Не сразу приноровились валить опутанные лианами, глубоко пустившие в почву корни тиковые и эбеновые деревья. Трудно было привыкнуть к влажному и жаркому зною — в нагретой солнцем и двигателем кабине трактора без всякого преувеличения чувствуешь себя, как на верхнем полке в парильне. Нелегко приходилось в дождливые сезоны, когда многодневные тропические ливни превращают почву в вязкое, засасывающее месиво.

— Экзотики здесь хоть отбавляй, — рассказывал мне в накаленной кабине трактора инструктор-механик Николай Мамонов, — и с дикими слонами приходилось встречаться и змей в собственной комнате убивать. Недавно трехметрового питона трактором придавили.

Мы вышли из кабины перекурить и присели тут же на ствол поваленного дерева. Вокруг нас полным ходом шла работа. Многие цейлонские трактористы, переняв опыт своих русских друзей, уже сами уверенно управляли машинами. Иногда случалась и заминка, и тогда на помощь спешил один из русских техников. Устранение неисправности использовалось как практический урок.

Неподалеку такой «практический урок» проводил Виктор Маршалов: цейлонскому трактористу попало особенно крупное дерево, и дело не ладилось.

Опустив навесную раму с укрепленными на ней стальными клыками, Виктор точно рассчитанными движениями пересек корни дерева. Затем многотонная машина уперлась в ствол. Взревел мотор, из-под отполированных добела траков гусениц, разбрасывающих солнечные зайчики, полетели комья земли. Гигантское дерево, не менее двух метров в диаметре, дрогнуло и, задевая сучьями соседние деревья, с глухим шумом упало на землю.

Совместными усилиями советских специалистов и их цейлонских учеников у вековых джунглей отвоевано уже семь тысяч акров. Зеленоватые стебли тростника высотой в два человеческих роста поступают на сахарный завод, построенный по проекту и с помощью чехословацких специалистов. Продукция Канталайского завода уже пользуется широкой популярностью на местном рынке. А еще совсем недавно страна полностью импортировала сахар.

У советских специалистов появилось не только много учеников, работающих во всех концах острова, но и много друзей среди местного населения. Вечерами рабочие сахарного завода и плантаций, жители окрестных деревень часто приходили навестить своих русских товарищей, посмотреть советские кинофильмы. Был у наших специалистов и свой «сын бригады» — десятилетний цейлонский мальчик по имени Пунчибанда, мечтавший скорее подрасти, чтобы сесть за трактор. Сейчас, наверно, его мечта уже осуществилась.

По просьбе цейлонского правительства наши техники и инженеры после Канталаи приняли на себя руководство работами по раскорчевке джунглей в районе Хамбантоты, где будут разбиты первые на Цейлоне плантации хлопчатника.

На бетоне нефтяного причала в порту Коломбо я увидел хорошо сохранившуюся, несмотря на время, влажный океанский ветер и палящее солнце, надпись, нанесенную белой краской: «Танкер „Иваново“, Советский Союз, 14 марта 1962 года». В этот день огромный танкер под алым советским флагом медленно вошел в порт, где его уже ожидали представители местных властей, корреспонденты и репортеры ведущих цейлонских газет.

Интерес к приходу советского танкера был вполне закономерен... Более шестидесяти лет назад впервые появились на Цейлоне оранжевые раковины — эмблема англо-голландской нефтяной компании «Шелл». В сентябре 1928 года она заключила картельное соглашение о совместной деятельности в стране с американской нефтяной компанией «Станвак», к которому затем присоединилась и американская фирма «Калтекс».

С тех пор все без исключения нефтепродукты можно было приобрести только у этих компаний и, разумеется, по ценам, установленным ими же. Каждая капля бензина, керосина, дизельного и авиационного топлива, покупаемого по бросовым ценам в Иране и в странах Арабского Востока, сбывалась потом втридорога на острове, принося колоссальные прибыли бизнесменам с американскими, английскими и голландскими фамилиями.

Сколько «нефтяной триумvirат» выкачал денег из кармана цейлонцев, сказать трудно — бизнесмены умеют хранить свои тайны, — но бесспорно, что это цифра со многими нулями. Некоторое представление о прибылях иностранных нефтяных монополий может дать такая деталь — управляющий отделением компании «Шелл» на Цейлоне получал оклад, который в тринадцать раз превышал жалованье цейлонского министра.

После достижения независимости страны одним из мероприятий правительства, направленных на ликвида-

цию тяжелых последствий колониального правления, явилось создание Национальной нефтяной корпорации Цейлона. Ей было предоставлено право импортировать нефтепродукты по наиболее выгодным для нее ценам, а также национализировать оборудование и имущество иностранных нефтяных компаний с последующей компенсацией.

Первым шагом молодой корпорации было заключение контракта с советской внешнеторговой организацией «Союзнефтеэкспорт» на поставку нефтепродуктов на весьма выгодных условиях.

Надпись на нефтяном причале и оставили моряки танкера «Иваново», доставившие на Цейлон первую партию грозненского керосина. В тот же день «Иваново» посетили министры, президент и генеральный управляющий корпорации. Капитан танкера Виктор Рябков показал гостям капитанский мостик, машинное отделение, матросские кубрики.

На следующий день сессия парламента специально прервала свои заседания, чтобы дать депутатам возможность присутствовать на торжественной церемонии приема советских нефтепродуктов в Колоннаве, пригороде Коломбо, где в то время находились хранилища иностранных компаний.

Отзвучали торжественные аккорды государственных гимнов Цейлона и Советского Союза, и в огромный резервуар, на котором эмблема Национальной нефтяной корпорации — гонец с пылающим факелом — сменила оранжевую раковину «Шелл», шумным потоком хлынул советский керосин. Присутствующие тепло приветствовали капитана танкера, приглашенного затем в качестве почетного гостя на заседание парламента.

Здесь же в Колоннаве 28 апреля 1962 года состоялась церемония вручения ключей водителям автоцистерн, которые повезли советские нефтепродукты к национализированным у иностранных нефтекомпаний бензоколонкам. Этот день считается «днем рождения» Национальной нефтяной корпорации Цейлона.

Так был нанесен первый удар по позициям западных нефтяных монополий на острове. Наиболее «дальновидной» оказалась, пожалуй, компания «Станвак», поспешившая уступить свое место компании «Эссо», которая, видимо, рассчитывала, опираясь на поддержку запад-

ных правительств и местной реакции, удержаться на Цейлоне.

Действительно, американское и английское правительства не замедлили сделать по официальным дипломатическим каналам энергичные представления правительству Цейлона, обвинив его в нарушении священного принципа частной собственности и т. д.

Местная реакция в свою очередь стала распускать клеветнические слухи о том, что советское горючее немедленно выведет из строя автомашины, рассчитанные якобы только на бензин западных нефтекомпаний.

Правительство Цейлона изъявило готовность обсудить с правительствами США и Англии вопрос о размерах компенсации за национализированное имущество компаний. Однако американское правительство под самыми различными предлогами оттягивало рассмотрение этого предложения, а затем, рассчитывая использовать некоторые финансовые затруднения Цейлона, вкладывающего значительные денежные суммы в становление и развитие национальной экономики, заявило, что президент США полномочен прекратить предоставление помощи стране, если она в ближайшем будущем не выплатит компенсацию за национализированное имущество (компании, кстати сказать, заломили суммы неслыханные).

Ответ цейлонского правительства был предельно краток и выразителен: «Лучшей формой иностранной помощи, которую США могут оказать малым странам, явится воздержание от вмешательства во внутренние дела этих стран».

Ультиматум американского правительства вызвал всеобщее возмущение, по острову прошли многолюдные митинги. Представители всех слоев населения, члены различных политических партий, профсоюзных и молодежных организаций горячо поддержали позицию цейлонского правительства, когда возглавлявшая его в то время Сиримаво Бандаранаике заявила: «Цейлон не будет плясать под дудку капиталистических стран!»

На массовом митинге в Коломбо, прошедшем недалеко от здания посольства США, демонстранты выкинули в Индийский океан гроб с надписью «иностранные нефтяные компании» и сожгли чучело «дяди Сэма». Такая же судьба постигла чучело «тети Уиллис», как,

здесь называли Френсис Уиллис, занимавшую тогда пост посла Соединенных Штатов на Цейлоне.

Советские нефтепродукты завоевали добрую славу в стране. Бескорыстная помощь друга дала возможность правительству Цейлона сделать следующий шаг — с 1 января 1964 года Национальная нефтяная корпорация стала единственным поставщиком и распределителем нефтепродуктов на внутреннем рынке страны. Вскоре после этого я вернулся из поездки по Цейлону. Наша машина прошла много десятков километров по дорогам острова, и на всем пути мы заправлялись горючим только из бензоколонок Национальной нефтяной корпорации. В некоторых местах на бензоколонки, всего несколько дней до того принадлежавшие иностранным компаниям, еще не успели нанести изображение гонца с пылающим факелом, и плакаты с эмблемой корпорации наклеивались на раковины «Шелл», на звезду «Калтекса» и на овал «Эссо». На других — эмблемы иностранных фирм были просто перечеркнуты размашистым крестом.

Автоматически читаются на придорожных знаках надписи, сделанные на английском: «Впереди крутой поворот!», «Ремонт! На дороге люди!» Вдруг на огромных тесовых ящиках, погруженных на медленно идущий перед нашей автомашиной тягач, читаешь: «Не кантовать! Порт погрузки — Одесса, СССР. Порт назначения — Коломбо, Цейлон». Только мгновение спустя осознаешь, что надписи сделаны не на английском, а на русском языке. Белозубый сингал, водитель тягача, рассказывает нам, почему он ведет его так медленно и осторожно: он везет драгоценный груз — оборудование для первого на острове металлургического завода, строящегося с помощью и по проектам советских специалистов. Перед названиями почти всех объектов, сооружаемых здесь при участии Советского Союза, стоит слово «первый». С него начинается название металлургического завода и завода авторезины, завода крупнопанельного домостроения и элеватора, хранилища-холодильника для овощей и фруктов.

В двадцати километрах от Коломбо, неподалеку от деревни Орувела, заканчивается строительство пер-

Эмблема Национальной нефтяной корпорации Цейлона
сменила эмблему фирмы «Калтекс»

вой очереди металлургического завода. Я помню, как на этом месте, где уже поднялись заводские корпуса, росли кокосовые пальмы. Помню и как их корчевали с помощью... слона. Строительная техника еще не подошла, а готовить площадку надо было. На стволе пальмы, ближе к кроне, закреплялся трос. Другой его конец привязывался к постромкам, в которые впрягали слона. Махаут подавал команду, слон натягивал трос, затем делал рывок — и пальма падала на землю.

Широким фронтом развернулись работы после прибытия техники. На строительстве становилось тесно — во всех направлениях сновали бульдозеры и грейдеры, перемещавшие тысячи тонн грунта; чтобы выровнять поверхность площадки, экскаваторы выбирали грунт из котлованов и с грохотом сбрасывали в железные кузова самосвалов. Те, надсадно урча, выбирались из котлованов и доставляли его на другой конец площадки. Все оживленнее становилось движение на дороге от Коломбо до Орувелы. Машины везли арматуру, цемент, станки, оборудование. Одновременно велись работы по расширению дороги: по ней свободно проходили лишь обычные машины, а предстояло перевезти крупногабаритные детали кранов, многометровые пролеты для перекрытия главного корпуса завода.

Люди торопились. Наступал сезон дождей, и ливень мог залить открытые котлованы и траншеи, превратить подъездные пути в жидкое месиво, в котором намертво садились бы не только тяжело труженные автомашины, но и многосильные тракторы.

Главный инженер строительства Иван Семенович Бабин в эти дни, казалось, находился одновременно на нескольких участках — что-то не ладилось на полигоне, где изготовлялись железобетонные колонны-опоры; на размытом участке дороги при подъезде к заводу образовалась «пробка» и оттого задерживается подвоз нужного позарез оборудования.

Рабочее место главного инженера в одноэтажном дощатом бараке с электрическими фенами на столах, создающими некоторое подобие прохлады, но там его застанешь редко. Вот он что-то разъясняет сингалу-бурильщику, затем на несколько минут скрывается в кабине экскаватора, а через некоторое время он уже на дне глубокого котлована, отрываемого под фундамент

прокатного стана. Не беда, что рабочие-сингалы не знают русский язык, а главный инженер не владеет сингалским. Они прекрасно понимают друг друга.

Наконец наступил день закладки первого камня в фундаменте завода. Это произошло 13 декабря 1962 года в 7 часов 12 минут утра. Почему именно в это время? Так уж определил гороскоп, составленный бхикку — буддийскими монахами. По их словам, именно в этот день, час и минуту звезды находились в самом благоприятном для закладки фундамента положении. Наши специалисты, памятуя, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», возражать не стали. Бхикку сотворили молитву, и занимавший тогда пост министра промышленности Цейлона Майтрипала Сенанаяке положил первый камень и замуровал в фундамент памятную табличку. Положили по камню и приглашенные на это событие гости, а главный инженер — нашу десятикопеечную монету «на счастье».

— Сегодня, — сказал в тот день Майтрипала Сенанаяке, — заложен не только фундамент металлургического завода, но и фундамент тяжелой промышленности Цейлона.

В кабинете г-на Амарасекера, председателя Металлургической корпорации Цейлона, ведущей с помощью советских специалистов сооружение завода, стоит макет этого промышленного предприятия, сделанный в одной из наших проектных организаций и переданный в качестве дара Корпорации. На макете из пластмассы видны все основные и подсобные корпуса будущего завода полного металлургического цикла, включая сталелитейное производство. После окончания всех очередей строительства он будет ежегодно выпускать до 60 тысяч тонн чугуна и стали, в том числе 35 тысяч тонн проката.

Прежде всего строятся прокатный стан, размещающийся в трехсотметровом корпусе, и проволочно-волочильный стан. Скоро уже Цейлону не придется ввозить каждый килограмм гвоздей, каждый метр проволоки.

На первых порах на прокатном стане будут обрабатываться слитки металла, поставляемого из других стран, в частности из Индии, с Бхилайского металлургического завода, также построенного по проектам и с помощью советских специалистов. Сейчас местные гео-

логи заняты определением запасов железной руды, залежи которой обнаружены в районе города Чилоу. Таким образом, не исключена возможность, что металлургический завод в Орувеле будет работать на местном сырье. Запасы каменного угля на Цейлоне не найдены, но выход есть. Для выплавки стали предполагается использовать древесный уголь, получаемый из стволов и корней отживших свой срок и переставших давать латекс деревьев-каучуконосов.

Самое популярное слово на строительстве — русское «давай!». Оно раздается на многометровой высоте, где работают монтажники, и у кранов, на сборке прокатного стана и в кабине экскаваторов. Оно в ходу и у цейлонцев. Здесь нередко встретишь сингалов и тамиллов, довольно свободно владеющих русским, — они либо проходили производственную практику на наших украинских или уральских заводах, овладевая профессией металлурга, либо занимаются на курсах при Металлургической корпорации: там наряду со специальными предметами преподается и русский язык.

«Давай, давай!» услышишь и на строительной площадке завода авторезины около самой столицы. Проект его разработан советским Государственным институтом по проектированию предприятий резиновой промышленности. Место выбрано не случайно. Завод сооружается близ крупнейшего в стране города и порта, что удобно для экспорта готовой продукции с Цейлона. Река Келани-ганга даст пресную воду, необходимую в большом количестве для производства, и одновременно явится водным путем, по которому можно будет подвозить промышленное сырье из внутренних районов страны.

В условиях тропического климата сооружение завода авторезины осложняется тем, что производство ее требует постоянной температуры. Поэтому пришлось строить мощную холодильную установку. Она же должна снижать влажность воздуха. По окончании двух очередей строительства завод сможет ежегодно выпускать до 360 тысяч автопокрышек и камер.

Цейлон станет поставщиком авторезины во многие соседние страны, которым будет выгоднее, учитывая расходы на перевозку, приобретать высококачественную авторезину из натурального каучука здесь, чем в Англии, США и Западной Германии. Ежегодная прибыль

при этом, по сделанным экономистами подсчетам, составит около 4,8 миллиона рупий.

«Завод авторезины будет выгодным предприятием для нашей страны во всех отношениях, — подчеркивала цейлонская газета «Форвард». — Это блестящий пример действенной помощи, оказываемой нам Советским Союзом».

Я доживал на Цейлоне последние дни и, как часто бывает в таких случаях, испытывал сложное чувство. Очень хотелось домой, в Советский Союз, ведь я не был там почти целых четыре года. Но жаль было расставаться с этой сказочно красивой страной, с ее приветливыми жителями, с друзьями, которых здесь приобрел. Я любил Цейлон и цейлонцев, питающих самые искренние чувства к нашей стране. Наверно, никогда не забудутся глаза цейлонских детей, которым делали прививки против полиомиелита в апреле 1963 года (тогда на острове разразилась эпидемия этой ужасной болезни). Советский Союз одним из первых отозвался на призыв правительства Цейлона о помощи и передал в качестве дара два миллиона доз противополиомиелитной вакцины.

Ранним ноябрьским утром 1964 года мы покидали Цейлон. Все формальности с паспортами, визами и досмотром багажа были уже позади. Оставалось пройти последние несколько десятков метров по гостеприимной земле Ланки.

Коломбо — Москва

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Жемчужина в зеленом ожерелье экватора	3
Коломбо — «перекресток Азии»	19
По городам древней Ланки	38
У жителей деревень и джунглей	67
Чай, каучук и продукты кокосовой пальмы	88
Ратнапура — город самоцветов	101
Морские богатства Цейлона	107
Народные умельцы	120
Культурная жизнь Цейлона	127
Молодежь — будущее страны	141
«Дружба — путь на сто лет»	145

Анатолий Николаевич Матюшин

НА ЗЕМЛЕ ЛАНКИ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Л. Ш. Фридман*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *Е. А. Мамиконян* и *Л. И. Романова*
Художник *А. И. Белюкин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Сдано в набор 29/I 1966 г. Подписано к печати 30/IV 1966 г.
А-01476. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 7,97. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1593. Зак. № 218

Индекс $\frac{2-8-1}{207-66}$ Цена 43 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 43 к.

